

ИСТОЧНИК

Документы
русской истории

ВЕСТНИК АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Журнал
в журнале

ДЕЛО

424

ЧАСТЬ 3

ДЪЛЮ

О дворянствѣ воеводъ Овчинъ
Иванъ Синаиловичъ Соловьевъ
Александровичъ Селадинъ
Солдатовъ

19296

Дорогие читатели!

Начинается подписка на второе полугодие 1996 года. Как обычно, мы выпустим 3 номера «Источника». Подписная цена на полугодие — 27 тыс. руб.

(без стоимости доставки).

Индекс «Источника» — 73187

в каталоге «Роспечати».

Подписная цена на полугодие на журнал «Родина» — 54 тыс. руб.

(без стоимости доставки).

Индекс — 73325.

Справки по тел.: 202-62-65.

Новинка!

С третьего номера 1996 года в журнале «Источник» вводится «Справочный отдел».

В ближайших номерах мы намерены опубликовать: а) перечень всех документов из архивов, напечатанных журналами «Источник» и «Родина» за все годы существования; б) сведения о руководителях правительства СССР за все время его существования — от подписания союзного договора в декабре 1922 г. до его денонсации в декабре 1991 г.; будут опубликованы данные о преобразованиях правительства, о его председателях, первых заместителях и заместителях, о всех перемещениях в этом звене, а также биографические справки.

Готовятся к публикации и другие справочные материалы.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати
Reg. № 012124.

Адрес редакции:

103009, Москва, ул.Воздвиженка, 4/7.

Тел.: 202-15-93, 202-49-74.

ИСТОЧНИК

Документы
русской истории

1996/2 (21)

Приложение
к российскому историческому журналу
«РОДИНА»

В НОМЕРЕ:

Письма из прошлого. Утраченное наследие

- 4 **Русское зарубежье**
«Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное».
Переписка В. А. Маклакова и А. А. Кизевветтера.
- 25 **Внешняя политика**
«Для облегчения бремени вооруженного мира».
Предложения об отказе от войн впервые выдвинула Россия.
- 38 **Архив смутного времени**
«Расстреляли икону Николая Чудотворца».
О погроме в Ромнах и его причине.

Фотоархив. Раритеты

- 42 **История в рисунках**
«Отступление в полном порядке».
Карикатуры времен Наполеонова нашествия.

Подоплека событий. Версии

- 52 **Репатриация**
«Лишь одиночки оказались изменниками».

- Прожекты**
67 «Наша история есть история драки».
Несостоявшаяся серия книг о гражданской войне.

- Нравы эпохи**
83 «А ей аплодируют».
84 «По радио прозвучал фашистский гимн».
85 «Непомерно восхваляется продукция фирмы».

- Резонанс**
86 «Некритически относился к антисоветской деятельности».
90 Когда убит Артузов?

Описание России. Исторический ландшафт

- Записки путешественницы**
92 «О железной дороге шли только одни разговоры».

Старая площадь. Вестник Архива Президента РФ

109–160

ISTOCHNIK

Documents
of Russian History

1996/2 (21)

IN THIS ISSUE:

Letters from the past

Lost Heritage

- 4 Emigrants' correspondence: V. Maklakov and A. Kizevetter
25 Russia: the first country to propose disarmament
38 Massacre in Romny

Photos and Rarities

- 42 Napoleon invasion: set of caricatures (1812–1815)

Behind the Scenes. Versions

- 52 Repatriation of the Soviet citizens after the World War II

- 67 A set of books on the Civil war that has not been published
83 Archival miniatures
86 Comments and responses

Description of Russia

- 92 Traveller's notes: from Irkutsk to St. Petersburg

Vestnik of the President of RF Archive

- 109–160

© Редакция журнала «Родина». 1996.
Перепечатка разрешается только по соглашению с редакцией.

All written material, unless otherwise stated, is the copyright of Rodina Magazine and its supplement Istochnik

---

Главный редактор

Р. Г. Пихоя,

доктор исторических наук, профессор

Ответственный редактор

В. Н. Денисов

Ответственный секретарь

Т. П. Лещинская

Художник **В. И. Кучмин**

Компьютерная верстка **А. А. Кольцовой**

Набор и верстка произведены в компьютерном центре журнала «Родина».

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО. УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Кто виноват в том, что случилось с Россией?

*Размышления об этом — в переписке
двух известных политиков-эмигрантов
В. А. Маклакова и А. А. Кизеветтера.*

Первая всемирная конференция по разоружению
была созвана по инициативе Николая II.
*Публикуемая записка освещает финансовые аспекты
отказа от войн.*

В октябре 1905 г. в Ромнах произошел еврейский погром.
*Письмо юриста А. В. Сульжикова рассматривает
его корни и причины.*

«Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное»

Переписка В. А. Маклакова и А. А. Кизеветтера

В. А. Маклаков

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) и Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) были в России начала века, что называется, людьми «на виду». Один — блестящий адвокат и оратор, по мнению многих, лучший оратор России, депутат трех Государственных дум, лидер правого крыла партии кадетов, публицист. Другой — ученик В. О. Ключевского, автор капитальных исследований по русской истории, популярный университетский

лектор, один из основателей «профессорской партии» — партии кадетов и, как и Маклаков, член ее ЦК. Кизеветтер был избран во 2-ю Государственную думу. В «созвездии» кадетских ораторов он был не из последних и даже выпустил, совместно с Маклаковым, пособие по ораторскому искусству для членов партии, прозванное современниками «кизеветтеровским катехизисом». Их многое сближало — Московский университет, общая среда московской

интеллигенции, наконец, общая партия, которая, правда, отнюдь не требовала единомыслия и железной дисциплины. По случайному совпадению даже родились они в один день — 10 мая, с разницей в три года. Но знакомство в близкую дружбу не переросло, и если можно Маклакова и Кизеветтера назвать друзьями, то друзьями, по точному выражению жены Кизеветтера Екатерины Яковлевны, «политическими». Впрочем, после бурного «романа» с политикой Кизеветтер вернулся к письменному столу, а вот Маклаков стал уже, по сути, политиком профессиональным, лишь изредка и по особым случаям принимая участие в процессах, как, например, в деле Бейлиса, где он был одним из защитников. В 1917 году Маклаков был назначен Временным правительством послом во Францию и, по иронии судьбы, вручил верительные грамоты в день большевистского переворота. В период гражданской войны его главной задачей стало «дипломатическое обеспечение» белого движения, а после ее окончания — защита интересов русских беженцев во Франции. Только в Париже их было немногим менее 100 тысяч. После признания Францией СССР в 1924 году Маклаков был вынужден покинуть здание посольства на улице Гренель. Он стал главой «офиса» по делам русских беженцев, ходатаем за них перед властями. Кандидатура Маклакова устраивала и различные эмигрантские организации, и французское Министерство иностранных дел. Кизеветтер, оставшийся в России, испытал на себе все «прелести» большевистского режима: три ареста, по счастью, не повлекшие за собой более решительных мер «социальной защиты», и, наконец, неожиданная удача — высылка в 1922 году за границу в составе большой группы интеллигенции. Кизеветтер обосновался в Праге, где

профессорствовал в Русском университете и ряде других учебных заведений, много публиковался в эмигрантской печати (редкий номер парижских «Современных записок» выходил без его статьи или рецензии), написал замечательную книгу мемуаров. В общем, получил нечастую в тогдашних условиях русского зарубежья возможность для профессиональной самореализации. Вскоре после того, как Кизеветтер «выпорхнул из большевистской клетки», завязалась его переписка с Маклаковым. Начавшись по «бытовому» поводу (Кизеветтер просил Маклакова помочь его знакомому), она вскоре переросла, по инициативе неофициального главы русской эмиграции в Париже, в напряженный диалог на вечные для тогдашней русской независимой мысли темы: кто виноват в том, что случилось с Россией? Что такое большевизм — болезнь или проявление исконных черт характера русского народа? И, наконец, самый главный для корреспондентов вопрос: что может сделать эмиграция для оздоровления России и что конкретно делать им — юристу Маклакову и историку Кизеветтеру? Сейчас размышления этих незаурядных людей представляются вполне свежими и современными. Переписка В. А. Маклакова и А. А. Кизеветтера хранится в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США) в составе личного архива Маклакова (ящик 9, папка 1). По-видимому, за исключением двух писем Маклакова — откликов на различные просьбы Кизеветтера — сохранилась она полностью. Все письма Кизеветтера, так же как и приписки к ним разных лиц, — рукописные оригиналы. Письма Маклакова воспроизводятся по машинописным отпускам. Пропущенные и плохо читаемые слова, восстановленные предположительно, заключены в квадратные скобки.

№ 1

А. А. Кизеветтер — В. А. Маклакову. 13.VII.1923.

Дорогой Василий Алексеевич,

Шлю Вам из Праги сердечный привет. Нежданно-негаданно выпорхнул из большевистской клетки, за что и благословляю судьбу¹.

Вот какая у меня к Вам просьба. Из Праги в Париж едет известный беллетрист Лазаревский². Он — в очень стесненном материальном положении. Сказать по правде: и одеться не на что. Будьте так добры посодействовать ему. Ему было бы нужно получить 500 франков для устройства своей жизни. Может быть, для Вас окажется возможным устроить для него получение этой суммы.

Всего лучшего.

Преданный Вам А. Кизеветтер

Архив Гуверовского института войны, революции и мира (США). Ящик 9. Папка 1.

Автограф, подлинник.

№ 2

А. А. Кизеветтер — В. А. Маклакову. 18.VIII.1923.

Дорогой Василий Алексеевич, получил Ваше письмо. Очень благодарю Вас за то, что написали мне. Очень благодарю Вас и Марию Алексеевну³ за то, что оказали Лазаревскому помощь, насколько было возможно. Он был в таком положении, что сумма, которую оказалось возможным ему выдать, должна была ему очень пригодиться.

Да, немало прошло времени после нашего последнего с Вами свидания! Мы действительно виделись в последний раз в доме Морозовой⁴. Но Вы не совсем правильно запомнили: это не я Вас упрекал в пессимизме, а Вы вместе со мной упрекали в пессимизме Третьякова⁵, возражавшего на Ваш доклад.

Ах, как это было давно. Гораздо более давно, нежели выходит по счету годов и месяцев.

Вы — на особом положении: ведь Вам совсем не пришлось видеть большевистского властвования и потому Вы можете судить о нем только по устным и печатным передачам. Не потому ли Вы, быть может, и недооцениваете преимуществ нахождения за пределами Совдепии? Могу сказать одно: я испытывал чувство тоски по родине, когда сидел в своей квартире в Москве и кругом себя не видел своей родины. Здесь же я тоски по родине не чувствую, ибо имею возможность свободно и по-человечески жить с русскими людьми. И, читая лекции, помогать русской молодежи хранить в себе русскую душу для лучших времен.

Крепко жму Вашу руку и желаю всего лучшего. Жена просит передать Вам ее искренний привет.

Марии Алексеевне будьте добры передать мое почтение и мою глубокую благодарность.

Ваш А. Кизеветтер.

Zbraslav u Prahu.

(Далее приписка рукою Е. Я. Кизеветтер):

Не будете ли добры сообщить — имеются ли сейчас организации по отправлению посылок учителям в Россию? Очень бы обязали этим сообщением*.

Как приятно было, Василий Алексеевич, увидеть Ваше письмо к Ал[ександру] Ал[ександровичу] с весточкой от Вас, — так и повеяло нашей Москвой! Так радостно бывает увидаться здесь или перекинуться письменным приветом со старыми друзьями, — а ведь мы с Вами политические друзья. Сколько вместе пережито и радости и горя!

Мне так живо вспоминаются и первые избирательные собрания с Вашим участием в 1906 г. в Политех[ическом] музее, а потом у Мазинга⁶; и выборы в Госуд[арственную] Думу, и банкеты, потом 2-я Дума, потом ее разгон и Потемкинская, да и многое еще. Желаю Вам всего, всего лучшего и дай Бог нам поскорей встретиться в нашей милой, златоглавой Москве.

Крепко жму Вам руку.

Искренне преданная Ек. Кизеветтер⁷.

Там же. Автограф, подлинник.

№ 3

В. А. Маклаков — А. А. Кизеветтеру.

Париж, 7-го сентября 1923 г.

Дорогой Александр Александрович,

Простите меня, что я Вам до сих пор не ответил; я все откладывал, чтобы написать Вам подробнее, но как всегда бывает в таких случаях, так и не дождался для этого подходящего момента. Чувствую, что его и не дождусь, а потому и отвечаю и не вовремя и, может быть, необстоятельно.

Прежде всего передайте мою сердечную благодарность Екатерине Яковлевне за те милые слова, которые она мне написала; кстати, отвечаю и ей на ее практический вопрос. Помощью учителям у нас продолжают заниматься две организации; во-первых, организация землячеств и во-вторых то, что осталось от так называемого Общественного комитета помощи голодающим. Не сумею Вам сказать, посылают ли они так называемые посылки, как это было раньше, или просто отправляют деньги; кажется,

делают и то, и другое, хотя отправка посылок становится все труднее и нецелесообразнее. По крайней мере, нам это уже давно пишут из России. Если бы Е[катерина] Я[ковлевна] хотела вступить в отношения с этими организациями, то по делам, касающимся землячеств, всего удобнее списаться с Сергеем Федоровичем Штерном, который живет, 74, rue Ordener, а по делам Комитета [помощи] голодающим 9 bis, Rue Vineuse.

Но все это я мог написать Вам давно и не из-за этого я откладывал письмо; тот главный вопрос, который меня занимал, о котором хотелось поговорить

с Вами, хотя я хорошо понимаю, что нужно было именно поговорить, а не переписываться, сводился все-таки к освещению событий в России и связанным с этим основным вопросом: что нам, эмиграции, следует здесь делать? Я очень завидую Вам, который здесь, за границей, нашел моральное удовлетворение; завидую тем более, что Ваше моральное удовлетворение я вполне понимаю, и не только потому, что Вас изгнали из России и что, следовательно, Ваше пребывание за границей вынужденное, но главным образом потому, что дело, которое Вы здесь делаете, не только дело лично для Вас привычное, но и бесспорно полезное; я искренно желаю Вам, и не только лично из-за Вас, чтобы возможность этого дела у Вас продолжалась; чтобы в Чехии не произошла какая-либо перемена политики, которая бы Вашу деятельность сделала невозможной или по крайней мере поставила бы ее в такие условия, при которых Вы могли бы усумниться в ее пользе. Но сейчас Вы, конечно, делаете уже хорошее и полезное дело и можете со спокойной совестью дожидаться, как Вы пишете, лучших времен.

Но ведь весь вопрос только к этому и сводится — дожидаться. Если только не иметь того дела, которое имеет Вы, если не считать себя вправе просто заняться своими личными делами, в ожидании этих лучших времен, но успокаивать себя мыслью, что сохраняя себя до лучших времен, этим самым доставляешь пользу не только своей персоне, но и России — то ведь основной вопрос будет только один: чем отсюда мы можем помочь тому процессу оздоровления внутри России, на который мы сейчас возлагаем все надежды. Когда были белые движения, то несмотря на все их недочеты и ошибки, которые, к слову сказать, выступили во всей своей наготе только *postе factum**; как только *postе factum* обнаружилась и вся государственная бездарность нашего революционного Временного правительства, как впрочем тоже *postе factum* обнаружилось то, что мы только смутно чувствовали, т.е., вся степень безумия правительства дореволюционного — когда, говорю я, были эти белые движения, то всем было ясно, что эмиграция может помогать этим белым движениям и что, помогая им, она служит России. Более того: имея в виду спасти Россию этой дорогой, эмиграция могла предъявлять требования и к самой России. Могла не считаться с тем временным злом, которое она ей причиняла, могла требовать от России всяких жертв, как войско, идущее на снятие осады, может требовать жертв от населения осажденного города. Но это все было хорошо при условии, что избавле-

ние России придет от нас из-за границы. Но, когда стало ясно, что отсюда не придет ничего, что избавление России от теперешнего кошмара свершится путем какого-то внутреннего оздоровления, что нужно где-то найти элементы этого оздоровления, клеточки этой новой жизни и их старательно выхаживать, то тогда во всю широту стал вопрос, что мы здесь можем делать, чтобы этому помочь и чем мы этому можем повредить. Если деятелями освобождения России явятся те, которые там остались, причем они могут быть не только среди врагов советской власти, не только среди примирившихся с ней, но даже и среди ее собственных деятелей — то каким нашим эмигрантским действием льем мы воду на мельницу их и каким на мельницу их врагов. Вот основной вопрос, который нужно было бы решать там на месте, на который мы должны были бы иметь определенный или во всяком случае вразумительный ответ, чтобы не подражать здесь медведю с его медвежьими услугами и знать, чего от нас Вы хотите. Нужно сознаться, что этого мы не знаем или знаем недостаточно; не только потому, что на это могут быть разные мнения и трудно предположить, что вдруг создастся какое-то единодушие, хотя бы и в России; но мы не знаем мнения даже наших вчерашних единомышленников, тех, с кем мы говорим приблизительно на одинаковом языке. Не далее, как вчера вечером, я имел на эту тему длинный разговор с С. Ф. Ольденбургом⁸; но скажу Вам, не то чтобы он меня убедил, но даже того, чтобы я его понял; по крайней мере он выставлял некоторые позиции, которые покидал после первого возражения; ясный признак, что этого основного вопроса он себе даже не ставил. Конечно, если считать себя обязанным интересоваться только настроениями эмиграции, бороться больше всего против желания вернуться в Россию и т. д. и т. д., то легко представить себе деятельность, которая может дать не только моральное удовлетворение, но даже и иллюзию приносимой пользы; особенно, если свои собственные заслуги и значение мы будем измерять количеством врагов и напряженностью злобы, которой мы их вызываем. Тогда можно здесь от нечего делать разбиться на партии, в ожидании лучших времен делить шкуру медведя и радоваться как большому успеху, если мы в чем-нибудь подловим наших противников. Это, по-видимому, и есть специальная психология всякой эмиграции еще с начала прошлого века. Но, если ставить вопрос иначе, то я на него не вижу ответа, или вижу такую массу противоречивых ответов, что, если следовать половице «dans le doute abstiens toi»*, то придется тоже только ожидать лучших времен; или по крайней мере по традиции и по инерции, даже без живой веры в то, что делаешь, здесь вести ту прежнюю линию, которую мы заняли, когда на этот вопрос у нас был ответ.

Вот Вам приблизительно та схема мыслей, о которых, конечно, можно говорить, но трудно писать; даже едва ли можно и договориться до чего-нибудь. Но так как, к сожалению, у меня нет того ценза, который есть у Вас, и на Вашей дороге я бессилён, то мне и приходится хотя бы ошупью и брыкаясь, но приходиться к сознанию своей бесполезности.

Там же. Машинопись, копия.

№ 4

А. А. Кизеветтер — В. А. Маклакову

Praha, 1.XII.1923 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Давно уже хотел ответить на Ваше последнее письмо, в котором Вы ставите такие важные для каждого из нас, русских-зарубежников, вопросы. Но жизнь идет как-то так, что ужасно нелегко сосредоточиться для обстоятельной беседы по душе. К различным срочным делам, из которых слагается каждый день и которые теснятся один за другим, не давая ни сроку, ни отдыха, прибавились еще хлопоты и волнения из-за болезни жены, выдержавшей недавно серьезную операцию. Но я все это время чувствовал большое желание перемолвиться с Вами по поводу затронутых Вами вопросов. И я очень рад, что вот сегодня, наконец, мне удалось присесть основательно за письменный стол, чтобы писать Вам.

Начну с выражения своего полного согласия с тою Вашей мыслью, что Россию выведет из ее теперешнего положения не механическое воздействие извне и не теоретическое верховодство над нею эмиграционных кружков, а некий внутренний про-

цесс, который зародится там, внутри самой России. Значит ли это, однако, что было бы целесообразно каждому русскому зарубежнику, имеющему к тому малейшую возможность, немедленно устремиться в Россию, чтобы принять там участие в начинающемся оздоровительном процессе, в отыскивании элементов этого оздоровления и в выхаживании клеточек новой жизни, как Вы выразились?

Мне думается, что ответ на этот вопрос в значительной мере зависит от того, как мы представляем себе состояние России в настоящий момент. Встречаются люди, утверждающие, что большевизм соответствует духу русского народа и что Россия просто нашла, наконец, самое себя. Кто так думает и кому это не претит, тот просто должен примкнуть к большевикам и дело с концом. Кто так думает и кому это претит, тот должен обречь себя на пожизненную не только физическую, но и духовную эмиграцию и доканчивать жизнь с чувством презрения к своему народу. Встречал я таких людей и удивлялся только одному: почему они останавливаются на полдороге и, презирая свой народ, не распространяют этого презрения и на собственную свою персону, как на часть этого же самого народа. Не сомневаюсь в том, что Вы, как и я, принадлежите к тем людям, которые смотрят на большевизм в России не как на воплощение русского национального духа, а как на страшшее над Россией несчастье, которое не из недр народной души вытекло, а явилось результатом рокового сцепления преходящих исторических условий. При таком понимании можно двояко представлять себе процесс высвобождения России из-под большевистского ига. Можно предполагать, что сами большевики, сохраняя власть в своих руках, будут вынуждены силою обстоятельств все в большей мере вести небольшевистскую политику и таким образом, без всякого политического переворота в рамках самого большевистского советовластия Россия мало по малу станет правомерным государством и уже как заключительное звено этого процесса, как последний логический из него вывод — произойдет тихо и незаметно и смена самого правительства. На успехи нэпа указывалось, как на первое проявление этого процесса. Так приблизительно думают, по-видимому, люди типа Кусковой⁹ и tutti quanti*. Разумеется, тем, кто так думает, надо хвататься за первую возможность вернуться в Россию, чтобы там выхаживать клеточки новой жизни, вопреки большевикам, но под покровом большевистского режима расправляющей свои крылья. Мне представляется это воззрение мечтательной фантастикой. Тут — сплошная иллюзия, подобная той, которая лежала в основании печальной памяти «прокукиша»¹⁰. Уход большевиков от власти есть в моем представлении не логическое завершение, а необходимая предпосылка оздоровления России. При большевиках оздоровительный процесс невозможен. Сам нэп служит тому доказательством. При большевиках возможны и неизбежны лишь порывания народного организма к здоровью, поскольку этот организм не умер, а лишь оглушен и придушен. Эти судороги и конвульсии не дают здоровья, не начинают оздоровительного процесса, а лишь реагируют на введенный в организм яд, стремясь его извергнуть, вытолкнуть из организма. Под этими конвульсиями я разумею не политические заговоры, а усиливающуюся хаотическую бестолковщину во всем строе государственного и народного хозяйства, которая подойдет постепенно к таким пределам, при которых большевикам фактически станет невозможно держаться во главе управления, ибо к коренному изменению самых основ своего правления они не способны. Итак, я представляю себе «сегодняшний день» России — не знаю, сколь он будет продолжителен — не в виде медлительного, но неуклонного оздоровления глубин народной жизни, а в виде конвульсивных содроганий оглушенного, но не умершего организма. И вот, в такой момент ничего путного делать там нельзя в смысле общественной работы. Явиться туда теперь значит — либо быстро выйти в тираж без пользы для дела, либо вступить на наклонную плоскость компромиссов со своей совестью, компромиссов бесполезных и нецелесообразных, но неизбежных и, кроме того, служащих к поддержанию внешнего престижа большевиков. Полезного общественного дела сейчас там делать нельзя. Возможны только прокукиши. Итак, значит — стоять и ждать? Приличествует ли это? Но ведь и доктору, призванному к больному, не приличествует стоять и ждать; а бывают тем не менее моменты, когда ему ничего другого не остается, как выждать, пока организм своими силами достигнет состояния, при котором ему можно целесообразно помогать. Я ни на минуту не сомневаюсь, что такой момент настанет через не особенно продолжительное время.

* И ей подобные (лат.).

Но что же делать пока здесь, в эмиграции? Совершенно согласен с Вами в том, что дробление эмиграции на партии, фракции и под-фракции в целях «самоопределения», т. е., в сущности в целях взаимного подсиживания на попроще стилистических и отвлеченно-логических упражнении, — что все это есть времяпровождение, извинительное, пожалуй, для людей до 30-летнего возраста, но не приличествующее людям с посеребрёнными головами. Чрезвычайно наивно полагать, что эмиграция на досуге выработает идеологическую и программную указку для грядущей России и грядущая Россия эту указку послушно примет. Мне думается, что впредь до возможности делать в России общественно-полезное дело, эмиграция могла бы найти поле для деятельности за рубежом, если бы она не отграничивалась от окружающей местной жизни. Не делают ли русские зарубежники ошибку в том отношении, что, убаюкивая себя иллюзией на скорое возвращение в Россию, они живут за границей, как на станции, замыкаясь в своем кругу и не завязывая сношения с окружающей их жизнью. И когда иллюзия начинает потухать и блекнуть, тогда вступает в свои права то тягостное ощущение своей ненужности, о котором Вы говорите в Вашем письме. Мне же думается, что, если бы зарубежники усиливались принимать участие в местной жизни, сближаться с ней, вносить в нее что-либо от себя, то это послужило бы не только на их личную пользу в смысле известного духовного удовлетворения, но и на пользу русского дела. Сейчас картина получается такая: в политическом отношении мы, русские, шлепнулись как нельзя хуже. А к русской культуре всюду в Европе обнаруживается большой интерес. Этой культурой заинтригованы, ее ценят, в ее будущности не сомневаются, никто не допускает мысли о том, что большевистское изымательство над этой культурой окончательно ее погубит.

Вот мне и думается, что эмиграция со своей стороны должна была бы сделать все возможное, чтобы своею деятельностью закрепить в европейском обществе это признание силы и ценности русского человека как культурного деятеля. Согласитесь, что это было бы дело в высшей степени важное с точки зрения интересов именно грядущей России. Возьмем конкретный пример. Если бы блестящий русский оратор, юрист и писатель В. А. Маклаков вместо того, чтобы предаваться ощущению своей ненужности, сделал все возможное, чтобы развернуть эти свои таланты на французской почве, это было бы важное патриотическое русское дело. Ведь выступали же русские адвокаты во французск[их] судах: Урусов¹, мой дядя — А. Турчанинов². Достижьте того, чтобы стали говорить во французских судебных кругах о том, что есть блестящий русский адвокат. Это будет не только Ваш личный успех, а успех русского дела для грядущей России. Я, конечно, не стою именно за этот пример. Может быть, Вы его и разобьете, так как эта область известна Вам бесконечно лучше моего. Но Вы понимаете, что я хочу этим примером сказать. Русские зарубежники — каждый в своей сфере (и тут все сферы одинаково ценны) должны стремиться к тому, чтобы развить тут, в Европе, положительную деятельность. Для отдельных лиц доступный им круг деятельности может оказаться и очень ограниченным. Нужды нет; но важно, чтобы эмиграция склонилась к этому пути; важно, чтобы была усвоена та мысль, что такого рода деятельность нужна и ценна с точки зрения интересов русского дела. И если даже всего несколько человек достигнут на этом пути заметных успехов, и это будет уже важно; когда пробьет час возвращения на родину и мы уйдем к себе, домой, — пусть здесь останется след талантов русского человека. Для будущего процесса восстановления России этот духовный «капитал» принесет свои проценты. Мне думается, что именно Вы, при Вашем знании языков и Ваших талантах, могли бы в разнообразных направлениях развернуть работу, которая сделала бы из Вас заметную величину на европейском горизонте. Ведь Вы — блестящий человек (говорю это напрямик, как подобает в серьезной и искренней беседе), и именно ради грядущей России Вы и должны блестеть, не заволакивая своего блеска унылым сплином, — блестеть не в эмигрантской кружковщине, а на европейском горизонте. У Вас есть для этого все данные: великолепный талант ораторский, литературный и обширные сведения о различных сторонах русской жизни. Напишите книгу о России, которая бы обратила на себя внимание европейск[ого] читающего общества. Ведь Вы вполне можете это сделать. Отчего Вы не засядете за эту работу? Ведь она для данного момента несравненно нужнее, нежели все то, что Вы могли бы делать, находясь теперь в пределах России. Не знаю, удалось ли мне ясно выразить все то, что хотелось сказать. Не знаю, удовлетворят ли Вас мои рассуждения. Говорил я поистине от чистого сердца. Если бы Вы в свободную минуту набросали мне

по поводу моего письма несколько строк, я был бы очень Вам благодарен. Крепко жму Вашу руку. Жена шлет Вам сердечный привет и пожелания всего лучшего.

Искренне преданный Вам А. Кизеветтер.

Там же. Автограф, подлинник.

№ 5

В. А. Маклаков — А. А. Кизеветтеру

Париж, 10-го декабря 1923 г.

Дорогой Александр Александрович,

Спасибо Вам за Ваше письмо, оно касается столь важных вопросов, что не могу на них не ответить и лучше это сделать сразу. Для ясности буду отвечать по пунктам.

Я, конечно, не принадлежу к тем людям, которые считают, что в большевизме Россия нашла самое себя: но едва ли в буквальном смысле можно принять и Ваше положение, что это только страшеее над Россией несчастье, которое явилось результатом рокового сцепления преходящих исторических условий. Все это, конечно, сложнее; думать, что большевизм соответствует сущности русского народа, при этом, по-видимому, принимать за большевизм его преходящую форму, т. е. бессмыслицу, жестокость и вандализм, значит делать две ошибки сразу: и видеть сущность большевизма в том, что есть только вечные атрибуты революции и судить о национальной душе не по ее спокойному состоянию, а по временному пароксизму; стоит только отбросить историческую легенду и познакомиться с действительностью, во время французской революции, чтобы видеть, что и она сопровождалась такими зверствами, бессмысленностью и лицемерием, что и нам особенно стыдиться не придется; далее также бесспорно, что самые мирные люди в известный момент и в толпе, охваченные страстью, выкидывают самые невероятные и непохожие на них колена; трудно представить себе, на что способен человек в такие минуты, оставаясь тем, чем он был, поэтому и по разъяренной толпе нельзя судить о характере русского народа. Все это получило классическое изображение не только в «Капитанской дочке», но я этого насмотрелся на целом ряде так называемых массовых процессов, где героем являлась толпа, всегда бессмысленная и жестокая. Поэтому все проявления такого характера я просто считаю столь же неизбежными, как бред при очень высокой температуре, в котором нет ни малейшего национального признака. Но тем не менее вся история нашей революции, начиная с февраля и до наших дней, отмечена чертами, если не национального характера, то национальных привычек; на ней, когда мы будем писать ее историю без пристрастия, можно с необыкновенной ясностью иллюстрировать исторический закон, по которому все политические крайности имеют между собой такой общий фон, что относятся друг к другу, как негатив к фотографии; психология нашего старого режима полностью превратилась в психологию нашей революции; а все так называемые центры обнаружили в том и другом случае, как при господстве самодержавия, так и при господстве революции, те же самые черты, которые объясняют и долгое существование первого и слишком длинный успех второго. Вы понимаете, что это такая обширная тема, в которую я не решаюсь погрузиться из боязни, что никогда из нее не выберусь. Да для этого время еще не пришло. Говорить на эту тему, значило бы только понапрасну раздражать тех, кого я сейчас не вижу никакой надобности ни обескураживать, ни огорчать. Скажу Вам только, что самая сущность нашей интеллигентской либеральной идеологии, и она не очень далеко ушла от той идеологии, которая поддерживала самодержавие; та идеология преклонялась перед идеею власти, сдала без остатка все человеческие права и принципы усмотрению верховной власти; она умела с гордостью быть только подданным и царским слугою. На этой идеологии и держалось самодержавие с давних времен; думаем ли мы, которые боролись с этой идеологией, что принесли с собой нечто совершенно новое. Вспоминая первые месяцы нашей революции и перед-революционное время, я в этом сомневаюсь. Вместо одного идола мы воздвигли другой; вместо верховной власти мы подчинились воле народа. Мы этой пресловутой воле народа сдали тоже наши права и принципы; казалось оскорблением Величества думать и говорить, что воля народа не все может и не все сумеет, что есть некоторые начала, перед которыми она должна склониться. Спору нет, никто из наших либералов не признался бы в таком идолопоклонстве; никто не сказал бы, что он считает, что наро-

дная воля может приказывать его совести менять его религию и т. д. Но ведь и поклонники самодержавия в этом тоже бы не признались. Поклонник самодержавия скажет бы, что монарх этого от них не потребует и высочил бы из этого рокового конфликта с ссылкой на свою веру в непогрешимость монарха, по крайней мере в отношении некоторого морального и правового минимума. Но ведь наши прогрессивные партии так же относились к роли народа и для них этого конфликта не существовало просто потому, что допустить со стороны народа нарушение элементарных правил общежития казалось оскорблением Величества, но глас народа все же был для них гласом Божиим и все, что делалось именем народа и во имя народа, казалось выше и закона, и права. Не помню сейчас каких-либо споров моих с Вами на эту тему; но великолепно помню, как я спорил и с Кишкиным¹³, и даже Новгородцевым¹⁴. Помню, как меня огорчало нежелание признать то, что есть целый ряд положений, обязательных для народа, на которые он не может посягнуть, если только мы хотим продолжать мыслить государство, как правовое явление, а не простое равновесие физических сил. Но в нашей идеологии всей русской оппозиции было гораздо больше революционного, чем правового. Наша жизнь своим прошлым не только не внушила уважения к праву, но даже не дала понятия о том, что такое право, как общую для нее обязательную норму. Как самодержавие в своих целях считало себя вправе топтать и право и закон, так этими же самыми воспоминаниями была запечатлена революция: и она искренно оскорблялась, когда ей упоминали закон или право. Обвинили мы за это одних большевиков, которые это только формулировали в своих кодексах, имея по крайней мере мужество это признать, но этому же самому идолу служили и мы, в тот короткий промежуток времени, когда мы определяли политику; и вот это свойство, которое в революционные моменты появляется, может быть, у всех народов, у нас, под влиянием нашей истории, проявилось почти что как национальная сущность. Другие были формы и приемы, но сущность была та же самая у лучших представителей наших передовых направлений, ведь пресловутая Муравьевская верховная комиссия¹⁵, хоть и старалась быть похожей на европейскую, с точки зрения права мало отличалась с одной стороны от охранки и с другой от чека. Наши белые движения в этом отношении уже ничем не отличались от красных. Самая постановка вопроса, которую я сейчас даю, покажется, конечно, такой доктринерской, что многие ее даже не поймут. Она встретила бы тождественную оценку с обоих флангов. Марков¹⁶ в свое время назвал это «слиявовой гуманностью», а Ларин¹⁷ сейчас беспристрастный суд окрестил «слякотным безразличием». При такой идеологии государство есть только механическое равновесие противодействующих физических сил. Такое равновесие существовало у нас до Революции благодаря аппарату власти; этот аппарат мы разрушили и разрушаем; но мы мечтали не об «оздоровлении» власти, а о построении всего здания на других началах, где равновесие механическое заменялось органическим, где порядок и закономерность поддерживались бы общей волей народа. Оттого-то с такой непостижимой легкостью мы шли на самые рискованные эксперименты, на четыреххвостку, на выборное начало, на ответственность правительства и т. д. Мы упустили из виду одно: что такой строй предполагает известную народную психологию, инстинктивное, но и императивное уважение к чужому праву, к чужим интересам, к справедливости, праву вообще, к закону и власти. Такой психологии не было и не могло быть не только у целого народа, но и у его руководителей, у представителей либеральных партий и правового мировоззрения. Самодержавие, с которым мы боролись, заразило и нас, и гораздо глубже, чем мы предполагали; самодержавная идеология как две капли воды походила на революционную; а центр, правовая середина, которая когда-то не захотела морально осудить революционного террора, не принес с собой нового начала. При такой общей идеологии разрушение государственного аппарата, идолопоклонство перед волей народа, и не могло не создать чего-то не только уродливого, но и по существу бесконечно похожего, хотя в иных формах, на старое самодержавие. В нем мы сейчас и пребываем. И потому, хотя я и считаю вместе с Вами, что большевизм есть несчастье, но добавляю — несчастье заслуженное. И весь вопрос сейчас в том, чему оно нас научит. Если пройдя через это самодержавие наизнанку, мы научимся уважению к праву и личности, мы создадим правовое — «республиканско-демократическое» государство. Если же нет, а я, признаюсь, не вижу этих признаков, то мы еще будем и в будущем переживать полосу большевизма; он изменит цели и задачи, из красного станет белым, будет насаж-

дать не коммуны, а крепостничество, но останется большевизмом, т. е. откровенным якобинством. И я боюсь для России именно этого. Не только потому, что никто, даже во время Революции, не учил русское общество уважению к праву, но и потому, что русский кризис совпадает с кризисом мировым. Из этого столкновения классовых интересов, которое совершается во всем государстве, не находим мы правового разрешения; во всем мире идет борьба организованных сил, господство механического мировоззрения, идеала застоя сильной власти, возвращение к идеологии просвещенного абсолютизма. Немудрено, если и Россия поверит в спасительность этого рецепта.

Но покидаю эту область; я в нее достаточно углубился, чтобы Вы совершенно перестали меня понимать.

Перехожу ко второму пункту. Вы пишете, что в Вашем представлении уход большевиков от власти есть не логическое завершение, а «необходимая предпосылка» оздоровления России. Вот понимание, которое способно породить недоразумения. Вы, как историк, знаете, что всякий исторический факт есть с одной стороны завершение прошлого, а с другой предпосылка к будущему. Пусть раньше падения большевизма оздоровление России невозможно; вопрос не в этом; он в том, какими дорогами и действиями можно вести к его падению, т. е. к осуществлению этой предпосылки. Этого вопроса Вы себе не ставите. Можно подумать, что Вы проповедуете: [...] * Вы указываете, что большевизм рухнет от той «хаотической bestолковщины», которая процветает в России. Но, во-первых, если считать, что эта хаотическая bestолковщина ведет к спасению и что «чем хуже, тем лучше», то значит полезно содействовать продолжению, усилению и обнаружению этой bestолковщины. Во-вторых, если в России есть суды, которые, работая в этом направлении, тем самым помогают России, подобно тому, как при начале нарыва припарки ускоряют процессы и приближают выздоровление, то мы должны извне способствовать этим процессам. Я вовсе не рекомендую всем возвращаться в Россию. Понимаю, что можно сказать «за» и «против». Но, если мы не возвращаемся, то отсюда должны помогать, или уже по крайней мере не мешать. Мы здесь всю нашу деятельность должны определять по этому признаку, полезна ли она для этих процессов. А ведь это значит решить целый ряд практических вопросов, которые Вы даже не ставите; значит решить для себя и для других, что надо делать: способствовать ли торговле с Россией, проникновению в нее торговых миссий и капитала, попыткам концессий, делового сговора с большевиками и решать эти вопросы не по моральной оценке, не отдаваясь естественной и законной злобе на большевиков, не по принципам брезгливости и раздражения, как мы когда-то [решали] вопросы нашего сотрудничества со старой властью, а исключительно с точки зрения того влияния, которое эти факты могут оказать на развитие оздоравливающих процессов в России. От разрешения этих вопросов державами зависит состояние этих процессов в России; влиять на это разрешение значит служить и России. А между тем Вы их даже не ставите, и Вы не один; по этому основному пункту у нас нет единодушия, общего мнения и общей политики; нет достаточного контакта с теми силами, которые работают в России в этом направлении. Мы как будто бы не хотим, чтобы люди уезжали в Россию; записываем их в «сменовеховцев»¹⁸; мы как будто бы говорим: «ждемся, когда осуществится эта предпосылка, когда большевизм падет; тогда работать». Не то же ли это самое, как Милюков¹⁹ говорил в Государственной Думе: «чтобы мы могли работать, необходимы три предпосылки, устранение трех замков: т. е. четыреххвостка, единая палата и парламентаризм». Он считал предпосылкой то, что могло и должно было быть лишь завершением длинного политического процесса; дожидаясь этой предпосылки, он упускал возможности, которые ему часто представлялись. Вы тоже (и в этом отношении Ваше мнение не одинокое, оно официальное мнение эмиграции) считаете падение большевизма «предпосылкой»; результат может быть тот же самый; мы упустим возможности, которые перед нами имеются.

Для Вас лично я вижу объяснение этой позиции; по свойству своей профессии Вы и не занимаясь политикой за границей полезны и это слепит Вам глаза. От политических вопросов Вы [устраились?]. Вы сумели и без этого за границей служить русскому делу. Вы правильно констатируете, что если русские «политические» провалились, то русская культура завоевала и интерес, и уважение. И служа ей, как активный культурный работник, Вы и делаете русское дело и служите России. Вы правы; и именно поэтому я и позавидовал Вам в моем прошлом письме; но ведь это дано не всем; и когда

* Пропуск в тексте. — *Ред.*

Вы эти средства рекомендуете и другим, а в частности мне, то это звучит иронически. Я ценю заслуги всех культурных работников за границей, кто бы они ни были, ученые ли, писатели или даже просто артисты и танцоры. Все это полезно в разной мере и в разной степени, но все это все-таки полезно. И если бы я был представителем какой-либо из подобных профессий, то я, может быть, и не ставил бы себе этого вопроса: что мне делать? И не чувствовал бы своей бесполезности; но этого я не умею; мое прошлое не таково. Хорошо Вам говорить: «напишите книгу о России»: почему мне не стать Антоном Рубинштейном²⁰ или хотя бы Нижинским²¹. Чтобы писать книгу о России или вообще всякую книгу, нужно было с 1905-го года жить не в суеде активной политической деятельности. Недаром Вы это почувствовали, когда ради науки ушли из Государственной Думы. Конечно, можно постараться просто «блистать» во французском обществе, как на это Вы намекаете. Меня от этого отвращает сознание бесполезности такого блистания. На это мода прошла; это, в конце концов, дилетантизм, который хотя мне как адвокату и свойственен, но цену которого я слишком знаю. Если я иногда и балуюсь литературой и словесными выступлениями, то знаю, что это только баловство; этим я служу не русской культуре, а в лучшем случае себе самому. Потому и кончаю тем, чем начал: завидую Вам, как вообще всем специалистам, чье положение основано на чем-то прочном, не зависящем от «преходящих политических комбинаций». Подобные комбинации в свое время в России доставляли мне славу и успех. Даже серьезный ученый в былое время мог мне позавидовать; но сейчас наступила расплата за эти «незаслуженные» успехи; я и принимаю ее, как должное, без всякого ропота. Но у меня осталось достаточно справедливости, чтобы понимать свое положение и не делать себе иллюзий.

Я невольно сбился на чисто личный вопрос, но в этом повинны Вы сами, так как его поставили. Впрочем, и этот личный [вопрос] выходит за пределы личности. Мое положение — иллюстрация. Мы — политики — безнадежно провалились, и те, кто волею судьбы в России стал профессиональным «политиком», тот сейчас отодвигается в разряд лишних и бывших людей. Если он сумеет бросить свое дело, свои интересы и опять сделаться другим, то он может если не служить России, то по крайней мере создавать себе иллюзию, что служит ей. Коновалов²² стал музыкантом, другие политики превратились в профессоров и [читают?] в Сорбонне, хотя их никто не слушает. Это все иллюзия. И характерно, что когда я поставил Вам чисто политический вопрос, то Вы отослали меня к писанию книги или блистанию в обществе. Политика же пойдет без нас и помимо нас. И когда настанет момент для нас вернуться в Россию, мы окажемся в ней в роли народолюбцев после 1905 г., т. е. в роли просто почетных воспоминаний.

В результате, позвольте мне, в виде благодарности за Ваше доброе мнение обо мне, послать Вам кое-что из моего литературного баловства за эти годы.

Там же. Машинопись, копия.

№ 6

А. А. Кизеветтер — В. А. Маклакову. 17.1.1924.

Praha — Liben
Svobodarna

Дорогой Василий Алексеевич

Позвольте обратиться к Вам со следующей большой просьбой. Александр Семенович Ранецкий, москвич, играл здесь в Праге в русской драматической труппе. Теперь эта труппа здесь ликвидирована и ему здесь нечего делать. Между тем, в Париже у него есть возможность работать в кино. Вы оказали бы ему величайшую услугу, посодействовав ему в получении французской визы — ему и его жене. Он сам подробно изложит Вам свои обстоятельства. Я же со своей стороны решаюсь поддержать его просьбу и засвидетельствовать, что он действительно очень нуждается в устройстве этого переезда. Очень благодарю Вас за присланные Вами статьи и за Ваше подробное письмо. На то и другое в скором времени отвечу обстоятельно, ибо приятно отвести душу в откровенной и дружеской беседе.

Я и жена — которая все хворает — шлем Вам искренние приветы и пожелания всего доброго на Новый год.

Ваш А. Кизеветтер

(Далее, на том же листе, рукою А. С. Ранецкого):

Многоуважаемый Василий Алексеевич!

Обращаюсь [к] Вам с очень большой просьбой: выхлопотать право въезда мне и жене во Францию.

В Праге я был основателем Русского Театра, который по истечении двухлетней работы закрылся и делать в Праге мне нечего. В Париже я имею знакомых в киноателье и хочу ознакомиться с французскими театрами. Я москвич; учился в Московском университете и на театральных курсах; служил у Корша²³ и Незлобина²⁴. С Вами имел удовольствие встречаться в Литературно-художественном кружке; кроме того, вся наша семья были членами партии Народной Свободы в городском районе города Москвы; мой брат член сословия округа Московской судебной палаты.

Меня зовут Александр Семенович Ранецкий; жену Антонина Ивановна; в Праге живем около 3-х лет, оба из Москвы. Профессор А. А. Кизеветтер знает нас очень хорошо и вполне ручается за нашу лояльность. Мой адрес: Чехословакия, Praha, Kř. Vinohrady, Klisperova ul; с 25 u pi Nasove. — Alexandre Ranecky.

С глубокой надеждой, что не откажете нам в Вашем содействии, позвольте быть Вашим покорным слугой

Александр Ранецкий

P.S. Очень хотелось бы иметь визу поскорее, ибо в Праге жизнь очень дорога и без работы трудно.

(На отдельном листке приписка рукою А. С. Ранецкого):

В 1914 году был мобилизован и отправлен на фронт; был ранен и попал в немецкий плен, где пробыл до 1918 года; возвратился в Россию; 11 месяцев служил в театре в Курске; по занятии города ген. Деникиным²⁵ был мобилизован и находился в Добровольческой армии, с которой и эмигрировал.

AP.

Там же. Автограф, подлинник.

№ 7

В. А. Маклаков — А. А. Кизеветтеру

Париж, 22 января 1923* г.

Дорогой Александр Александрович,

Во избежание всяких недоразумений, тотчас по получении Вашего письма спешу Вас предупредить, что я, конечно, могу помочь Вашему протее, но что необходимо, чтобы он прежде всего сам просил визы. Из Вашего письма, равно как и из его собственного, не видно, не впал ли он в ту же ошибку, в которую очень многие впадают; т. е. не ограничился ли он тем, что просит меня. Я могу здесь поддержать его просьбу, но не могу ее заменить; покуда местный французский консул не сообщит сюда об его просьбе, центральное французское правительство будет ждать и никаких шагов не сделает. Для дела гораздо полезнее, чтобы я оказывал содействие той просьбе, которая сюда уже поступила. Поэтому, если он этого еще не сделал, то пусть сделает немедленно и известит меня, что его просьба консулом удовлетворена. Прибавляю, что не вполне уверен в том, что французский консул не имеет права дать разрешение и без сношения с Парижем. Такие разрешения иногда давались, иногда отбирались назад и я в точности не знаю, какие права у французского консула сейчас. Но во всяком случае по опыту знаю, что очень часто наши соотечественники изобретают самые сложные пути, не видя перед собой открытые двери. Я обо всем этом наведу справки сам, но во избежание потери времени, тороплюсь Вас об этом уведомить. Сообщите это Ранецкому, а я сам писать уже ему не буду. Буду теперь ждать Вашего письма.

Там же. Машинопись, копия.

№ 8

А. А. Кизеветтер — В. А. Маклакову

Praha, Liben Svobodarna. 6.02.1924 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

От души благодарю Вас за скорый отклик на мое ходатайство о Ранецком. Я сообщил ему Ваше письмо с тем, чтобы он поступил согласно Вашим указаниям.

Очень, очень благодарю Вас и за присылку Ваших интересных статей. Чтение

* Явная описка, следует читать: 1924. — *Ред.*

их убедило меня в том, что, хотя Вы и не пробыли под большевиками ни одного дня, тем не менее от Вашего верного взгляда не укрылась истинная подоплека их властвования и что вообще Вас на мякине не проведешь.

Позвольте теперь продолжить нашу письменную беседу, которая доставляет мне чрезвычайное удовлетворение. В общем мне думается, что мы с Вами согласны гораздо в большей мере, нежели — быть может — Вам представляется.

Подобно мне считая неприемлемым тезис: «Россия в большевизме нашла самое себя», Вы затем указываете на те нити, которые тем не менее связывают большевизм с одной стороны с традициями старого порядка, с другой стороны с привычками и умонастроениями русской интеллигенции и обычными инстинктами народных масс. Эти Ваши указания я признаю совершенно правильными. Скажу более, — не будь этих связей, — продолжительный успех большевизма на русской почве являлся бы чудом; ну а, как ни притохотливы зигзаги исторического процесса, чудес в нем все же не бывает. И тем не менее, если взять большевизм, как целостное явление, а не отдельные, хотя бы очень существенные его стороны, — то его, на мой взгляд, надлежит признать результатом рокового сцепления преходящих условий, а не несмысливаемой Каиновой печатью на нашем национальном лице.

Никак не буду отрицать того, что большевики под другими терминами воскрешают многие приемы старого порядка. Однако, есть ведь и существенная разница. Старый порядок вел Россию к бездне из-за политической слепоты, а большевики сознательно и умышленно толкнули Россию в бездну, ибо в этом и состояла их задача. Ведь умерший на днях в Москве дурак с самого начала своего эксперимента так и заявлял в печатной брошюре, что коммунизм в России невозможен, но Россия есть та охапка сухого сена, которую всего легче подпалить для начатия мирового социального пожара²⁶. Россия при этом сгорит; ну и черт с ней, зато мир вступит в рай коммунизма. Не меня надо убеждать в том, что у нашего старого порядка была куча смертных грехов. Но все же в подобной постановке вопроса о бытии России он повинен не был. Это — привилегия большевиков.

Я согласен далее с Вашим указанием на то, что русская интеллигенция, идеализируя «волю народа», готова была приписывать ей атрибуты самодержавия и готова была жертвовать ее самодержавию принципами права. Конечно, в этом выразилась романтическая идеализация народной воли и непонимание права, как единственного оплота истинной свободы и справедливости. И все же — ведь не одно и то же — отдавать право на произвол романтического призрака Учредительного собрания или отдавать его на поток и разграбление отнюдь не романтической, а самой, что ни на есть, реальной компании сладострастников насилия.

Первое — неразумно и незрело, второе — отвратительно и преступно. Я согласен, наконец, и с тем, что в наших народных массах исторические условия их существования воспитали в сильнейшей степени инстинкты классовой ненависти. Но ведь даже в моменты наивысшего разгула этого инстинкта — при пугачевщине и при позднейших пореформенных крестьянских бунтах — массы, поднимавшие знамя бунта, не ставили себе задачей истребления враждебных им классов, а стремились — в меру своего понимания — к большей социальной справедливости в отношениях между классами. Задача физического истребления «буржуев», т. е. господ, была подсказана массам агитаторами; эта нежесткая идея вышла не из темного сознания крестьянина, а от напичканных книжною словесностью ученых дураков, засевших в Кремле. Всеми этими рассуждениями я хочу только указать на то, что как ни много можно найти «большевистского» в наших традиционных привычках мысли и жизни, все же между этими нашими традициями и большевизмом, как целостным явлением, остается такая грань, которая побуждает считать большевизм стрясейшей над Россией болезнью, а не принадлежностью ее обычного, «на роду ей написанного» существования.

В высшей степени полезно вскрывать гангрену большевизма и в антибольшевистской России. Но утверждать, что большевизм есть наша национальная стихия невозможно просто потому, что это противоречит фактам и вредно, ибо это подсекало бы энергию в подготовке освобождения от этого наваждения. Я именно боюсь, что при оценке большевизма его начнут подводить под широкие обобщающие схемы и тем сотрут конкретную индивидуальность, ему именно присущую.

А затем, я должен выразить свое согласие с Вашими печальными предвидениями того, что не только Россия, но и остальная Европа входит в полосу культа права силы и пренебрежения к учению о силе права. Слово какой-то антиправовой циклон — если можно так выразиться — охватывает современный культурный мир. Сам

я останусь до гроба неисправимым поклонником правильной государственности. И по двум причинам: 1, в силу убеждения в том, что вне ее нет спасения народам и 2, в силу безотчетной любви к ней, в силу органической в ней потребности. Произвол мне органически противен, даже когда он полезен. Но я с грустью должен признать, что громадное большинство людей, даже из числа тех, кто признает полезность правомерной государственности, — в сущности не любят ее. И потому, чем больше живешь и наблюдаешь, тем сильнее ощущаешь свое духовное одиночество.

Очень возможно, что при предстоящем процессе восстановления Россия должна будет пережить полосу новой диктатуры. Я это допускаю, почти предвижу. Дай Бог, чтобы эта диктатура работала все же на подготовку таких условий, при которых нашей родине окажется в конце концов возможным вступить в русло правомерного развития. Что никакая жизнеспособная страна от такого русла в конце концов не уйдет, в этом я все же глубоко убежден.

Позвольте теперь коснуться Ваших замечаний по вопросу о «предпосылке». Эти замечания были, очевидно, вызваны просто сжатостью и недоговоренностью моего письма. Конечно, если я считаю удаление большевиков предпосылкой возрождения России, то это не значит, что я отрицаю необходимость содействовать народному рождению самой этой предпосылки. Какие приемы и методы тут необходимы? Это уже вопрос целесообразности, который должен быть решаем в каждом отдельном случае на основании тщательного изучения фактического положения дела. Согласен с Вами и в том, что для ускорения ликвидации большевистской власти допустимо было бы идти и на работу вместе с большевиками, преодолевая моральную брезгливость. Но — 1, моральную брезгливость все же можно превозмочь лишь до известного предела, и «большевики» и «пределы» суть вещи несовместимые, а 2, я нисколько не верю как раз в целесообразность этого приема. Ничего кроме «прокукиша» из него не выйдет. Незаметно-медлительное выгалькивание большевиков сторонними элементами есть химера. Оно было бы возможно в том случае, если бы больш[евистская] власть стала переходить на рельсы будничной государственной работы. К этому большевики перейти решительно не в состоянии. Все, что в этом направлении делается ими, — не более, как фарс для отвода глаз. По существу, большевики могут быть не чем иным, как вооруженным станом среди враждебной им страны. И такой стан никак не может допустить того, чтобы его состав начал разбавляться сторонними элементами. Наивно звучат и все толки и о том, что большевики сами эволюционируют в сторону здоровой государственности.

Поворот начнется только тогда, когда они капитулируют перед безвыходностью кризиса. Необходимость такой капитуляции уже налицо. Недаром после провала коммунистич[еского] переворота в Германии, — вся их надежда на подачку от Макдональда²⁷. Но Макдональдовское признание, пока что, выходит какое-то кисленькое...

А книгу о России все-таки пишите. Написал же профессиональный политик Морлей прекрасные книги о Дидро, о Гладстоне²⁸ и др., а профессиональный политик Ганото — прекрасную книгу — в несколько томов — по истории Франции²⁹ и сколько угодно таких примеров. Напрасно Вы говорите, что я общий вопрос подменяю личными. Нет, я указывал на это именно в интересах общего дела. Пользуйтесь досугом, ибо — того и гляди — досуг прервется. Я ведь ни капельки не согласен с Вами в том, что по возвращении в Россию Вы попадете там на заштатное положение. Какое там! На клочки растащут все Ваше время; опомниться Вам будет некогда. Людей будет не хватать на ту творческую работу, которая тогда закипит, по которой страна изголодалась.

От души желаю Вам всего лучшего. Жена шлет Вам искренний привет. Она в больнице, проходит курс лечения радиом и чувствует себя плохо.

Прошу передать мое почтение Марии Алексеевне.

Каждое Ваше письмо будет для меня великим удовольствием.

Преданный Вам А. К[изеветтер].

Там же. Автограф, подлинник.

№ 9

В. А. Маклаков — А. А. Кизеветтеру

Париж, 14-го марта 1924 г.

Дорогой Александр Александрович,

Я действительно почти со всем согласен из того, что Вы говорите в начале

Вашего письма. И не думаю, впрочем, чтобы Вы предполагали, чтобы я не видел разницы между большевизмом и нашим старым режимом и нашим революционным идеализмом; разница эта как раз в том, на что Вы указываете, хотя, быть может, Вы берете ее уже в слишком заостренном и схематическом виде. Я считаю только полезным не забывать, что в идеологии большевизма, в самом ее основании были черты, свойственные общей нашей русской идеологии; это сходство гораздо глубже, чем кажется, и его последствия гораздо более опасны, чем мы предполагаем. Я это называл неуважением к праву, преклонением перед волей народа; но ведь и это производное понятие; в основе лежит прежде всего неуважение к личности и к ее правам. Мы слишком кланялись коллективу и потому забывали личность; это наш первородный грех. Им грешило самодержавие, которое превратило всех в рабов перед монаршей волей, им грешил наш либерализм, который заменил один кумир другим, волей народа, им грешили наши народники, которые бултыхались ниц перед общиной, перед церковным собором, словом, перед всеми проявлениями коллективной воли разума; им была заражена вся русская интеллигенция; по разным причинам, в пику разным другим идеологиям, но была заражена одинаково; вопрос же о том, как этой идеологией воспользовались, вопрос очень важный, но другого порядка. Конечно, самодержавие, которое на этом начале строило культ могущества русского государства, и Ленин, который превращал Россию в охапку сена для революции — суть антиподы; и мы хорошо знаем, где наше сочувствие. Но и в том и в другом случае идеология одинакова; ибо [даже] наши споры сейчас против них ведутся в плоскости оспаривания того употребления, которое из нас хотят сделать, а не в плоскости незыблемости тех личных прав, от которых мы ни при каких условиях не отступимся. Я совершенно согласен с Вами, что сейчас было бы большой тактической ошибкой затушевывать эту разницу между самодержавием и большевизмом; дать повод думать, что это одно и то же, конечно, величайший грех, которым бы воспользовались против нас. Но пренебрежение к правам личности и в силу этого снисходительное отрицательное отношение к либерализму, как к идеологии исключительно буржуазной, с моей точки зрения громадное и самостоятельное зло, которым мы постоянно грешили; необходимо, чтобы наша революция излечила бы нас хотя бы от этого зла, и потому на эту сторону дела нужно указывать, с оговорками и словесными предисловиями, но указывать необходимо. Помню, как после революции мы ехали из Москвы в Петербург на кадетский съезд; мы сошлись тогда в купе — члены ЦК; заспорили об аграрном вопросе; я по сю пору не забыл того страдания, которое я испытывал при виде того, с какой легкостью наши товарищи сдавали бесспорные правовые позиции во имя воли народа. Вот этого-то нужно было бы впредь избежать и потому я так охотно подчеркиваю, что большевизм явился только бессовестным, но зато и логическим выводом из нашей анархической идеологии. И добавлю: в этом смысле я очень боюсь, что европейская атмосфера, которая до такой степени заражается тем же пренебрежением к личности, не будет способствовать нашему оздоровлению.

А затем главный вопрос. Как бы мы ни сошлись с Вами в теоретических взглядах, мы даже и не приблизились друг к другу в практической постановке вопроса. А между тем для меня в этом весь интерес. Я опять-таки скажу: конечно, благо Вам, которые сейчас за границей за это трудное время ухитряются что-то сбересть из русской культуры, а может быть и ей послужить. Пусть, исходя из позиции о разделении труда можно считать, что они этим свое дело сделали. Тем не менее остается вопрос, для меня гораздо более интересный; что нужно делать для того, чтобы работа русской эмиграции не осталась бесплодной, чтобы приблизить день свержения большевизма. На этот вопрос и только на этот я жду ответа, и на это ответа Вы не даете, или вернее даете отрицательный; Вы говорите чего не следует делать, что бесполезно. И Вы касаетесь самого большого вопроса, что нужно делать в России; выходит, как будто бы ничего; все, что там ни затеется, будет прокукиш. А я не уверен, что даже с Вашей точки зрения прокукиш не был бы полезен. Не в том смысле, как полагал Милюков, что он свергнет правительство; но, что он разлагал морально и материально тот строй, который мы хотим низвергнуть. Я готов допустить, что есть моменты, когда делать нечего; и тогда лучше ничего не делать, чем зря суетиться; это я скажу по адресу наших по-

литических начинаний на Западе; отсюда мы большевизма не свергнем и лучше об этом не говорить. Но ведь, если мы этого не сделаем отсюда, то значит это должны сделать там; значит, какими-то путями эта работа должна вестись там; в число этих путей, может быть, входит и прокукиш; может быть, входит и Кутлер¹⁰; делаю исключение для Гредевского*, он не входит, но все остальные, которые даже по виду примирились с большевизмом, быть может, его разлагают, что эта работа бесконечно тяжелая и неблагодарная, я не оспариваю. Но именно поэтому мы отсюда и должны относиться к ней с наибольшей степенью благожелательности; ибо в конце концов на них вся надежда. Здесь мы можем служить русской культуре, можем писать исторические книги; можем служить даже общечеловеческой мысли. Но все это пригодится только в том случае, если там какие-то прокукиши поставят большевизм перед той стеной, о которой Вы говорите; помните, как мы говорили в 1904–1905 году: «не штурм, а осада власти»; мы попробовали штурм большевизма, на нем мы провалились; может быть, нужна осада; и вот отсюда, издалека наблюдая осаждающих, нам не нужно их обескураживать, тем более осуждать; нам нельзя упрекать их за то, что они не идут на штурм. Знаю я, что Вы никого не упрекаете, и не поймите меня в этом смысле; но признаюсь, в этой части Вашего письма я не схватил одного: что же Вы советуете делать в России всем тем, которые не смогли отсюда убежать: штурм, осада или полнейшее бездействие. А в этом вся проблема момента.

Там же. Машинопись, копия.

№ 10

В. А. Маклаков — А. А. Кизеветтеру

Париж, 22-го марта 1924 г.

Дорогой Александр Александрович,

Пишу Вам по новому и совершенно определенному поводу. Дело вот в чем: здесь в небольшом кругу лиц зародилась мысль о желательности использовать наше пребывание за границей для того, чтобы собрать здесь все книги, брошюры и газеты, которые писались о России, как на русском, так и на иностранных языках. Когда будет подходящее время, сдать весь собранный материал в соответствующие учреждения и книгохранилища России; словом, позаботиться, чтобы все это не оказалось безнадежно утраченным, или по крайней мере бесповоротно разрозненным. В порядке самого предварительного обсуждения этого вопроса мы осведомились, что аналогичной задачей занимаются уже в Берлине и в Праге; правда, там по-видимому вопрос ставится иначе; книги собираются, но вовсе не затем, чтобы их отправить в Россию. Тем не менее, если даже задача и ставится более узко, то не хотелось бы в этом отношении действовать разрозненно; тем более, что, во-первых, эти цели на-

* Так в тексте; вероятно, следует читать: Гредескула¹¹.

столько близки, что могут друг друга дополнять, а кое-чем друг у друга заимствоваться, а во-вторых, что самое дело по необходимости, хотя бы во избежание расходов по пересылке, требует децентрализации по странам. Поэтому, прежде чем что-нибудь делать и предпринимать, было решено списаться с Прагой и с Берлином. Инициатором этого дела является Петербургский адвокат и наш кадет правого толка — Кац. Он и будет списываться с Берлином и с Прагой. Но так как я узнал, что какое-то касательство к этому делу Вы имеете, или во всяком случае можете иметь, то я и обещал ему, что через Ваше посредство предупреджу о том обращении, которое он сделает и попрошу отнестись к нему с серьезностью. Это я и делаю настоящим письмом.

Там же. Машинопись, копия.

№ 11

А. А. Кизеветтер — В. А. Маклакову

13.V.1929

Bechovice u Prahy, Ujezd, 55. Tchechoslovaquie.

Дорогой Василий Алексеевич,

Простите великодушно, что решаюсь затрудить Вас вот какой просьбой. Дочь моя Екатерина Александровна Максимович со своим мужем Евгением Филимоновичем Максимовичем очень желают поехать во Францию этим летом на время служебного отпуска Евгения Филимоновича, т. е. на время от 1 июля до 1 сентября. Позвольте обратиться к Вам с большой просьбой посодействовать выдаче им на этот предмет визы французской. Максимович служит здесь в Русском Архиве при министерстве иностранных дел и таким образом французы могут быть совершенно спокойны насчет того, что Максимовичи никакого намерения не имеют задержаться во Франции, а к окончанию отпуска непременно возвратятся в Прагу. Исполнением этой просьбы глубоко обяжете меня. Они едут просто отдохнуть, освежиться, набраться сил где-нибудь у моря.

Надеюсь, не посетуете на меня за эту доuku.

Шлю Вам сердечный привет. Будьте здоровы.

Ваш А. Кизеветтер.

Будьте так добры черкнуть два слова о том, возможно ли осуществление моей просьбы.

Там же. Автограф, подлинник.

№ 12

А. А. Кизеветтер — В. А. Маклакову

7.VI.1929

Дорогой Василий Алексеевич,

Большое, большое спасибо за исполнение моей просьбы. Дочка в восторге.

Будьте здоровы!

Ваш А. Кизеветтер

Там же. Автограф, подлинник.

№ 13

В. А. Маклаков — А. А. Кизеветтеру

Париж, 13 сентября 1929 г.

Дорогой Александр Александрович,

Вчера мне прислали Вашу книгу³²; спешу Вас поблагодарить, но я не дожидаясь, что Вы мне ее пришлете, чтобы приобрести ее, как только она вышла. Я прочел ее еще весной и когда Софья Владимировна³³ была в Париже, мы об ней уже говорили. Не собираюсь Вам писать ни комплиментов, ни критики. Прочел ее с громадным интересом и думаю, что подобные книги самое полезное дело, которое мы можем пока делать. Конечно, всегда легко упрекнуть себя и других, что говоришь не обо всем; это неизбежно; так и мне было досадно, что о некоторых сторонах этого времени Вы либо умалчиваете, либо говорите слишком мало. Но самое главное условие, мне кажется, без которого писать такие книги не стоит — это говорить решительно то, что

думаешь, необходимыми тактическими соображениями не стесняясь. Но совершенно согласен с Вами, что мы не должны скрывать того дурного, что было в прошлом, как бы мы об нем сейчас не жалели. Если мы когда-то грешили скрытием хорошего, что было в старом, и этого недостатка сейчас повторять не хотим, то скрывать и умалять грехи прошлого сейчас еще большее преступление. Вообще нам нужно высвободиться из этой нелепой Милюковской дилеммы: кто не с нами, тот против нас, кто не считает кадет безупречными, а Милюкова Государственным человеком, тот сторонник Плеве³⁴ и реакции. Но если ошибки и преступления прошлого объясняют и до некоторой степени оправдывают все то, что происходит сейчас, то я считаю столь же преступным и неумным скрывать наши ошибки и нелепости, воображать теперь, что вся русская разруха произошла только оттого, что нам не дали ходу и не позволили осуществить наши планы и поставить к власти наших государственных людей, так нелепо, что мне трудно поверить искренности подобных заявлений. И люди, которые вспоминают прошлое, как Вы, без предвзятости, хотя бы им, как и всем нам и было далеко до объективной правды, все-таки дают этот материал, без которого этой правды узнать будет нельзя.

Там же. Машинопись, копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Н. И. Астров³⁵ — В. А. Маклакову

Прага. 7 февраля 1933 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Позвольте поставить Вас в известность о том, что предпринимается в Праге в связи с кончиной А. А. Кизеветтера. Его смерть — большое горе для нас всех. Уходит наше поколение. Уходит печально, пережив разрушение того, что строило.

Памяти Кизеветтера устраиваем два больших публичных собрания. Одно общего характера, другое, посвященное ему, как историку. Предположено издать его курс новейшей русской истории, издать книгу, посвященную его жизни и деятельности. Русское Историческое Общество³⁶, председателем которого был А. А., организует среди друзей, учеников и почитателей, рассеянных по всему свету, сбор пожертвований для постановки памятника на могиле Кизеветтера³⁷. Оставшиеся деньги предполагается обратить в стипендиальный фонд имени А. А. Кизеветтера.

Может быть, Вы не откажете помочь в этом деле и соберете кое-что среди Ваших знакомых и друзей.

А. А. хворал давно. У него была сахарная болезнь. Но лечение инсулином, казалось, поддерживало его в равновесии. Я был у него утром. Мы вели разговоры о разных делах, вспоминали Москву, Университет Шанявского. Он хотел зайти к нам днем, а на следующий день отвезти лежавшему в больнице деньги. Вечером у него сделался сердечный припадок. А к утру его не стало. Смерть была, по-видимому, тихая, без особенных страданий. Он говорил даже, что хорошо было бы так умереть.

Помогите нам поставить памятник на его могиле. Ведь скоро от нашего поколения не останется и следа.

Искренне Вам преданный Н. Астров.

Там же. Машинопись, подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 28 сентября 1922 г. Кизеветтер с семьей отплыл на немецком пароходе из Петербурга в Штеттин. 1 января 1923 г. он прибыл в Прагу, где чехословацкое правительство учредило ряд вакансий для русских ученых-эмигрантов. В Праге Кизеветтер прожил оставшиеся 10 лет своей жизни.

2. Лазаревский Борис Александрович (1871–1936) — беллетрист, с 1920 г. в эмиграции.

3. Мария Алексеевна — сестра В. А. Мак-

лакова, жившая с ним на одной квартире до конца жизни и помогавшая ему в ведении дел.

4. Вероятно, речь идет о Варваре Алексеевне Морозовой, председателнице Московского женского клуба, жене московского фабриканта Ивана Абрамовича Морозова, нередко предоставлявшей свой особняк на Пречистенке для собраний различных либеральных организаций.

5. Третьяков Сергей Николаевич (1882–1943) — московский фабрикант; с 1912 г. член

Н. И. Астров.

ЦК партии прогрессивистов. В 1917 г. примыкал к кадетам; вошел в состав Временного правительства в качестве председателя Экономического совета и Главного экономического комитета. Активный участник белого движения. В эмиграции один из руководителей Российского торгово-промышленного и финансового союза и Русского комитета объединенных организаций, представлявшего правые эмигрантские общественные организации. С 1929 г. сотрудничал с советской разведкой. Раскрыт немцами в период оккупации Франции и казнен как советский агент.

6. Мазинг Н. Л. — член партии кадетов с 1905 г.

7. Кизеветтер Екатерина Яковлевна, урожденная Фраузенфельдер, по первому мужу Кудрявцева, — жена А. А. Кизеветтера с 1894 г.

8. Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — академик, один из основателей русской индологической школы; кадет, депутат 4-й Государственной думы, министр просвещения Временного правительства с 24 июля по 25 сентября 1917 г.; при большевиках остался на посту неперемного секретаря Академии наук, которым был избран в 1904 г.

9. Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958) — публицист; на разных этапах своего политического развития была социал-демократкой, входила в «Союз освобождения», была заочно избрана в ЦК партии кадетов, но

войти в партию отказалась. Во время гражданской войны «нинистка» («ни Ленин, ни Колчак»). В числе первых из небольшевистского лагеря, кто пошел на сотрудничество с Советской властью. В 1922 г. приговорена по делу Всероссийского комитета помощи голодающим к расстрелу, который был заменен ей высылкой за границу.

10. «Прокукиш» — так в большевистской печати называли Всероссийский комитет помощи голодающим, используя для издательского сокращения первые слоги фамилий его фактических руководителей — С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кусковой и Н. М. Кишкина. Подробнее о комитете см.: «Источник». 1995. № 3.

11. Урусов Александр Иванович (1843–1900) — князь, адвокат, выдающийся оратор, литературный критик.

12. Турчанинов Александр Николаевич (1838–?) — с 1863 г. товарищ председателя Санкт-Петербургской судебной палаты; с 1866 г. присяжный поверенный.

13. Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) — по образованию врач; участник «Союза освобождения», с 1905 г. член ЦК партии кадетов. После прихода к власти большевиков неоднократно арестовывался за антисоветскую деятельность.

14. Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) — юрист и философ; участник «Союза освобождения», один из основателей партии кадетов, депутат 1-й Государственной думы.

С 1920 г. в эмиграции; первый ректор Русского университета в Праге.

15. Имеется в виду «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц», образованная Временным правительством. Комиссию называли Муравьевской по имени ее председателя присажного поверенного Н. К. Муравьева.

16. Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич (1876–1945) — курский помещик, один из руководителей «Союза русского народа», Палаты Михаила Архангела; депутат 3-й и 4-й Государственных дум, в которых был одним из лидеров крайне правых. В эмиграции сотрудничал с нацистами.

17. Ларин Ю. (Лурье Михаил Александрович) (1882–1932) — деятель революционного движения, экономист, литератор. С 1900 г. в революционном движении, социал-демократ. С 1904 г. меньшевик. В августе 1917 г. вступил в партию большевиков. Один из создателей и руководителей Госплана.

18. «Сменовеховцы» — эмигранты, сторонники сближения с Советской Россией (Ю. В. Ключников, А. Н. Толстой, Ю. Н. Потехин и др.). Считали, что большевики возрождают российскую государственность. Это течение получило название по имени сборника «Смена вех» (Берлин, 1921).

19. Милюков Павел Николаевич (1859–

1943) — историк; признанный лидер партии кадетов, депутат 3-й и 4-й Государственных дум.

20. Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) — русский пианист, композитор, дирижер.

21. Нижинский Вацлав Фомич (1889 или 1890–1950) — русский артист балета, балетмейстер. С 1911 г. жил за границей, участник труппы С. П. Дягилева.

22. Коновалов Александр Иванович (1875–1948) — фабрикант; лидер партии прогрессистов, с августа 1917 г. член партии кадетов, депутат 4-й Государственной думы, министр торговли и промышленности в первых двух составах Временного правительства. С 1918 г. в эмиграции.

23. Корш Федор Адамович (1852–1923) — русский театральный деятель, антрепренер. В 1882 г. основал частный драматический театр.

24. Незлобин Константин Николаевич (1857–1930) — русский антрепренер, режиссер, актер.

25. Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал, в годы гражданской войны командующий Добровольческой армией, затем главнокомандующий Вооруженными силами Юга России.

26. Имеется в виду В. И. Ленин, умерший 21 января 1924 г.; мысль о том, что русская революция послужит отправной точкой для революции мировой неоднократно высказывалась им в различных статьях и речах.

27. Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937) — английский государственный и политический деятель, один из лидеров лейбористской партии. В 1924 и 1929–1931 гг. премьер-министр. В феврале 1924 г. правительство Макдональда признало де-юре СССР.

28. Морли Джон (1838–1923) — английский историк, публицист и политический деятель. Автор книг «Diderot and the Encyclopaedists» (1878), «Life of Gladstone» (1903) и мн. др.

29. Аното Габриэль (1853–1944) — французский государственный и политический деятель, историк, член Французской академии (с 1897). В 1894–1895 и 1896–1898 гг. министр иностранных дел. Автор многих книг.

30. Кутлер Николай Николаевич (1859–1924) — в 1905–1906 гг. главноуправляющий земледелия и землеустройства; вышел в отставку под давлением консерваторов. С 1906 г. член партии кадетов, автор ее аграрной программы; депутат 2-й и 3-й Государственных дум. С 1919 г. начал сотрудничать с Советской властью; участвовал в подготовке и реализации денежной реформы 1922–1924 гг.

31. Гредескул Николай Андреевич (1864 – конец 1930-х) — юрист, публицист, общественный деятель. С 1905 г. член партии кадетов; товарищ председателя 1-й Государственной думы. Признал Октябрьскую революцию.

В 1920–1930 гг. преподавал в ленинградских вузах, занимался популяризацией материалистического понимания истории.

32. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881–1914). Прага: «Орбис», 1929.

33. Очевидно, имеется в виду графиня Софья Владимировна Панина (1871–1957) — член ЦК партии кадетов, в 1917 г. товарищ министра государственного призрения, затем товарищ министра народного просвещения в составе Временного правительства. С 1920 г. находилась в эмиграции, сначала во Франции, затем в Швейцарии и США.

34. Плевэ Вячеслав Константинович (1846–1904) — министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов в 1902–1904 гг.

35. Астров Николай Иванович (1868–1934) — с 1916 г. член ЦК партии кадетов; в 1917 г. московский городской голова. Активный участник белого движения. В эмиграции жил в основном в Праге.

36. Русское историческое общество было учреждено в Праге в 1925 г. Кизеветтер стал его председателем в 1930-м.

37. Кизеветтер похоронен на Ольшанском кладбище в Праге. На его могиле стоит памятник, воздвигнутый на средства русских эмигрантов, собранные Русским историческим обществом.

*Публикация
кандидата исторических наук
Олега БУДНИЦКОГО
(Россия)*

*и профессора
Теренса ЭММОНСА
(Стэнфордский университет, США).*

«Для облегчения бремени вооруженного мира»

*Предложения об отказе от войн
впервые выдвинула Россия*

Дворец Мира в Гааге.

Организованная по инициативе России первая конференция мира начала свою работу 6/18 мая 1899 года. Голландское правительство предоставило в распоряжение ее участников неболь-

шой замок XVII века в старинном парке Бош на северо-западе Гааги. Общие заседания 110 членов конференции от 26 стран проходили в центральной восьмиугольной Оранской зале. Карти-

Источник 2/1996

на, висящая над входом, прославляет идею мира: конный воин вкладывает в ножны свой меч и торжественно закрывает двери храма Януса.

Созыву этого международного форума предшествовали две циркулярные ноты российского правительства. В первой формулировалась идея конференции: обеспечить народам прочный мир и положить предел развитию современных вооружений; во второй предлагалась программа конференции.

Первоначальный вариант проекта ноты российские дипломаты составили еще в марте 1898 г. После длительной проработки текста и выбора подходящего момента для обращения к державам циркуляр был вручен 12/24 августа 1898 года представителям иностранных государств в Петербурге, а через три дня опубликован в «Правительственном вестнике».

Публикация ноты вызвала громкий резонанс как в правящих верхах, так и в общественном мнении разных стран. Военный министр А. Н. Куропаткин, один из авторов замысла, отметил в дневнике двойственное впечатление, вызванное предложением России: народы отнеслись к нему восторженно, правительства — недоверчиво. Но, несмотря на настороженное отношение, ни одна из держав открыто не рискнула отказаться от участия в конференции мира. К середине октября Петербург получил положительные ответы всех правительств на августовскую ноту.

Российской дипломатии предстояло сделать следующий шаг, так как все ждали от инициатора конкретных предложений. Министр иностранных дел М. Н. Муравьев поручил профессору Ф. Ф. Мартенсу составить записку о предмете занятий конференции, в которой нашли бы отражение вопросы международного права. Записка, наряду с другими документами, легла в основу «Предварительного проекта программы занятий конференции о мире», который в конце ноября 1898 года был представлен Николаю II. Затем руководство МИД направило проект в министерства военное, морское и финансов для согласования позиций. Главы заинтересованных ведомств

одобрили основные положения записки Мартенса, а в МИД выработали окончательный вариант циркулярной ноты с программой конференции. Одобренная царем, 30 декабря 1898 г./11 января 1899 г. она была вручена представителям держав в Петербурге, а затем опубликована.

После этого в ведомствах началось обсуждение специальных вопросов и выработка инструкций делегатам от этих ведомств на конференции.

Публикуемые документы — письмо министра финансов С. Ю. Витте М. Н. Муравьеву с оценкой предложений

Ф. Ф. Мартенса и подготовленное в ответ на запрос МИД заключение Министерства финансов от 24 апреля (6 мая) 1899 г. Заключение было составлено после совещания директоров департамента государственного казначейства и директоров общей канцелярии Министерства финансов (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 115. Л. 64–67 об., 70–70 об.).

Внесенные Россией предложения по первому пункту программы: сохранение на известный срок существующего состава сухопутных вооруженных сил и величины военных бюджетов, а также предварительное изучение средств возможного их сокращения в будущем — были единогласно отклонены участниками конференции. Но на заключительном заседании было подчеркнуто огромное значение основной идеи русских предложений, идеи бессмертной, отвечающей самым горячим желаниям миллионов людей. Единогласно принятая резолюция гласила: «Облегчение военного бремени, тяготеющего над миром, в высшей степени желательно для увеличения как материального, так и нравственного благосостояния человечества».

Конференция впервые выявила как возможность обсуждения проблемы разоружения в рамках мирового сообщества, так и сложность ее реализации на практике. Не решив основной задачи, конференция выработала Гаагские конвенции — соглашения о законах и обычаях войны, основные из которых и поныне являются признанными большинством государств нормами международного права.

№ 1

Письмо министра финансов С. Ю. Витте министру иностранных дел М. Н. Муравьеву

№ 268 от 24 ноября 1898 года

Милостивый Государь
Граф Михаил Николаевич,

При письме от 14 сего Ноября Ваше Сиятельство изволили препроводить ко мне записку, составленную Юрисконсультком Министерства Иностранных Дел тайным со-

ветником Мартенсом по вопросу о выработке программы международной конференции для установления пределов непрерывных вооружений государств и для предупреждения опасностей, угрожающих от этих вооружений всеобщему миру.

В интересной записке своей тайный советник Мартенс резюмирует свои соображения в следующих статьях:

I. Из предметов обсуждения конференции безусловно исключаются:

1) Вопросы, связанные с ныне действующими между государствами мирными или территориальными трактатами;

2) Все текущие политические вопросы, не имеющие никакого отношения к предмету, для изучения которого созвана конференция; наконец,

3) Все предложения, имеющие целью отменить автономию внутреннего управления государств.

II. Предметами обсуждения конференции представляются мероприятия двоякого рода: одни имеют целью сохранять мир, другие направлены к определению некоторого предела вооружениям.

III. Как меры, способные сохранять мир в случаях международных столкновений, рекомендуются державам:

1) Добрые услуги (*Bons offices*)

2) Посредничество (*Médiation*) и

3) Третейское разбирательство (*Arbitrage*).

IV. В качестве мероприятий, могущих положить некоторый предел вооружениям современных государств, заслуживают внимания:

1) Неувеличение, в течение 5 лет, ныне существующего в государствах личного и материального состава вооруженных сил как на суше, так и на море;

2) Определение, по добровольному согласию держав, некоторого процентного отношения между численностью народонаселения и численным составом армий, а равно и между общим государственным бюджетом и военно-морскими бюджетами каждого государства;

V. Торжественное заявление на конференции об уменьшении в будущем 1899 году обычного рекрутского набора (очевидно имеется в виду призыв к исполнению воинской повинности) в России, каковое заявление будет вполне зависеть от благоусмотрения Его Императорского Величества.

Не встречая возражений по поводу вопросов, предположенных к безусловному исключению из предметов обсуждения конференции, а равно относительно мер к предупреждению международных столкновений, я, вместе с тем, признаю желательным рассмотреть конференцией вопросы: *a)* о неувеличении в течение известного периода времени наличных вооруженных сил и *b)* об установлении некоторого процентного отношения между численностью населения и численным составом армий. Что же касается процентного отношения между общим государственным бюджетом и военным бюджетом каждого государства, то, не возражая по-существу против этой мысли, считаю не лишним обратить внимание Вашего Сиятельства на то, что осуществление этого проекта сопряжено с известными затруднениями. В различных государствах бюджеты, будучи основаны на правилах действующей в каждом из них и развившейся исторически системы финансов, далеко не одинаковы и не легко соизмеримы между собою: так, одни государства имеют нетто-бюджеты, т. е. бюджеты чистые, в которых доходы показываются за вычетом издержек взимания, а расходы более или менее соответствуют суммам, действительно назначенным на удовлетворение потребностей управления; в других государствах, наоборот, применяется система бюджетов валовых (брутто-бюджетов), которые содержат в себе всю сумму доходов, относя издержки взимания на счет расходов и, наоборот, включая в отдел доходов те поступления, которые поступают при самом исполнении расходов. Далее, по отдельным государствам весьма неравномерно распределены крупные правительственные предприятия, т. е., главным образом, казенные железные дороги, затем заводы, банки и т. п. Вследствие этого и разнообразия в системах проведения по государственным росписям доходов и расходов этих предприятий, итоги бюджетов разных стран получают весьма различное значение. Наконец, в бюджеты некоторых государств вводятся такие расходы, несение коих в других государствах возложено на местные учреждения и общины, содержимые на счет собственных своих доходов и капиталов или присвоенных.

Изысканная разнохарактерность системы государственных бюджетов, усугубляемая тем, что в союзных государствах и союзах государств предстоит различать и соединять бюджеты, общие и частные, может, по моему мнению, создать некоторые затруднения при разрешении настоящего вопроса.

Переходя к проектируемому торжественному заявлению предстоящей конференции об уменьшении в будущем 1899 году обычного призыва новобранцев, я не могу, конечно, отрицать, что Россия, которая первая устами своего гуманного Монарха сделала призыв к всеобщему сокращению вооружений, первая должна бы была подать пример хотя бы частичного воздержания от дальнейших вооружений и уменьшения контингента военных сил, чтобы убедить великие державы в твердости предложенных ею принципов. Не сомневаясь, что изложенное выше заявление явится новым подтверждением полного бескорыстия и абсолютного миролюбия России, я, вместе с тем, позволяю себе высказаться за осуществление настоящего проекта в такой форме, которая, не изменяя принципиальной стороны сего великодушного акта, по моему мнению, еще более увеличила бы его благотворное значение.

Если бы Государю Императору благоугодно было Всемилостивейше даровать своим подданным при отбывании воинской повинности широкие льготы по образованию, предоставив таковые преуспевающим воспитанникам высших и средних учебных заведений, как общеобразовательных, так и специальных, то сия Высочайшая милость, будучи равносильна частичному сокращению призыва новобранцев и являясь в то же время починю частичного разоружения, оказала бы, кроме того, плодотворное влияние на рост просвещения и внутреннее развитие страны.

Независимо от приведенных соображений, приуроченных к пунктам заключения, сообщенного мне Вашим Сиятельством, я позволяю себе по поводу предположения о сокращении морских вооружений обратить внимание Ваше на следующие два обстоятельства:

1) В настоящее время центр политических стремлений и взаимного соперничества держав находится вне Европы, где активное проявление защиты прав и законных интересов держав должно прежде всего выразиться путем морских военных действий.

2) Континентальные державы, соперничая между собою, довели свои армии до грандиозных размеров и несут на содержание их тяжелые расходы. Между тем Англия и Соединенные Штаты Северной Америки, не нуждаясь, благодаря своему географическому положению, в содержании значительного контингента сухопутных сил, не участвуют в громадных затратах на организацию и расширение армий. Благодаря этому, названные державы развивают свой флот и пользуются значительным преимуществом перед континентальными государствами. Ограничение в усилении флота может закрепить это преимущество и поставить некоторые государства в затруднение охранять свои внеевропейские права и интересы.

Хотя возможно опасаться, что вопрос об ограничении военно-морских вооружений встретится с возражениями некоторых держав, тем не менее, сознавая, сколь громадны и серьезны трудности, стоящие на пути к удовлетворительному разрешению поставленного вопроса, я глубоко убежден, что даже в том случае, если в результатах предстоящей конференции окажутся самые незначительные меры к проведению в жизнь проектируемых задач, возвышенная идея охранения всеобщего мира явится зерном, которое в будущем даст обильные плоды, а великий почин просвещенного Русского Царя в деле устранения губительного для всей Европы милитаризма оставит глубокие следы во всемирной истории.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем уважении и искренней преданности.

С. Витте.

АВПРИ. Ф. «Политархив». Оп. 482. Д. 4713. Л. 87–92.

Текст—писарская рукопись, подпись—автограф.

№ 2

Заключение Министерства финансов от 24 апреля 1899 г.

Задачи имеющей состояться в Гааге международной конференции, как это видно из циркуляра Министра Иностранных Дел от 30 Декабря 1898 г.¹, сводятся к трем

целям: 1) облегчению бремени вооруженного мира; 2) предотвращению вооруженных столкновений и 3) смягчению ужасов войны.

Соответственно с этими целями предлагается:

1. Для облегчения бремени вооруженного мира — ограничение состава сухопутных и морских вооруженных сил (п. 1 циркуляра): запрещение вводить новое огнестрельное оружие, усовершенствованные или новые взрывчатые вещества, а также вообще новые орудия того же свойства (п. 2); ограничение или даже сокращение бюджетов на военные надобности (п. 1).

2. Для предотвращения вооруженных столкновений — принятие начала применения добрых услуг, посредничества и добровольного третейского разбирательства в подходящих случаях; соглашение о способе применения этих средств и установление однообразной практики в их употреблении (п. 8).

3. Для смягчения ужасов войны — ограничение употребления в полевой войне разрушительных взрывчатых составов, уже существующих, а также запрещение пользоваться метательными снарядами с воздушных шаров или иным подобным способом (п. 3); применение к морским войнам постановлений Женевской конвенции 1864 г. на основании дополнительных к ней постановлений 1868 г.² (п. 5); признание на таких же основаниях нейтральности судов и шлюпок, коим будет поручено спасание утопающих во время или после морских сражений (п. 6); пересмотр декларации о законах и обычаях войны, выработанной в 1874 г. на Конференции в Брюсселе³ и до сего времени не ратифицированной (п. 7).

Ввиду того, что две последние цели, а следовательно и практические средства для их достижения, не имеют непосредственного отношения к финансово-экономическим интересам, Министерство Финансов не считает обсуждение их входящим в свою компетенцию, а посему ограничивается рассмотрением исключительно первой цели и способов ее достижения.

Экономический ущерб, причиняемый народам современной системой вооруженного мира, обнаруживается в трех главных проявлениях: во 1-х, в отвлечении значительной части наиболее работоспособного населения от производительного труда; во 2-х, в затрате изобретательности человеческого гения во вред первейшему благу людей; в 3-х, в совершенно непроизводительном (со специально-экономической точки зрения) расходовании огромной массы вещественных благ и денежных средств. Все эти проявления экономического ущерба, в свою очередь, создают благоприятную почву для ряда крайне опасных последствий: постоянно увеличивающееся напряжение платежных средств населения для военных целей препятствует ему удовлетворять в полной мере даже наиболее насущные потребности и улучшать свой быт соответственно развивающимся требованиям жизни; это влечет за собою обострение отношений отдельных классов между собою, ропот и недовольство масс, при бессилии государства предпринять сколько-нибудь значительные затраты для удовлетворения назревших народных нужд, и облегчает распространение в народных массах самых крайних учений.

Соответственно этим трем коренным проявлениям экономических последствий системы вооруженного мира, на которые непосредственно направляются меры устранения или смягчения этого зла, — меры эти получают тройкий характер. Для сбережения производительного труда населения служат меры к ограничению численного состава войск; для отклонения изобретательности человеческого гения от путей разрушения предлагаются меры к ограничению применения военно-технических усовершенствований; наконец, для сокращения непроизводительного расхода материальных средств служат меры непосредственного ограничения военных бюджетов.

Само собой понятно, что воздействие на каждое из этих зол в отдельности тем самым оказывает уже некоторое влияние и на оба остальные — ввиду органической связи их между собою. Так, ограничение численного состава войск или задержка в применении военно-технических усовершенствований может привести и к сокращению расходов денежных средств; в свою очередь, сокращение военного бюджета может иметь своим последствием ограничение численного состава или задержку в применении технических усовершенствований. Однако, в зависимости от того, на какой именно предмет оказывается непосредственное воздействие, практические результаты могут получиться далеко не одинаковые, ввиду чего выбор и комбинирование этих мер являются отнюдь не безразличными. Соображение это представляется тем более правильным, что, в случае успешных результатов предстоящей Конференции, можно ожи-

дать такого направления творческой мысли военной администрации, при котором главной целью будет поставлено возможно интенсивнее использовать именно те факторы военного дела, которые останутся не затронутыми международной нормировкою. Нормировка, например, численного состава войск естественно заставит направить стремления к усовершенствованию вооружения, к усилению крепостей, к улучшению воинского снаряжения и т. п.; нормировка применения технических усовершенствований может повести к увеличению численного состава, к усилению крепостей и т. п. Можно думать, что в своих практических предложениях отдельные державы и могут руководствоваться именно этими соображениями, всемерно отвлекая нормировочные планы от таких предметов, в области которых они усматривают для себя удобное и желательное поле для усиления военного могущества.

Ввиду сего в пределах, относящихся к области финансово-экономических интересов, т. е. в отношении мер к облегчению бремени вооруженного мира, Министерство Финансов полагает необходимым во-1, остановиться отдельно, в отношении каждой из мер, на выяснении значения ее с точки зрения наших национальных интересов, и во-2, отметить возможные способы практического осуществления каждой из них.

Одною из самых существенных мер, способствующих облегчению бремени вооруженного мира, несомненно, является ограничение состава сухопутных и морских вооруженных сил.

Нормировка численного состава, преследуя цель — стеснить державы в праве содержания той или иной части населения в войсковых рядах, находится в непосредственной связи с этнографическими и финансово-экономическими условиями, определяющими в каждой стране самую возможность и степень отяготительности формирования известного количества войсковых масс. В обоих этих отношениях наше отечество обладает, по сравнению с западноевропейскими государствами, крупными преимуществами, облегчающими для нас вопрос о наборе личного состава в той или иной цифре, ибо как по числу населения, так и по его приросту Россия занимает первое место среди главнейших европейских государств, превышая, например, цифру населения тройственного союза⁴.

Засим, надлежит заметить, что хозяйственные условия нашего быта, вообще мало удовлетворительные, в данном случае оказываются более благоприятными. Низкий уровень зажиточности огромной части нашего сельского населения, из коего комплектуется преобладающая часть воинского состава, обуславливает непритязательность нашего солдата в отношении материального довольствия, что дает возможность содержать войска дешевле, нежели в западноевропейских странах, с более высоким уровнем зажиточности и, соответственно с этим, с большею притязательностью воинских чинов. Несмотря на то, что в общем наш солдат живет в условиях лучших, нежели у себя в деревне, а на Западе, наоборот, живет хуже, нежели в домашней обстановке, тем не менее, денежный расход по одному продовольствию, не говоря о прочих статьях воинского быта, на Западе превышает наш расход в два и три раза. Точно так же заметно отличается и денежное довольствие нижних чинов: по вычислениям профессора Газенкампа⁵ («Военное хозяйство», изд. 2-е, стр. 115) — рядовой получает у нас в год 2 руб. 70 коп. жалованья, в Австрии — около 20 рублей, во Франции и Германии — около 36 рублей. В соответствии с этими условиями и общая цифра военного расхода, приходящаяся на одного военнослужащего, составляет у нас, согласно данным, приведенным профессором Академии Генерального Штаба Гулевичем⁶ («Война и народное хозяйство», стр. 66), 289 руб., между тем как во Франции она достигает 447 р., в Германии — 498 р., в Австро-Венгрии — 504 р., в Великобритании — 787 р.

Наконец, и в народно-хозяйственном отношении нельзя не отличить некоторых особенностей, ослабляющих у нас, сравнительно с другими европейскими державами, экономический ущерб, причиняемый стране и населению, отвлечением известной части его от производительного труда в ряды войскового состава. Здесь прежде всего следует указать на более благоприятное у нас соотношение возрастно-рабочего состава населения с численностью войск по сравнению с западноевропейскими странами. Содержа в мирное время самую большую армию⁷, на две трети больше Франции или Германии и почти в три раза больше Австро-Венгрии, Россия, тем не менее, отвлекает от производительного труда к воинскому делу мужчин рабочего возраста, как указано в том же сочинении («Война и народное хозяйство»), лишь 3,37%, между тем Франция — 5,25; Германия — 4,80; Австро-Венгрия — 3,40. В военное время из ста ра-

ботников в России будет отвлечено от труда, по военному составу войск, лишь 18 человек, между тем в Германии и Франции — около 34, в Италии — 29, в Австро-Венгрии — 23.

Преимущество это представится в еще более ярком свете, если обратить внимание на господствующий сельскохозяйственный характер нашей экономической жизни. Тогда как торгово-промышленная деятельность, по самому существу своему, обуславливает весьма тесную взаимную связь отдельных групп деятелей, входящих в данную организацию, причем даже незначительное отвлечение некоторых из них в отдельных случаях может нарушить непрерывность хода всего дела, — сельское хозяйство, ввиду неизмеримо меньшего применения в нем разделения труда и знаний, оставляет за каждым работником более самостоятельный и целостный характер, почему и отвлечению даже значительного числа отдельных лиц от этого промысла не может существенно расстраивать общего хода сего последнего. При наших земельных условиях — общинном землевладении, ясно обнаружившейся в некоторых местностях земельной тесноты, сильном переселенческом движении, низком уровне сельскохозяйственной техники — трудно ожидать, чтобы даже сильные наборы и призывы в войска запасных чинов могли повести к значительному сокращению посевной площади, запустению обрабатываемых земель. Наоборот, в западноевропейских странах, с их преобладающим торгово-промышленным характером, даже обыкновенные призывы нередко нарушают ход дел в отдельных предприятиях; призывы же военного времени, несомненно, должны порождать там коренное расстройство всей хозяйственной жизни страны.

Если даже допустить, что состоящее в войсковых рядах население, в полном своем составе, могло бы получить у нас, при нынешних неблагоприятных условиях, нормальный средний заработок, не отвлекаясь от своих прежних промыслов, то и при таком предположении экономический ущерб, причиняемый удержанием населения под ружьем, окажется у нас значительно меньшим ввиду сравнительно низкого уровня нашей экономической производительности, уступающей производительности населения западноевропейских стран.

Из изложенных соображений, казалось бы, можно сделать тот вывод, что, с точки зрения наших национальных интересов, направление международной нормировки на численный состав войск должно оказаться для нас менее выгодным, нежели для западноевропейских стран, ибо в таком случае мы были бы стеснены в той области средств военного могущества, в которой оказываются за нами наибольшие преимущества. Поэтому едва ли было бы осторожно согласиться на такую нормировку, в качестве меры единственной, без соответственного ограничения других сфер военного дела, в коих — как это видно будет из последующего — преимущества лежат не на нашей стороне.

Что касается, засим, самих способов осуществления нормировки численного состава войск, то в этом отношении возможны два основания нормировки: первое — нормировка в % отношении к общей численности населения и второе — нормировка на основе существующего численного состава армий.

Военное Сопревание⁶ высказывается за нормировку численного состава в % отношении к общей численности населения, так как такая нормировка, по мнению Сопревания, дает нам решительное преимущество над нашими соседями. Соглашаясь с мнением Сопревания о выгоде этого последнего способа нормировки для России, Министерство Финансов, вместе с тем, вполне разделяет высказанные по сему вопросу Министерством Иностранных Дел соображения⁹ и, с своей стороны, полагает, что предположенный Военным Сопреванием способ, именно ввиду военных выгод, предоставляемых им для нашего отечества, едва ли будет принят другими Державами. Относительно второго способа нормировки численного состава войск — на основе настоящей их численности — Министерство не может не заметить, что существующая ныне численность состава вооруженных сил в каждом государстве, являясь следствием целого ряда причин, исторических, географических (протяжения сухопутных и морских границ, континентального или островного положения и т. д.), может дать твердый исходный пункт в деле нормировки численного состава войск на тот или другой период времени. На этой почве мирные стремления европейских государств могли бы выразиться или в простом сохранении существующего в каждой Державе численного состава войск, или даже в постепенном сокращении численности вооруженных сил.

Высказываясь в сем смысле, Министерство Финансов считает необходимым вместе с тем обратить внимание на то, что предварительное обсуждение предметов занятий предстоящей конференции касалось лишь общих вопросов в их принципиальной постановке, почти совершенно не затрагивая технической стороны дела, без ближайшего определения общих понятий и терминов, между тем указанная сторона дела имеет существенное значение в предположении могущей оказаться необходимости сделать те или иные уступки именно по данному вопросу. До настоящего времени по рассматриваемому вопросу в переписи имеется лишь термин «численный состав войск», под которым, однако, надо думать, подразумевается несравненно более широкое понятие. Поэтому прежде всего, казалось бы, следовало выяснить, в какой мере термин этот распространяется на две основные категории вооруженных сил — морские и сухопутные войска, а затем — внутри каждой из этих категорий — на какие именно составные части военных средств, ибо в отношении военно-сухопутного дела может возникнуть, например, вопрос о том, распространяется ли нормировка только на войска регулярные или и на иррегулярные*, на численный ли состав только людей, или также лошадей и орудий, на действующие ли войска, на запас или и на ополчение и т. п.; аналогичные вопросы могут возникнуть и в отношении морских военных сил.

Переходя ко второму предмету нормировки — применению военно-технических усовершенствований — и останавливаясь на финансовой стороне вопроса, Министерство Финансов не может не признать, что подобного рода нормировка могла бы принести весьма существенную пользу в деле улучшения финансового бремени, налагаемого на народы системою вооруженного мира. Действительно, предмет этого рода нормировки составляет едва ли не самое больное место современного военного дела, с точки зрения вызываемых им финансовых тягостей. Как справедливо отмечено в циркуляре Министра Иностранных Дел от 12 августа 1898 г.¹⁰, «сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляя последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений». Чрезвычайная обременительность расходов этого рода обнаруживается повсеместно уже чисто внешним способом — в самих порядках и формах такого рода ассигнований: сами бюджеты указывают, что страна готовится к какому-то необычайному пожертвованию денежных средств, которое не по силам выполнить в течение одного сметного периода и которое рассрочивается поэтому на целый ряд лет и — ввиду огромности цифры расхода — даже выделяется из обычного военного бюджета на самостоятельное место. Судя по общему направлению современного военного дела, нет оснований предполагать, чтобы огромные расходы, периодически вызываемые сменою военно-технических изобретений и усовершенствований, замедлились в своем росте. Напротив, можно думать, что в будущем придется иметь дело с еще более учащенными требованиями этого рода. При таких условиях, с точки зрения финансово-экономических интересов, нельзя не отнестись самым сочувственным образом к предложению хотя бы несколько умерить эту безумную растрату творческого гения, народного труда, вещественных материалов и денежных средств с столь скоро переходящею пользою даже для самого военного дела.

В частности, для России нормировка этого рода, казалось бы, вполне соответствует нашим интересам, ибо в отношении изобретательности вообще и, можно думать, военно-технической в частности, мы, по-видимому, еще отстаем от западноевропейских государств. Не следует, однако, скрывать от себя, что предложение со стороны России этой нормировки, по крайней мере в отношении некоторых предметов военного оборудования, может встретить мало сочувствия. Действительно, нормировка применения военно-технических усовершенствований и изобретений страдает существенно неравномерностью. Тогда как и то или иное усовершенствование или изобретение может иметь для одной страны, или даже целой группы стран, лишь второстепенное значение, — для других стран, по особым условиям их политического положения и стратегической организации, вопрос об осуществлении данного изобретения способен получить решающее значение. Ввиду примера можно указать на суждение Военного Сопровождающего о чрезвычайном значении для Франции подводных минносных лодок для борьбы с Англией. Но даже усовершенствования более общего характера, каковы, например, новые образцы ружей и пушек, могут иметь в военно-техническом отношении такое решающее значение, которое не допускает возможности фиксировать ныне существующую в этом отношении неравномерность. Так,

* Равно как специального назначения (например, Пограничная Стража — 1033 офицера, 35,679 нижн. чинов и 12, 297 лошадей). — *Прим. документа.*

наше Военное Совещание, вполне соглашаясь на нормировку существующих образцов ружей, ввиду того, что принятый у нас образец принадлежит к числу наилучших, решительно высказывается против нормировок существующих образцов артиллерийских орудий, так как у нас в настоящее время не завершено еще предпринятое перевооружение артиллерии, и допускает таковую нормировку лишь в том случае, если будет сохранено право «довооружения».

Несомненно, что аналогичными соображениями будут руководствоваться и другие державы, и, таким образом, на Конференции неминусом должен возникнуть принципиальный вопрос об общем для всех праве вооружения. Между тем, как справедливо указывается в записке Министерства Иностранных Дел, подобная оговорка едва ли может быть принята Конференцией, ибо в таком случае «каждое государство может заявить на Конференции, что оно находится в периоде изыскания нового образца орудия, и, таким образом, обеспечить за собой полную свободу на дальнейшее усовершенствование вооружения».

Наконец, третий предмет, на который может быть направлена нормировка, заключается в денежных средствах, расходуемых для военных целей.

Обращаясь к рассмотрению этого вида нормировки, необходимо, прежде всего, отметить в высшей степени важное значение его для всех вообще отраслей военного дела во всех государствах. В противоположность другим видам нормировки и отдельным их типам, касающимся одного какого-нибудь фактора сложного организма современного военного дела и воздействующим только на него в отдельности, — нормировка военных бюджетов, стесняя денежные ресурсы военного ведомства, тем самым уже оказывает общее влияние на все вообще способы и средства поддержания и развития военной силы, ибо, в конечном результате, только наличностью денежных средств обуславливается надлежащая постанова военного дела. Вполне очевидно, что нормировка численного состава не может воспрепятствовать самым усиленным преобразованиям в сфере военно-технического оборудования, и, наоборот, нормировка тех или иных образцов ружей или орудий не может воспрепятствовать и учащенной смене не нормированных предметов снаряжения, и усилению численного состава войск. В сочинении «Будущая война» (т. IV, стр. 332) Блюх¹¹ указывает, что за последние 22 года (с 1874 по 1896 г.) средний военный расход главнейших европейских Держав на одного солдата возрос, приблизительно, на треть; отсюда можно заключить, что если бы 22 года тому назад была установлена международная нормировка численного состава войск, то это не воспрепятствовало бы, а может быть, даже способствовало столь же систематическому росту цифры военного расхода на одного солдата вследствие, главным образом, усложнения и вздорожания предметов военного оборудования.

Далее следует заметить, что при нормировке военных бюджетов сохраняется в полной неприкосновенности самостоятельность внутренних военных порядков, не нарушается жизненное право народов индивидуализировать способы и средства обороны, соответственно национальным особенностям и изменяющимся политическим условиям, а лишь умеряется общий ход развития вооруженных сил.

Указанные преимущества нормировки военных бюджетов, соответствуя интересам всех стран, особенно важное значение имеют для нашего отечества. В России расходы на военно-сухопутные и морские силы, как это видно из того же сочинения, поглощают 7,71%, т. е. около 1/13 части и без того скудного народного дохода, между тем в западноевропейских государствах таковые же расходы отнимают у населения — в Англии лишь 2,44% его дохода, во Франции 3,82%, в Германии 2,79%, в Австрии 2,31%. Подобная неравномерность тягостей военных расходов для населения нашего отечества и западных государств усугубляется в России еще и тем, что у нас, в сравнении с Западной Европой, рабочий труд мало оплачивается, предложение его весьма часто превышает спрос, заработки скудны, капиталов недостаточно, деньги дороги. Независимо от сего, на Западе, кроме государства, огромные суммы затрачивают на производственные цели — улучшение сельского хозяйства, развитие торговли и промышленности, усовершенствование путей сообщения, распространение народного образования, попечение о народном здравии — городские и сельские самоуправления, ассоциации, союзы, общества и частные лица; в нашем же отечестве заботы о всестороннем развитии производительных сил населения лежат, главным образом, на государстве.

Таким образом, при нормировке денежных ресурсов военного дела западные дер-

Карикатура из «Нового времени». Ноябрь 1898 г. All right.

Теперь и о всеобщем мире можно поговорить.

жавы будут сдержанны в том, в чем они сильнее нас, т. е. в возможности затрачивать громадные капиталы на развитие и усиление боевой готовности войск.

Признавая ввиду сего указанный способ нормировки одним из наиболее целесообразных способов для всестороннего ограничения развития дальнейших вооружений, Министерство Финансов, тем не менее, не может не указать, что для России этот способ едва ли может быть признан единственно желательным.

Надлежит заметить, что в деле оборудования материальной и технической части военного дела западные Державы, в особенности Германия, находятся в настоящее время в значительно лучших условиях, чем Россия. Эти Державы, не выходя из пределов своих бюджетов и сокращая расходы на указанную часть, будут иметь возможность употреблять экономно на увеличение численного состава войск, тогда как Россия, при ее слабо развитой материальной и технической части и при обязательстве не выходить из бюджетов, не будет в состоянии увеличивать численного состава армии, ибо ей придется скорее жертвовать числом людей в пользу усиления материальной и технической части.

На основании изложенного представлялось бы необходимым настаивать на том, чтобы, наряду с нормировкой военных бюджетов, было принято обязательство не увеличивать числа людей в мирном составе армий.

Для осуществления нормировки военных бюджетов Военное Собрание остановилось на способе, аналогичном тому, который предложен им для нормировки численного состава войск, а именно — на способе нормировки % отношения военного бюджета к общегосударственному.

По поводу такого предположения Собрания Министерство Финансов считает необходимым остановиться на нижеследующем.

Процентное отношение военного бюджета (морского и военно-сухопутного ведомств) к общегосударственному бюджету в различных государствах не одинаково, со-

ставляя, по данным 1896–97 гг., приводимым профессором Гулевичем в названном выше сочинении «Война и народное хозяйство» (стр. 61):

В Великобритании	39,8%
во Франции	28,6
в России	24,3
в Италии	20,9
в Австро-Венгрии	17,6
в Германии	17,3

Если фиксировать наивысший процент (Великобритании), то всем прочим странам пришлось бы сразу увеличить свои военные бюджеты; если фиксировать низший процент (Германии), то все должны были бы сразу понизить свои военные расходы; если же фиксировать какой-либо средний процент (напр., России), то одним странам пришлось бы повысить расходы, а другим — понизить. Если, наконец, фиксировать для каждой страны отдельно нормальный процент соотношения военных расходов с общегосударственным бюджетом, например, ныне существующий в каждой стране, то это встретило бы едва ли преодолимое препятствие к практическому осуществлению. Действительно, в одних государствах расходы на известные потребности несутся самим государством, в других — расходы на таковые же потребности относятся на счет местного общественного управления; далее, пропорциональное количество хозяйственных предприятий казны (железные дороги, заводы, банки и т. п.) по отдельным государствам далеко не одинаково; наконец, в союзных государствах и в союзах государств существуют бюджеты частные и общий. Вследствие сего очевидно, что итоговые цифры бюджетов различных государств имеют не одно и то же значение. Засим, надлежит указать еще и на то, что самые системы составления бюджетов разных государств весьма существенно отличаются одна от другой: одни государства показывают в бюджетах чистый доход, за вычетом издержек взимания, другие же — валовой; соответ-

ственно такому показанию доходов различны и способы проведения в бюджетах расходов.

Вследствие сего представляется необходимым остановиться на нормировке военного и морского бюджетов на основе ныне существующих их размеров. Для России такая нормировка представлялась бы тем более удобной, что наши военный и морской бюджеты предрешены на несколько лет вперед (военный до 1903 и морской до 1905 г.). Засим, имея в виду, что по самым правилам нашего морского бюджета предусмотрены уже некоторые усиления ассигнований на предстоящее время после 1899 г., казалось бы возможным остановиться на том, чтобы не возвышать в течение известного срока военного и морского бюджетов против 1899 г. и против тех сумм, которые уже предрешены на предстоящее время действующим в каждой стране порядком. При этом возможно было бы под понятием военный и морской бюджеты подразумевать специально эти бюджеты, не затрагивая других, сравнительно незначительных, расходов, производимых на потребности военного и морского ведомств по другим сметам. К этим последним расходам относятся, например, у нас расходы: на воинские надобности по сметам земских сборов (около 900 тыс.); по корпусу пограничной стражи (по смете Министерства Финансов, около 10.000 тыс.); на пенсии по военному и морскому ведомствам (по смете Министерства Финансов, около 13 млн.); на пособие нижним чинам (по смете Министерства Финансов, около 4.000 тыс.); по призыву новобранцев (по смете Министерства Финансов, около 670 тыс.); на делопроизводство воинских присутствий (по смете Министерства Внутренних Дел, около 100 тыс.); на постройку казарм (по смете Министерства Финансов, около 840 тыс.) и проч.

Указанные расходы — сравнительно незначительны, вследствие чего путем увеличения их, при желании даже обойти соглашение, едва ли представляется возможность сделать что-либо существенное для усиления боевой готовности. Независимо от сего, существующая в каждой стране бюджетная систематизация представляется настолько разнообразной, а самый вопрос о пересмотре и об объединении бюджетных систем всех государств настолько крупным и сложным, что возбуждать его на Конференции едва ли представляется возможным.

На основании всего вышеизложенного, по мнению Министерства Финансов, представлялось бы необходимым по вопросу об облегчении бремени вооруженного мира остановиться на том

1. Чтобы военные и морские бюджеты в течение известного срока не были возвышаемы против 1899 г. и против сумм, которые уже предрешены на предстоящее время действующим в каждой стране порядком;

2. Чтобы, наряду с такой нормировкой бюджетов, была принята и нормировка численного состава войск.

Там же. Д. 4739. Л. 51–60.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В циркуляре была сформулирована программа конференции. Она состояла из трех частей: ограничение вооружений; смягчение способов ведения войны; усовершенствование мирных способов решения споров между государствами. Специально оговаривалось, что рассмотрению не подлежат споры, касающиеся существующего на основе договоров порядка вещей.

2. Речь идет о Женевской конвенции Красного Креста — многостороннем международном соглашении о защите раненых, больных, военнопленных и гражданского населения во время войны. Идея оказания помощи раненым и больным непосредственно на поле боя была впервые реализована в России: созданная в 1864 г. Крестовоздвиженская община сестер

милосердия под руководством хирурга Н. И. Пирогова сыграла огромную роль в улучшении положения раненых во время Крымской войны. В 1863 г. по инициативе швейцарца Анри Дюнана в Женеве была созвана конференция представителей 14 европейских правительств и ряда общественных организаций, призвавшая создать организации Красного Креста во всех странах. Через год была выработана «Конвенция 1864 г. об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны». Дополненная в 1868 г., пересмотренная в 1906, 1929 и 1949 гг., конвенция обязывала воюющие государства гуманно обращаться с захваченными в плен ранеными и больными воинами, запрещала вооруженное нападение на госпитали и больницы.

цы противника, его медперсонал и санитарный транспорт.

3. Речь идет о созванной по инициативе России международной конференции по кодификации законов и обычаев сухопутной войны. Конференция проходила в Брюсселе в июле 1874 г. Российской делегацию возглавлял барон А. Г. Жомини (старший советник МИД), ее членами были Ф. Ф. Мартенс и генерал-майор Г. А. Леер. По проекту конвенции, предложенному на обсуждение Россией, законы ведения войны распространялись не только на армию, но и на ополчение и добровольческие отряды («партизан»); подробно регламентировались права и обязанности военнопленных; ограничивались средства нанесения вреда неприятелю (как по отношению к личности и собственности граждан, так и по отношению к памятникам истории, культуры и науки); фиксировались нормы деятельности военных властей на территории неприятеля. Разгоревшиеся дискуссии вокруг кодификации законов и обычаев войны не привели к договоренностям, и конвенция не была подписана. В заключительном протоколе лишь признавались важность и необходимость продолжения работы в этом направлении.

4. Численность населения России по переписи 1897 г. составляла 128.924.289 человек; Германии (на 1895 г.) — 52.279.915; Австро-Венгрии (на 1890 г.) — 42.926.978; Франции (на 1896 г.) — 38.517.975; Великобритании (на 1891 г.) — 38.104.975; Италии (на 1896 г.) — 31.290.490 человек.

5. Газенкамф М. А. (1843–1913) — генерал от инфантерии, военный деятель и писатель. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба, в которой в 1874–1891 гг. был профессором по кафедре военной администрации. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял в распоряжении главнокомандующего Дунайской армией и вел его секретную переписку. В 1895–1903 гг. астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска. С 1905 г. помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Автор многих статей и книг, в том числе «Военное хозяйство. Курс старших классов Николаевской академии Генерального штаба», «Устройство Генерального штаба в первостепенных европейских армиях».

6. Гулевич А. А. (1866–?) — генерал-майор. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба, с 1904 г. ординарный профессор этой академии по кафедре военной администрации. С 1905 г. начальник канцелярии Совета государственной обороны; с 1908 г. ко-

мандир лейб-гвардии Преображенского полка. Автор трудов: «Большие маневры французских войск» (1895), «Война и народное хозяйство» (1898), «Сравнение экономического строя России и главных европейских государств с военной точки зрения» (1898).

7. Численность армий европейских государств на 1897 г. составляла (в тыс. человек):

	В мирное время	В военное время
Россия	946	2.729
Франция	552	2.005
Германия	521	2.370
Великобритания	382	900
Австро-Венгрия	317	1.159
Италия	249	1.164

8. В январе 1899 г. под председательством начальника Главного штаба генерал-лейтенанта В. В. Сахарова состоялось совещание начальников штабов западных пограничных округов. Основное внимание было сосредоточено на обсуждении 1-го пункта декабрьского циркуляра МИД. Военные предлагали закрепить на 5–10 лет существующую численность вооруженных сил европейских государств и сохранить прежние размеры военных бюджетов.

9. В МИД изучили соображения военного ведомства и 22 марта (3 апреля) в специальной «Заметке» сформулировали свое отношение к ним. Согласившись с выгодным для России предложением военных об установлении на известный срок определенного процентного соотношения численности войск и населения страны, а также о неизменности процентного отношения нормального военного бюджета к общегосударственному, дипломаты справедливо полагают, что эти идеи вряд ли будут приняты и поддержаны другими державами.

10. В циркулярной ноте в самом общем виде была сформулирована идея конференции: «Изыскание, путем международного обсуждения, наиболее действенных средств обеспечить всем народам истинный и прочный мир, и, прежде всего, положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений».

11. Блюх И. С. (1836–1901) — железнодорожный деятель, банкир, статистик, экономист, действительный статский советник. С 1877 г. член Ученого комитета Министерства финансов. Автор ряда работ, в том числе: «Влияние железных дорог на экономическое состояние России» (т. 1–5. 1878), «Финансы в России в XIX столетии» (Т. 1–4. 1882), «Будущая война в экономическом и политическом отношениях» (Т. 1–6. 1898–99, переведена на основные европейские языки). Доказывал пагубность войн для экономического развития, обосновывал необходимость мирного разрешения международных конфликтов.

Публикация
доктора исторических наук
Ирины РЫБАЧЕНОК

«Расстреляли икону Николая Чудотворца»

О погроме в Ромнах и его причине

В 1905–1912 гг. Александр Викторианович Сульжиков занимал должность товарища прокурора Полтавского окружного суда и в силу своих служебных обязанностей (руководство предварительным следствием по делам о государственных преступлениях) имел доступ к достоверной информации о революционном движении, основанной на показаниях свидетелей. Желание Сульжикова проявить себя на литературном поприще побудило его вступить в переписку с редактором «Исторического вестника» С. Н. Шубинским¹, который посоветовал начинающему литератору написать статью о годах революционного брожения в Полтавской губернии. Ответом на это предложение и является публикуемое

письмо, относящееся к 1911 г. С событиями, упомянутыми в письме, Сульжиков ознакомился в ноябре 1905 г. когда в г. Ромны состоялась выездная сессия Полтавского окружного суда, где разбиралось дело о еврейском погроме, вспыхнувшем после обнаружения Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г.

В дальнейшем Сульжиков служил прокурором Пограничного окружного суда в Харбине (1912–1917) и одновременно под псевдонимами В. Торинович и Вик. Торинович опубликовал сборник рассказов и несколько пьес, сюжеты которых заимствовал из опыта своей служебной деятельности. В публикации сохранены орфография и синтаксис подлинника.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь,
Сергей Николаевич.

Принося Вам глубокую благодарность за быстрый ответ на мое письмо и данные Вами мне ценные указания по поводу моего маленького рассказа «Жалоба», я вместе с этим вновь посылаю Вам тот же рассказ с написанной мною второй главой к нему согласно Вашим указаниям и позволяю льстить себя надеждой, что теперь Вы найдете возможным одобрить этот рассказец².

Кроме него я посылаю рассказ «Талантливая личность», также заштрихованный мною прямо с натуры. Быть может, Вы признаете его подходящим для напечатания на страницах глубокоуважаемого журнала Вашего³.

Рассказ из эпохи недавнего брожения в Ромнах⁴ с Вашего разрешения я пришлю Вам по его окончании; но так как Вы изволили упомянуть в письме Вашем о статье* по поводу этого времени, то я, разумеется, могу приступить и к ней, тем более, что революционное брожение в Ромнах проявилось необыкновенно интенсивно и характерно. «Революция», как это ни странно, началась... в местном реальном училище, причем это была далеко не детская игра: достаточно сказать, что в самом здании училища во время утренней молитвы в актовом зале взорвалась бомба, положенная каким то негодяем за портрет Государя Императора.

Каким то чудом дело обошлось без множества жертв, но все же один из мальчиков был изувечен.

После этого последовал ряд взрывов под окнами квартир директора, инспектора и некоторых учителей; в местных революционных организациях ученики играли заметную роль и даже образовали свой «союз учащихся», находившийся под непосредственным мудрым руководством «комитета» социалистов-революционеров.

Ромны видели безудержно наглую демонстрацию в день объявления ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста 17 октября⁵, когда толпа, состоявшая преимущественно из еврейской молодежи, с криками, выстрелами и т. п. двигалась по улицам города, всемерно оскорбляя национальное чувство русских, а затем напала на местную тюрьму, откуда силой освободила единственного бывшего там политического арестанта. Евреи расстреляли висевшую над воротами тюрьмы икону Николая Чудотворца, изорвали и испортили портреты Государя в канцелярии и конторе тюрьмы. На возвратном пути убили из револьверов одного из местных дворян (Литвиненко), в резкой форме отказавшегося обнажить голову перед их красными тряпками. Убийство произошло на глазах матери покойного, которая своими слабыми руками старалась оттащить убийц от раненого и упавшего на землю сына. После всего этого в городе вспыхнул страшный еврейский погром, приписанный, разумеется, черносотенной агитации и правительственным распоряжениям свыше⁶. Это — данные предварительных следствий, которые велюсь под моим личным наблюдением.

Из дальнейших событий заслуживают внимания вымогательства со стороны т. н. «анархистов», сопровождаемые взрывами под окнами квартир упорствующих.

Вообще, бомба может быть названа символом брожения в маленьких захолустных Ромнах.

Анархистами был, между прочим, убит пытавшийся выследить и задержать их старший городской Цопа. Убийство было совершено четверьмя евреями и еврейкой, которые были арестованы на месте преступления.

10 декабря 1906 года в магазине Исштейна взорвалась принесенная туда несомненно с целью привлечь чинов полиции адская машина. Исправник был изувечен, двое городских убиты на месте, много лиц оказалось тяжело раненными. (Это последнее событие послужило темой для вышеназванного моего рассказа, который я теперь пишу; фамилии, конечно, изменены.)

Все это, думается мне, дает достаточный материал для статьи общего характера, которую я с удовольствием попытаюсь написать, если тема Вам кажется заслуживающей общественного внимания⁷.

Вообще, я обладаю большим запасом сведений по части революционного брожения в Полтавской губернии, так как с самого начала его я заведу здесь делами о государственных преступлениях и могу пользоваться целым рядом данных официального характера, установленных формальными дознаниями или следствиями.

В последнее время я задался мыслью опубликовать данные, относящиеся к новому и почти неизвестному даже многим представителям власти течению в сионизме, а именно к т. н. партии «Поалей-Цион»⁸, которая до сих пор считается «мирной палестинской утопической организацией». Дело в том, что в 1906 году в нашей скромной Полтаве свил себе гнездо «центральный комитет» этой «мирной организации» и случайно попал на суд Судебной Палаты. Достаточно сказать, что при обыске было обнаружено две адских машины страшной силы, 123 динамитных патрона, 5 чугунных фитильных бомб и счет на провезенные в Полтаву браунинги на сумму около 2000 рублей. Это само по себе характерно для «мирной группы сионистов», а переписка, отобранная у них, представляет собой интерес прямо исторический.

Конечно, к исполнению своей задачи я могу приступить не иначе как с согласия Прокурора Харьковской Судебной Палаты, какового пока еще не испрашивал, не зная, найдете ли Вы эту тему подходящей. Разрешение же мне необходимо как по условиям службы в прокурорском надзоре, так, главное, и потому, что дело слушалось при закрытых дверях присутствия.

Дело я уже, на всякий случай, заполучил из Судебной Палаты и ознакомливаюсь с материалами.

Был бы бесконечно признателен Вам, если бы Вы высказали Ваше по этому вопросу, — верней вопросам, — мнение.

Рассказ «Талантливая личность» я полагал бы возможным считать законченным в том виде, как он находится в обложке; но так как возможно, что я ошибаюсь, то я,

на всякий случай прилагаю текст на отдельном листе, который может служить эпилогом к этому рассказу.

Позволяю себе просить Вас не отказать поставить меня в известность о последующем по ознакомлении Вашем с представляемыми рукописями.

Прошу Вас, Ваше Превосходительство, принять уверения в глубоком уважении моем к Вам.

Ал. Сульжиков.

Марта 6 дня 1911 года.
г. Полтава.

Р. С. Не откажите, если возможно, уведомить меня по какому адресу надлежит посылать рукописи: Невский, 40, или уг. Знаменской и Жуковской № 12–28?

ОР РНБ. Ф. 874. Д. 126. Л. 220–222. Подлинник. Машинопись.

Подпись и постскрипtum — автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шубинский Сергей Николаевич (1834–1913) — историк, журналист, генерал-майор. Популяризатор истории России XVIII — первой половины XIX в.; редактор журнала «Древняя и новая Россия» (1875–1879), основатель и редактор журнала «Исторический вестник» (1889–1913).

2. Рассказ А. В. Сульжикова «Жалоба» был опубликован в № 5 «Исторического вестника» за 1911 г.

3. Рассказ «Талантливая личность» не был опубликован.

4. Ромны — уездный город Полтавской губернии. По переписи 1897 г. в Ромнах насчитывалось 22510 жителей, среди них 6338 ев-

реев (Еврейская энциклопедия. Т. 13. С. 603).

5. Имеется в виду Манифест 17 октября 1905 г., даровавший российским подданным свободу слова, собраний и пр.

6. 18–19 октября 1905 г. были разгромлены почти все еврейские магазины, убито 8 и ранено свыше 30 человек (Еврейская энциклопедия. Т. 13. С. 603).

7. Упомянутая статья была написана и опубликована в «Историческом вестнике» в № 2 и 3 за 1914 г.

8. Поалей-Цион («Рабочие Сиона») — мелкобуржуазная еврейская партия, пытавшаяся совместить идеи социализма с сионизмом.

*Публикация
Алексея АЛЕКСЕЕВА*

ФОТОАРХИВ. РАРИТЕТЫ

В бывшем Центральном партархиве хранятся гравюры
XVIII–XIX вв.

*Публикуемая подборка — карикатуры о русском походе
Наполеона и его разгроме.*

«Отступление в полном порядке»

Карикатуры времен Наполеонова нашествия

«Дезертир».

(Перевод с французского).

Раскрашенный офорт.

Неизвестный французский художник.

Карикатура на Наполеона I, оставившего армию и бежавшего в Париж после поражения в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 г.

В 1993 году фонды Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории пополнились материалами бывшего музея К. Маркса и Ф. Энгельса в Москве. Вместе с документами в РЦХИДНИ передано большое собрание

гравюр, иллюстрирующих историю Европы конца XVIII–XIX вв. В эту коллекцию входят гравированные портреты политических и общественных деятелей стран Европы и Северной Америки, сюжетные гравюры, изображающие важнейшие

события европейской истории, политические карикатуры и др.

Предлагаемая вниманию читателей подборка карикатур относится к 1812–1815 гг. Все важнейшие события этого периода — русский поход Наполеона I, сопротивление русской армии и народа, бесславное отступление французской армии из Москвы, битва при Ватерлоо и др. — нашли отражение в работах русских, английских, немецких и французских художников.

Среди гравюр русских авторов особо следует отметить карикатуры известного скульптора и графика Ивана Ивановича Теребенева (1780–1815). Его знаменитые сатирические листы, образно и метко изображавшие все этапы катастрофы русского похода Наполеона, принесли ему мировую славу. Карикатуры И. И. Теребенева, живо откликавшиеся на каждый военный эпизод или на сообщения в газетах и

журналах, очень широко распространялись не только в России, но и за границей. Они были как бы живыми, образными сводками с места событий, понятными даже малограмотной публике. Теребеневские листы часто воспроизводились и копировались в Англии и Германии в 1812–1813 гг. Знаменитый английский

художник-карикатурист Джордж Крукшенк (1792–1848) нередко заимствовал у Теребенева сюжеты, темы и отдельные детали, иногда указывая источник заимствования и полностью воспроизводя русский текст.

Представленные в коллекции гравюры далеко не равноценны по художественному уровню. Наряду с работами художников-профессионалов, как Дж. Крукшенк и И. И. Теребенева, в коллекции имеются безымянные карикатуры русских и зарубежных художников-любителей — современников и очевидцев событий 180-летней давности.

Публикация
Светланы КОТОВОЙ
и **Василия ДОРОФЕЕВА**

«Едва избежал опасности или большой прыжок «а ля Гримальди»¹.

(Перевод с английского).

Раскрашенный офорт.

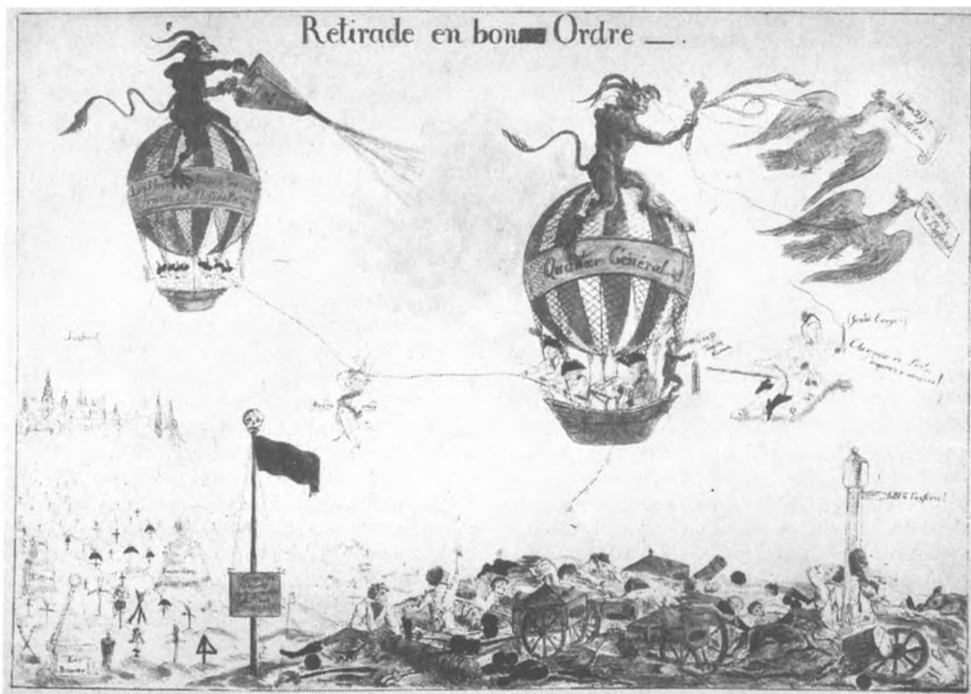
Грав. Дж. Крукшенк. 1813 г.

Карикатура на отступление Наполеона I из Москвы.

Под карикатурой — текст, сообщающий о том, как казаки генерала Платова чуть было не захватили императора Франции в плен.

¹ Джозеф (Джо) Гримальди (1779–1837) — очень популярный в Англии в 1800–1820-х годах актер и клоун.

«Отступление в полном порядке».
(Перевод с французского).
Раскрашенный офорт.
Неизвестный художник. 1812 г.
Карикатура на отступление французских войск из России.

«Французский вояжер в 1812 году».
Офорт.
Худ. Иван Тербенев.
Карикатура на бегство Наполеона из Москвы в Париж.

Французский вояжер в 1812 году.

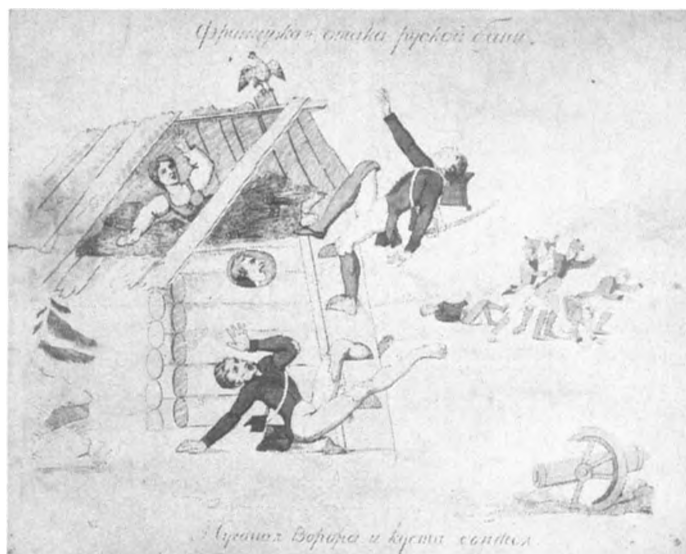

«Чрезвычайная французская почта в Париж».
 Раскрашенный офорт.
 Художник неизвестен. 1812 г.
 Карикатура на отступление наполеоновской армии из России.

«Мюрат принимает парад «Великой армии».
 (Перевод с английского).
 Раскрашенный офорт.
 Грав. Дж. Крукшенк. 1813 г.

Карикатура на Мюрата, ставшего 6 декабря 1812 г., после спешного отъезда Наполеона в Париж, верховным командующим отступающей французской армии.

«Пуганая ворона и куста боится». Раскрашенный офорт. Неизвестный русский художник. Карикатура высмеивает бедственное положение отступающих французов и их страх перед партизанами.

«Возвращение героя». (Перевод с английского). Грав. Дж. Крукшенк по рис. Давида. 1813 г.

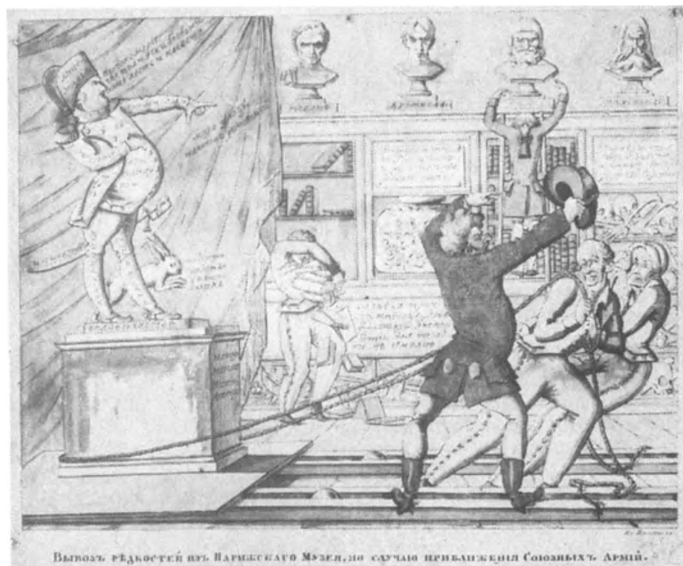

«Обратный проход наполеоновской гвардии через Вильну». Раскрашенный офорт. Неизвестный русский художник. 8—9 декабря 1812 г. Жалкие остатки Великой армии прибыли в Вильну.

«Долина смерти».
(Перевод
с английского).
Раскрашенный офорт.
Неизвестный
английский художник.
1812 г.

Карикатура,
предрекающая
крушение могущества
и гибель Наполеона I
под тяжестью
совершенных им
преступлений.

«Вывоз редкостей
из Парижского музея
по случаю приближения
союзных армий».
Раскрашенный офорт.
Худ. Иван Теребенев.

Карикатура
без названия.
Раскрашенный офорт.
Худ. неизвестен.

Карикатура
изображает казака,
вручающего Наполеону
незабудки с наказом
помнить полученный
в России урок.

Источник 2/1996

«Великие сановники, покрытые снегом, вступают в Варшаву».
 Раскрашенный офорт.
 (Перевод с английского).
 Грав. Дж. Крукшенк. 1813 г.

Карикатура изображает прибытие Наполеона и его свиты в Варшаву. Оставив гибнущую армию 6 декабря 1812 г., Наполеон отбыл в Париж в сопровождении Коленкура и нескольких сановников.

«Нос, привезенный Наполеоном с собою из России в Париж».
 Раскрашенный офорт.
 Худ. Иван Теребёнев.

Один из наиболее популярных сатирических листов Теребенева, изображающий Наполеона I, маршала Бертье и придворных докторов.

«Наполеон в намерении своем уничтожить Пруссию — гриб съел.
Офорт.

Худ. Иван Тербенев.

Карикатура изображает Наполеона I, пытающегося съесть гриб-поганку, выросший из его ложных декретов, бюлетеней и воззваний.

«Бонни и веселые парни из Парижа планируют новое триумфальное вступление в Москву».
(Перевод с английского).
Раскрашенный офорт.
Художник неизвестен.

Источник 2/1996

«Пророчество, или Дьявол получит наконец то, что ему принадлежит».
(Перевод с английского).
Раскрашенный офорт.
Грав. Дж. Крукшенк. 1813 г.

«Сокрушение Наполеонова могущества».
Раскрашенный офорт.
Художник неизвестен.

ПОДОПЛЕКА СОБЫТИЙ. ВЕРСИИ

Почти пять миллионов мирных советских граждан
оказались в фашистской неволе.

*Документы правительственного Управления по делам
репатриации публикуются впервые.*

Многотомная история гражданской войны
задумана в 30-е годы.

*Переписка А. М. Горького, руководившего изданием,
показывает, почему замысел не вполне осуществился.*

Продолжаем публикации о нравах недавних десятилетий.
*Сегодня их герои — писательница Шагинян, композитор
Гайдн и журнал «Вестник связи».*

Рубрика «Резонанс» становится постоянной.
Познакомьтесь с почтой нашего журнала.

«Лишь одиночки оказались изменниками»

Проблема репатриации миллионов советских граждан, оказавшихся в годы второй мировой войны за пределами Родины, остается до сих пор, несмотря на всю масштабность и значимость, малоизученной в отечественной исторической науке. Несколько десятилетий, вплоть до конца восьмидесятых годов, на эту тему было наложено идеологическое табу. Перестройка и первые постперестроечные годы, отмеченные массивными публицистическими атаками на советское прошлое, не внесли сколько-нибудь существенного вклада в заполнение очевидного пробела. Тема не стала объектом подлинно научного изучения, ибо большая часть соответствующего массива архивных документов продолжала оставаться закрытой. Теперь же, когда документы интенсивно включаются в научный оборот, возникла новая трудность: множество пропагандистских стереотипов периода «холодной войны» как советского, так и западного происхождения пока еще продолжает довлеть над исследованиями проблемы репатриации.

В интересах соблюдения научной объективности в интерпретации публикуемых ниже документов следует, думается, дать некоторые пояснения. Прежде всего необходимо уточнить, кто были советские репатрианты. Большинство из них составляли так называемые перемещенные лица, то есть гражданское население, в основном молодежь, вывезенная фашистами с оккупированных советских территорий на различные принудительные работы в рейх. По неполным данным специально созданного осенью 1944 года Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, общее количество таковых на 10 мая 1945 г. составляло 4705777 человек¹. После освобождения войсками Красной Армии женщины, дети и подростки возвращались в Советский Союз в районы их прежнего проживания. Предва-

рительно они проходили через местные приемно-распределительные пункты, где подвергались санитарно-гигиенической обработке, получали направления на работу и подъемные. Мужчины же призывного возраста, пока шла война, подлежали мобилизации в армию. Другая категория репатрируемых — это советские военнопленные, освобожденные из нацистских концлагерей советскими и союзническими войсками. Вначале их направляли в так называемые проверочно-фильтрационные лагеря, после чего тех из них, кто не запятнал себя предательским поведением в плену, отправляли в специальные запасные части Главного управления формирования Красной Армии. Там происходило комплектование штурмовых батальонов, куда в звании рядовых зачисляли и офицеров, которые подлежали разжалованию как обесчестившие себя пленом. По окончании войны из числа освобожденных военнопленных создавали рабочие батальоны, которые перебрасывались на предприятия угольной промышленности, черной металлургии и на лесозаготовку. В сентябре 1946 года вышло специальное постановление Совета Министров СССР № 2220, которым, в частности, предусматривалось: «1. Установить, что на репатриантов — бывших военнопленных и военнообязанных, переданных из рабочих батальонов в постоянные кадры предприятий истроек, полностью распространяется действующее законодательство о труде, а также все права и льготы, которыми пользуются рабочие и служащие соответствующих предприятий и строек»². Среди репатриантов было и немало лиц, служивших в карательных формированиях, в рядах власовской Российской освободительной армии, казачьих частях, в украинских и прибалтийских националистических формированиях,

в т. н. национальных легионах, состоявших из уроженцев Средней Азии, Кавказа и Поволжья, полицаев и других пособников оккупантов. Некоторые из них, будучи захваченными советскими войсками, не скрывали своего враждебного отношения к властям и строю в СССР, дерзко и вызывающе вели себя с занимавшимися их судьбой офицерами Красной Армии и госбезопасности. К таким применялось суровое наказание, вплоть до расстрела. Многие были насильно выданы союзниками, действовавшими в соответствии с тайным соглашением, подписанным руководителями СССР, США и Великобритании 11 февраля 1945 г. в Ялте. Особенно настаивал на этом соглашении Сталин, стремившийся во что бы то ни стало получить тех советских граждан, кто встал на сторону немцев. При этом мало учитывалось то обстоятельство, что большинство из них вынуждалось к сотрудничеству с врагом нечеловеческими условиями фашистского плена. Вплоть до осени 1945 года союзники насильно репатриировали в СССР даже тех военнопленных, которых они сами не считали советскими гражданами (население западных территорий, присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1940 гг.). Более того, чтобы не портить отношений со Сталиным, британские власти принудительно отправили в советскую зону оккупации несколько десятков тысяч казаков во главе с генералами П. Н. Красновым, А. Г. Шкуро и др., которые, будучи белоэмигрантами, никогда не являлись советскими гражданами. Правда, во время Потсдамской конференции Сталин по настоянию союзников задним числом «восстановил» их в советском гражданстве в числе других подданных бывшей Российской империи³. 17 января 1947 г. «Правда» сообщила, что Краснов, Шкуро, Султан Клыч Гирей (руководитель сражавшихся

на стороне немцев кавказцев), Т. И. Доманов и фон Паннвиц признаны виновными в том, что «по заданию германской разведки вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР». Их приговорили к смертной казни через повешение.

По прибытии в СССР все служившие в немецкой армии, в ее строевых и трудовых (командный состав) формированиях, бывшие «власовцы», полицаи в соответствии с постановлением ГКО № 9871с от 18 августа 1945 г. передавались НКВД СССР и определялись на спецпоселение сроком на шесть лет в северные и отдаленные районы страны⁴. В частности, их использовали на работах в Норильском и Ухтинском комбинатах НКВД, в Печорском угольном бассейне, а также на лесозаготовках в верховьях реки Камы. Свыше полумиллиона прибывших из-за границы граждан, которым было предъявлено обвинение в измене Родине и совершении военных преступлений, были направлены в спецлагеря НКВД. Всего на октябрь 1949 года в СССР было репатрировано 5470335 человек, планировалось еще отправить на родину 458503 советских граждан, оставшихся за рубежом⁵. Однако точное число «невозвращенцев» до сих пор не известно. Публикуемая ниже подборка документов входит в фонд ЦК ВКП(б), находящийся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории. В этих архивных материалах запечатлелись фрагменты противоречивой, трагичной и пока мало изученной истории возвращения домой людей, в силу различных причин оказавшихся в годы Великой Отечественной войны за пределами Родины.

№ 1

Политдонесение начальника политического управления Первого Украинского фронта генерал-майора Ф. В. Ящечкина начальнику Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербакову

19 февраля 1945 г.
Секретно

В результате стремительного наступления войск фронта освобождены из немецкой неволи десятки тысяч советских граждан, угнанных насильственно в Германию. Гитлеровцы, поспешно отступая, не успели их увести в глубокий тыл.

На 15 февраля 1945 г. по неполным данным на сборно-пересыльные пункты явилось 49.460 человек.

Из них:

мужчин	19581
женщин	27888
детей	1991

Все они с огромной радостью приветствуют свою освободительницу — Красную Армию, благодарят ее за вызволение из немецкого рабства. Происходят волнующие встречи. В местечке Майлерсгоф группа украинцев встретила воинов Красной Армии с лозунгом, написанным на красном полотнище: «Хай живе наш ридний СТАЛИН!»

Украинка Присяжнюк Мария, из села Майдан Куриловский, Винницкой области, заявила:

«Я не знаю как выразить благодарность Красной Армии за то, что она освободила меня из немецкой неволи. Как только вернусь домой, я сразу же напишу письмо товарищу Сталину и поблагодарю его за свое освобождение».

При встрече с бойцами и офицерами Красной Армии освобожденные из немецкой неволи советские граждане рассказывают о тех мучениях, которые пришлось им пережить за прошедшие годы пребывания в Германии.

Анна Петрушенко из Винницкой области работала у немки — помещицы. Она ухаживала за пятью детьми, производила уборку 16 комнат. Если не успевала вовремя что-либо сделать, ее избивали, обзывали «русской свиньей».

Украинка Мария Рубан заявила:

«Я работала с утра до ночи. Били меня за каждую мелочь. В 20 лет я стала старухой».

Барановская Нина, 1925 г. рождения из Житомирской области, Либерского района, с. Пединки увезена немцами в Германию в село Айхенау, Генштадского района в 1942 году. Немецкий фермер Фильш Густав купил ее на рынке за 10 марок. На немецкой каторге она не имела ни имени, ни фамилии, а была № 8. Работала с 5 часов утра до 11–12 часов ночи. Кормили два раза в день. За малейшее невыполнение заданной работы хозяин бил палкой, ругал и морил голодом. Со своими знакомыми не разрешали разговаривать. В этом селе работало 8 украинских девушек и всех их держали отдельно друг от друга. Кто пытался бежать, ловили и расстреливали. В селе Квельдорф от невыносимой жизни повесилась девушка из Ленинградской области.

Курган Екатерина, 1917 г. рождения, уроженка Киевской области, Бабанского района с. Сушковка, увезена в Германию в 1943 году. Везли как скот в товарных, битком набитых людьми вагонах. В дороге почти не кормили. В городе Гураф Екатерину продали за 15 марок фермеру Отто Яукаш. Там числилась за № 55, работала с раннего утра до поздней ночи.

19 января обе эти девушки были освобождены Красной Армией.

Гражданка Варкулевич Степанида, из Ковельской области, заявила:

«Я вместе с 16-летней дочерью угнана немцами в Германию, в Гросс-Стрелитц. Меня отдали в прислуги к полицейскому в дер. Индер Ингут. В течение двух лет мы гнули спину на немца, работали день и ночь. Немка обращалась с нами, как с животными. Жили на чердаке скотного двора, кормили хуже чем собак, часто били. Спасибо Вам дорогие, за наше освобождение. Спасибо товарищу Сталину, нашей Родине, которая не забыла о своих детях».

Не лучше была жизнь советских граждан, работавших на немецких предприятиях, шахтах. И здесь с ними обращались не как с людьми, а как с номерами.

Житель Курской области Кузьмин рассказал:

«Я два года проработал в шахте «Пласт» в Силезии. Сейчас с ужасом вспоминаю об этом. Работать заставляли 12 часов без выходных. Кормили похлебкой, выдавали по 200–250 грамм эрзац хлеба. Все мы были опухшими от недоедания. Ежедневно умирали десятки человек. Отступая, немцы пытались увести нас в глубь Германии, но многие разбежались, Красная Армия освободила нас. Все мы благодарны нашей освободительнице. Я готов сейчас же вместе с Вами идти в бой и добивать проклятых немцев».

Освобожденные из немецкого рабства Беда Алексей, 19 лет, уроженец Каменец-Подольской области и Олешук Павел, 22 лет, из Винницкой области выразили желание группы молодежи в 14 человек идти вместе с Красной Армией бить немцев.

Такое же желание выразили многие мужчины. Женщины заявляют, что они готовы переносить любые трудности, чтобы только оказать больше помощи Красной Армии в разгроме немцев. Многие из них просят послать на любые работы, чтобы скорее доказать свою преданность Советской Родине.

Из числа освобожденных отправлено в запасные полки 23067 человек, на роди-

ну — 876 человек, мобилизовано на работы в помощь военным комендантам по сбору, учету и охране трофеев, захваченных на территории Германии — 3430 человек.

С 24 января по 8 февраля 177 армейский запасный полк принял 3885 молодых бойцов из числа советских граждан, освобожденных нашими частями из немецкого рабства. Среди них до 400 человек в прошлом являлись военнослужащими Красной Армии и во время войны попали в плен к немцам. Большинство прибывших в запасный полк находились до этого в концентрационном лагере «Освенцим». В числе молодых бойцов 10–15% русских, до 10% белорусов, остальные украинцы. Выявлено 38 бывших коммунистов, 120 бывших комсомольцев.

Они выражают радость за оказанное им доверие. Красноармеец Павел Коваль, уроженец Запорожской области, 1915 г. рождения заявил:

«Большое спасибо товарищу Сталину, спасибо нашей Красной Армии за освобождение и за оказанное нам доверие. Теперь я буду с оружием в руках мстить немецким гадам».

Красноармейцы Колесник и Хижня, из г. Киева, заявили:

«Хочется скорее пойти в бой и посчитаться с немцами».

Красноармеец Коцик сказал:

«Я знаю свое оружие. Два года мечтал с оружием в руках мстить немцам. Нельзя ли поскорее нас отправить на передовую, чтобы вылить всю злобу на немцев».

Подобные настроения характерны для большинства призванных в ряды Красной Армии из числа освобожденных советских граждан.

Находясь длительное время в Германии, советские граждане задают много вопросов о жизни Советского Союза, об успехах Красной Армии, о Сталине и других вождях партии и Советского Правительства. Часто задаются вопросы: «Будут ли их считать на Родине равноправными советскими гражданами?», «Не будут ли отворачиваться от них, работавших у немцев?», «Не угонят ли их на каторжные работы?». Эти вопросы возникли в результате длительной фашистской пропаганды, всячески запугивавшей наших советских людей, находившихся в Германии. Особенно эта лживая пропаганда усилилась незадолго до отступления немцев.

На все эти вопросы граждане получают исчерпывающие ответы со стороны политработников, посланных на сборные пункты. Они проводят беседы, рассказывают об успехах Красной Армии, о советском тыле, о вождях партии, об отношении нашего правительства к советским гражданам, насильственно угнанным немцами в Германию. Демонстрируются советские кинокартины, которые вызывают восторг у зрите-

На родину из фашистской неволи (район г. Кенигсберга).

лей. Часто раздаются громкие крики «Ура», возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Да здравствует наша спасительница — Красная Армия!» По окончании кинокартин долго не расходятся, у многих от радости слезы на глазах.

В числе освобожденных имеются единицы, которые продались немцам, изменили Родине.

4 января были задержаны 4 человека из числа освобожденных советских граждан. У одного из них в перине оказалось боевая рация. На вопросы отвечать не стал. Изменник был на месте расстрелян.

Два наших офицера, Страхов и Беловинцев, были приглашены двумя русскими девушками, проживавшими на территории Германии, в дом. Угостили их пивом, а на утро оба военнослужащие оказались мертвыми. Медицинской экспертизой установлено отравление мышьяком. Одна из диверсанток была тут же расстреляна. Второй удалось скрыться.

В Краковском пересыльном пункте выявлено 40 подозрительных лиц, посланных в специальные лагеря для дальнейшего изучения. 4 из них арестованы, как изменники.

Вывод:

Подавляющее большинство советских граждан, насильственно угнанных в Германию и освобожденных войсками фронта, настроены хорошо, остались преданными Советской Родине. Они готовы отдать все свои силы для быстрого разгрома фашистской Германии. Лишь одиночки оказались изменниками. Проводится большая работа по быстрейшему разоблачению их и изоляции.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 314. Л. 30–33. Машинописная копия.

№ 2

Записка начальника политпросветотдела Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Г. С. Логунова начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову

27 февраля 1945 г.

Секретно

По мере продвижения Красной Армии на Запад возрастает и объем работы по репатриации советских граждан, насильственно угнанных немцами в фашистскую неволю, и военнопленных. Основная работа по репатриации начнется с момента полного разгрома Германии.

По предварительным данным, требующим уточнения, с территории Германии и прилегающих к ней стран — Венгрии, Австрии, Чехословакии, Дании, Норвегии — подлежат репатриировать около 4.000.000 человек.

В настоящее время идет репатриация советских граждан и военнопленных с освобожденной территории Польши, с занятой войсками Красной Армии территории Германии, а также с территории Франции, Италии, Англии, США.

По репатриации советских граждан и военнопленных с территории Германии и прилегающих к ней стран, установлен следующий порядок этой работы:

1. При каждом действующем фронте создается по несколько фронтовых сборно-пересыльных пунктов, на которых происходит первоначальное сосредоточение советских граждан и военнопленных, освобожденных войсками Красной Армии.

Кроме того, при каждом фронте созданы территориальные сборно-пересыльные пункты: 1-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ — пункт № 118 в г. Жешув, № 120 — в г. Кельце, № 121 — в г. Краков; 2-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ — пункт № 122 в г. Дебрецен, № 124 — в г. Будапешт; 4-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ — пункт № 123 в г. Кашицы (Чехословакия); 1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ — пункт № 115 в г. Люблин, № 116 — в г. Лодзь; № 117 — в г. Варшава (Прага). Такие пункты в дальнейшем будут созданы и на других фронтах.

2. С фронтовых и территориальных сборно-пересыльных пунктов репатрируемые будут направляться в эшелонах на перевалочные пункты, создающиеся на стыке европейской железнодорожной колеи с нашей колеей по шести железнодорожным маршрутам на станциях — Шталупенен, Варшава, Демблин, Дембица, Залуж, Вале-Вишеулуй.

Перевалочные пункты, по мере продвижения фронтов и перешивки железнодорожного полотна, могут быть перемещены на запад.

3. С перевалочных пунктов репатрируемые следуют в эшелонах на областные приемно-распределительные пункты, а с них — в области и районы к месту жительства.

Областные приемно-распределительные пункты создаются во всех областях Украинской и Белорусской республик, а в РСФСР — лишь в областях, подвергавшихся временной немецкой оккупации. В Литовской, Эстонской, Латвийской и Молдавской республиках вместо областных создаются республиканские приемно-распределительные пункты (дислокация областных и республиканских пунктов прилагается).

Работой фронтовых сборно-пересыльных пунктов руководят Военные Советы фронтов через отделы по репатриации, созданные при Военных Советах; работой республиканских и областных приемно-распределительных пунктов — отделы по репатриации, созданные при Совнаркомах Украинской, Белорусской, Эстонской, Литовской, Латвийской, Молдавской республик и Совнарком РСФСР.

На территории Германии и прилегающих к ней стран, на фронтовых сборно-пересыльных, территориальных пунктах, перевалочных базах и в железнодорожных эшелонах политико-просветительную работу с репатриантами проводит политпросветотдел Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации.

ПРОШУ:

1. Проведение политико-просветительной работы с репатриантами на республиканских и областных приемно-распределительных пунктах и в местах поселения возложить на ЦК компартий союзных республик и обкомы ВКП(б).

2. Дать указание ЦК КП(б) Украины, ЦК КП(б) Белоруссии, ЦК КП(б) Эстонии, ЦК КП(б) Латвии, ЦК КП(б) Литвы, ЦК КП(б) Молдавии и обкомам ВКП(б) Брянской, Великолукской, Воронежской, Калининской, Калужской, Курской, Ленинградской, Московской, Орловской, Псковской, Ростовской, Смоленской, Тульской, Новгородской, Сталинградской, Астраханской областей, Крымской и Северо-Осетинской АССР, Крайкомам ВКП(б) Краснодарского и Ставропольского краев:

а) создать агитпункты при республиканских и областных приемно-распределительных пунктах, обеспечить их потребным количеством культимущества и оборудования, литературой, газетами, наглядной агитацией, настольными играми;

б) для проведения политико-просветительной работы с репатриантами выделить в каждый агитпункт лекторов, докладчиков и агитаторов по работе среди женщин, молодежи и среди детей;

в) радиофицировать приемно-распределительные пункты, обеспечить репатриантов кинообслуживанием, массовой художественной самодеятельностью;

г) развернуть на агитпунктах консультационно-справочную работу, коллективные читки газет и художественной литературы;

д) снабжать в республиканских и областных приемно-распределительных пунктах проходящие эшелоны с репатриантами газетами по 50–60 экз. на эшелон, из расчета по одной газете на вагон.

3. Обязать КОГИЗ, ОГИЗ⁶, Госполитиздат, издательства «Молодая Гвардия» и Детгиз выделять в распоряжение Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации из издаваемой ими массовой политической, художественной и детской литературы по 3 тысячи брошюр от каждого тиража для распространения среди репатрируемых советских граждан на территории Германии и прилегающих к ней стран. Отпустить Уполномоченному СНК СССР политических карт Европы — 500 штук для фронтовых сборно-пересыльных пунктов.

4. Редакции газеты «Правда» совместно с политпросветотделом Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан подготовить и издать специальную библиотечку из 25 брошюр, предназначенную для советских людей, длительное время находящихся в фашистской неволе.

5. Разрешить ЦК КП(б) Эстонии, Латвии, Литвы, Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Татарской республики издать на родном языке по две специальных брошюры, предназначенных для граждан республики, находившихся длительное время в фашистской неволе и возвращающихся на Родину. Тираж брошюр по 5000 экземпляров. Выделить по 300 экз. газет на национальных языках для снабжения сборно-пересыльных пунктов.

Выделять от каждого тиража выходящей массовой политической и художественной литературы на национальных языках потребное количество экземпляров для включения в библиотечки, направляемые Уполномоченным СНК СССР по делам репатриации на сборно-пересельные и перевалочные пункты.

Изданные специальные брошюры, выделенные газеты и отчисляемую от каждого тиража литературу передавать в распоряжение Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан.

6. Обязать Комитет резервов при СНК СССР выделить Уполномоченному СНК СССР по делам репатриации на издание брошюр, плакатов и листовок 100 тонн бумаги.

7. Комитету по делам кинематографии при СНК СССР выделить в распоряжение Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации 15 кинопередвижек из расчета: для работы на сборных пунктах на территории Германии — 10, Франции — 3, Италии — 1, Англии — 1. Штатные должности радио-кинетехников в Управлении Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации имеются.

8. Поручить Комитету по делам искусств при СНК СССР создать 200 передвижных выставок для сборно-пересельных пунктов на темы: «Партия большевиков — организатор и вдохновитель всенародной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками», «Товарищ Сталин — великий полководец, вождь и организатор побед Красной Армии», «В боях за Родину еще больше окрепла и закалилась дружба народов СССР», «Героические победы Красной Армии», «Великий трудовой подвиг советского народа в Отечественной войне», «Восстанавливается народное хозяйство, разрушенное немцами на территории республик и областей, временно подпадавших под немецкую оккупацию», «Возвращение советских людей из фашистской неволи на Родину», «Упрочение международного положения СССР».

9. Поручить Всесоюзному Радиокomiteту подготовить специальные программы радиовещания, посвященные ходу репатриации советских граждан, встрече их на Родине, трудовому устройству, применению их труда в тылу и в рядах Красной Армии. Радиовещание по специальным программам проводить не реже 3-х раз в месяц.

В Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской республиках проводить радиовещание по аналогичным программам на родном языке.

10. Для оборудования агитпунктов на сборно-пересельных пунктах на территории Германии поручить Наркомторгу СССР выделить в распоряжение Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации: красного материала — 2300 метров, гармоний — 100, патефонов с набором пластинок — 100, шахмат, шашек и домино по 350 комплектов.

11. Обязать Комитет по делам искусств при СНК СССР использовать концерт-

Группа американцев, освобожденных советскими войсками из плена, в Одесском порту перед отплытием на родину. Март 1945 г.

но-эстрадные бригады, выезжающие на действующие фронты, для работы по обслуживанию репатрируемых советских граждан на сборно-пересельных пунктах.

12. Поручить Союзкинохронике до 1 июля 1945 года создать полнометражный документальный фильм «Возвращение на Родину». Выпустить на экран за это же время два киножурнала, посвященных репатриации.

13. Обязать Государственное издательство «Искусство» издать, а литографии «Красный пролетарий» и 1-й образцовой типографии срочно отпечатать тиражом по 5000 экз. — 10 специальных плакатов на темы:

«Возвращение на Родину из немецкой неволи»;

«У пограничного столба. Здравствуй, Родина-Мать»;

«В родной семье»;

«Я снова в рядах Красной Армии и вместе с ней уничтожаю немцев»;

«Нам есть за что мстить немцам»;

«Родина любовью и заботой встречает сыновей и дочерей своих»;

«Радостный день освобождения из немецкого ига»;

«Красная Армия вырвала нас из немецкого рабства и спасла нашу жизнь. Встреча с Красной Армией»;

«Рухнули цепи рабского труда на немцев. Труд в нашей стране — дело чести, славы, доблести и геройства»;

«В родном колхозе».

14. ТАСС и редакция центральных газет систематически освещать ход репатриации советских граждан, согласовывая материалы до их опубликования с Уполномоченным СНК СССР по делам репатриации.

Там же. Л. 15–21. Подлинник

№ 3

Докладная записка корреспондента Советского информбюро на Первом Белорусском фронте майора Пономарева в ЦК ВКП(б)

не позднее 6 марта 1945 г.

Быстрое продвижение наших войск в глубь территории противника выдвигает ряд вопросов, которые требуют неотложного разрешения.

1. О репатриации советских и союзных военнопленных и гражданского населения СССР, угнанного немцами

В Германии на всех дорогах нам приходилось встречать тысячные колонны англи-

Польские граждане, освобожденные войсками 1-го Белорусского фронта из немецкой неволи, возвращаются в родные места. Март 1945 г.

чан, американцев, французов, бельгийцев, югославов — солдат и офицеров, которые освобождены сейчас из лагерей и со своими национальными знаменами следуют в тыл. При встречах с колоннами наших войск они устраивают овации в честь Красной Армии.

Комиссии по репатриации уже приступили к работе. Но они не имеют достаточно средств для организации приема этого потока людей и в то же время не используют имеющиеся в этом отношении возможности. Так, например, повсюду можно найти огромное количество матрацев, перин, подушек и прочего имущества (многое из этого уже растащено поляками), а люди в пересыльных пунктах вынуждены валяться в пустых бараках или казармах. В Бромберге в пустых казармах можно было видеть сотни русских и югославов, которых не кормили по три-четыре дня, в то время как в ведении коменданта города подполковника Алексеева имеются трофейные склады с достаточным количеством продовольствия. Есть немало случаев, когда бывшие пленные в поисках пищи ходят по деревням, ловят на дорогах скот.

В первые дни освобождения городов Ратцебург, Ястров, Дойч-Кроне там вообще не было представителей по репатриации.

При устройстве освобожденных из плена американцев, англичан и людей других национальностей следует учитывать, что для них, благодаря работе Красного Креста, в немецком плену были созданы неплохие условия существования. Они получали посылки, весом до 24 кг в месяц, неплохо питались и одевались. В личных беседах о положении в плену они жалуются на запоздание присылки с родины газет, почты и т. п. Почти никто из них не говорит о плохих материальных условиях. Кстати, это подтверждает и их внешний вид.

Аппарату, занятому репатриацией, необходимо следовать за войсками и быстро развертывать свою работу на местах. Кроме того, нужно потребовать и от польских властей большего внимания к этому делу. Поляки должны заняться оборудованием и обслуживанием пересыльных и питательных пунктов для людей, идущих из германского плена. Они должны собрать необходимое количество белья, кроватей (из немецких домов), выделить поваров, уборщиц и т. д.

II. О поведении личного состава тыловых подразделений Красной Армии на территории Польши

Хотя Красная Армия уже повсюду ведет бои на территории Германии, тысячи наших тыловых подразделений продолжают оставаться на территории Польши и, видимо, еще долго будут находиться там. Польское население судит по поведению наших тыловых подразделений о всей Красной Армии, так как передовые части общались с населением очень мало. Оторванность же наших тыловых органов от их частей приводит к недостаточному контролю со стороны последних за поведением людей, обслуживающих госпитали, автобаты, базы арснаба и т. д.

Политорганы могли бы дать соответствующие цифры на этот счет, но и не располагая ими, можно утверждать, что пьяные дебоши, кражи и прочие факты в подавляющем своем большинстве имеют место в тыловых частях. При этом даже единичные случаи преувеличиваются населением и раздуваются.

Из опыта можно утверждать следующее. В автобатах, дорожных частях, различных базах снабжения и пр. начальники не чувствуют над собой контроля, много времени уделяют организации личного быта, используя для этого свое служебное положение и своих подчиненных. Чувствуя себя «маленькими хозяйчиками», они перестали работать со своими людьми, распустили их, сжились с беспорядками. Например, один старший лейтенант, работающий по арснабжению в 8 гв. армии, был уличен в разбазаривании обмундирования, пьянках, разврате (об этом факте есть подробная докладная члену Военного совета). В Седлеце группа неизвестных солдат подъехала к дому поляка, погрузила на автомашину его вещи и, пригрозив оружием, скрылась. Комендантом волости Мендзыхуд был задержан в пьяном виде лейтенант из саперной бригады полковника Шапиро. Он ворвался в дом поляка, разрушил печь, дебоширил и дрался.

Подобных примеров можно привести немало. Если даже количество этих фактов по фронту не является угрожающим, тем не менее наличие подобных фактов говорит о слабой политработе в тыловых частях и невнимании к ним со стороны командиров частей. Подчас отсутствует даже элементарная воинская дисциплина.

Политорганам необходимо обратить больше внимания на этот участок.

Там же. Л. 26–28. Машинописная копия.

29 марта 1945 г.

В ЦК ВЛКСМ поступила записка помощника начальника Политуправления первого Украинского фронта по комсомольской работе тов. Цыганкова.

Записка посвящена молодежи, угнанной немцами в Германию и освобожденной войсками Красной Армии. Тов. Цыганков сообщает многочисленные яркие факты, свидетельствующие о том, с какой огромной радостью встретили советские граждане свое освобождение от немецкого рабства. Молодежь высказывает горячую благодарность товарищу Сталину, Красной Армии за свое освобождение. Находясь в военных комендатурах, советские граждане проявляют большой интерес к жизни Советского Союза, к международным вопросам, высказывают желание скорей начать работать.

Вместе с этим тов. Цыганков сообщает, что ряд комендатур плохо проводят политико-воспитательную работу среди освобожденной советской молодежи, не проявляют заботы о создании ей элементарных бытовых условий. Имеют место возмутительные факты хамского отношения со стороны отдельных бойцов и офицеров к женщинам и девушкам.

Вот что пишет тов. Цыганков:

«...Как показала проверка, в ряде комендатур в вопросах заботы о быте и в политико-воспитательной работе с освобожденной советской молодежью имеют место серьезные недостатки.

В распоряжении комендатуры города Бунцлау (комендант города майор Кравченко, зам. коменданта по политчасти майор Рудаков) находится более 100 женщин и девушек. Они размещены в отдельном здании неподалеку от комендатуры, однако надлежащей охраны общежития не организовано. Вследствие этого имеют место многочисленные факты издевательств, оскорбления и даже изнасилования женщин, проживающих в общежитии, со стороны отдельных военнослужащих, которые особенно в ночное время врываются в общежития и буквально терроризируют девушек.

5 марта, поздно вечером, в общежитии находилось до 60 человек военнослужащих, главным образом из 3-й гвардейской танковой армии. Большинство из них были в пьяном виде, приставали к девушкам, оскорбляли их. Несмотря на категорический приказ коменданта покинуть общежитие, группа танкистов продолжала дебош, угрожала оружием, учинила драку.

Все эти возмутительные факты хулиганства не получили должного отпора со стороны коменданта города майора Кравченко. Высланная им группа комендантского надзора свою задачу не выполнила и вернулась, не задержав ни одного хулигана. Только утром в одной из комнат общежития был задержан танкист — старшина Серегин Иван Кузьмич, член ВЛКСМ, механик-водитель из 91 танковой бригады. Серегин, придя в общежитие, напился до бесчувствия, приставал к девушкам, оскорблял их. При аресте оказалось, что у него украдено обмундирование и пистолет.

Приведенный выше факт хулиганства и дебоша группы военнослужащих далеко не единичен. По заявлениям девушек такие факты повторяются почти каждую ночь.

В связи с такими невыносимыми бытовыми условиями и хамским отношением большинство женщин и девушек, находящихся при комендатуре города Бунцлау, запугано и деморализовано, среди них встречается много отрицательных настроений и недовольства.

Так, гражданка Мария Шаповал заявляет:

«Я днем и ночью ждала прихода Красной Армии, ждала своего освобождения. А вот сейчас бойцы к нам относятся хуже, чем немцы. Я не рада, что живу на свете».

Гражданка Клавдия Малащенко говорит:

«Тяжело нам было жить у немцев. Да вот и сейчас нерадостно. Какое же это освобождение, когда над нами так издеваются».

Несмотря на многочисленность таких настроений, ни комендант Бунцлау майор Кравченко, ни его заместитель по политчасти майор Рудаков до сего времени не навели должного порядка, не организовали политико-воспитательной работы с освобожденной советской молодежью.

Большинство девушек, находящихся при комендатуре, не знают текущих собы-

тий, читка газет с ними не организована. За две недели проведена только одна политинформация.

Таким образом, здесь освобожденная молодежь почти целиком предоставлена себе и произволу отдельных военнослужащих, творящих над ней безобразия и издевательства.

Еще хуже и возмутительнее обстоит дело в военной комендатуре города Ельс (зам. коменданта по политчасти капитан Балаян).

Сам Балаян смотрит на освобожденных женщин и девушек как на нечто «второсортное». Он, например, заявил:

«Пусть они ведут себя, как хотят, и спят с кем хотят, лишь бы все это было без шума».

Следствием такого возмутительного поведения Балаяна является то, что никакой политико-воспитательной работы с освобожденной советской молодежью при комендатуре г. Ельс не ведется и она полностью предоставлена самой себе.

Более того, ни комендант города, ни его заместитель по политчасти не принимают никаких мер в отношении фактов дикого и возмутительного произвола со стороны отдельных военнослужащих к освобожденным женщинам и девушкам, не организуют охрану их общежитий, не наказывают виновников хамского отношения к ним.

В селах и фольварках, расположенных в районе военной комендатуры г. Ельс, находится большое количество женщин и девушек, занятых на работе по обслуживанию гуртов скота, хлебных складов и т. д. Здесь имели и имеют место случаи диких безобразий и хамского отношения к этим женщинам.

В ночь с 23 на 24 февраля группа офицеров и курсантов фронтовых курсов младших лейтенантов в количестве 35 человек явилась в пьяном виде на фольварк Груттенберг и начала творить дебош и насилия над находящимися там женщинами и девушками.

В ночь с 14 на 15 февраля в один из фольварков, занимаемых гуртом скота (начальник гурта капитан Каримов), явилась штрафная рота во главе со старшим лейтенантом (фамилия не установлена), оцепила фольварк, выставила пулеметы, обстреляла и ранила красноармейца, охранявшего общежитие женщины. После этого началось организованное изнасилование находящихся на фольварке освобожденных советских женщин и девушек. Только утром вся группа была задержана и арестована.

«Сбить — да в печку!» — так поступали советские люди с объявлениями немецкой военной администрации после освобождения оккупированных районов.

Обращают на себя внимание многочисленные факты хамского отношения к освобожденным женщинам со стороны офицеров.

Трое офицеров 26 февраля вломились в общежитие женщин при пункте сбора хлеба (начальник пункта майор Соловьев) и, когда были задержаны, один из них, майор по званию, заявил:

«Я приехал с фронта и мне нужна девушка».

После этого он, вырвавшись от охраны, начал дебош в общежитии.

27 февраля старший лейтенант (фамилия не установлена) явился в село Гутванен и, подойдя к девушкам, работавшим по сбору зерна, спросил одну из них — Анну Гриценко, откуда она. После ее ответа он грубо выругался и приказал ей идти за ним. Когда Гриценко отказалась, он выстрелом из пистолета тяжело ранил ее и скрылся.

Гражданка Ланцова Вера, 1926 года рождения, была изнасилована первый раз при прохождении передовых частей, вторично — 14 февраля неизвестным офицером. С 15 по 22 февраля лейтенант Исаев А. А. (Полевая контора № 1 Интендантского управления фронта, начальник конторы Адамович) принудил ее к сожительству избиениями и угрозой расстрела.

Ряд офицеров, сержантов и рядовых распространяют среди освобожденных советских людей такие слухи:

«Есть приказ вас в Советский Союз не пускать, поэтому, если кого и пустим, будете жить на Севере».

В связи с таким диким и хамским отношением к освобожденным советским женщинам и девушкам со стороны военнослужащих, у многих из них создается мнение, что и в Красной Армии, и в стране их не считают советскими людьми, что с ними могут делать все что угодно — расстреливать, насиловать, бить, что на Родину их не пустят.

Некоторые из них со слезами и отчаянием рассказывают об отношении к ним. Так, например, Ева Штуль, 1926 года рождения, говорит:

«У меня отец и два брата ушли в Красную Армию в начале войны. Вскоре, как пришли немцы, я была насильно схвачена и вывезена в Германию. Здесь работала на заводе, в слезах ожидала светлого дня освобождения. Наконец, пришла Красная Армия и ее же бойцы надругались над моей девичьей честью. Я плакала, вырывалась, говорила старшине о том, что мои братья тоже воюют, а он избил меня и изнасиловал. Лучше бы он застрелил меня...

Воины советского гарнизона проходят мимо рейхстага. Берлин. 1945 г.

Общим настроением женщин и девушек, находящихся в районе комендатуры г. Ельс, является такое:

«Все было бы хорошо, если бы над нами не смеялись, не издевались, не насиловали, а относились бы к нам, как к советским людям».

Таким образом, очевидно, что в целом ряде военных комендатур (г.г. Бунцлау, Ельс и др.), при которых находится значительное количество освобожденных от немецкого рабства советских женщин и девушек, политико-воспитательная работа, забота о создании для них нормальных бытовых условий находятся на чрезвычайно низком уровне.

Отдельные военнослужащие допускают факты дикой распущенности и хамского отношения к этим женщинам, оставаясь в ряде случаев безнаказанными благодаря неудовлетворительной организации комендантской службы.

Все это является почвой для нездоровых, отрицательных настроений среди освобожденных советских граждан, вызывает их недовольство и недоверие, с которым они будут возвращаться на Родину.

Докладывая Вам об этом, со своей стороны, считали бы необходимым направить представителей ГлавПУРККА, политпросветотдела управления при Уполномоченном СНК Союза ССР по делам репатриации и ЦК ВЛКСМ во фронтовые сборно-пересылочные пункты и областные, краевые приемно-распределительные пункты для принятия мер по улучшению политической, культурно-массовой работы с репатрированными советскими гражданами и улучшения их бытовых условий.

Там же. Л. 40-44. Подлинник.

№ 5

Сводка уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР Ф. И. Голикова, направленная в ЦК ВКП(б)

10 апреля 1945 г.
Сов. секретно

I. Данные о результатах учета и репатриации граждан СССР

1. Бывших советских военнопленных и гражданского населения, подлежащих репатриации, учтено 1881004 чел., из них репатрировано 1532532 чел. Их распределение —

а) по иностранным государствам:

Наименование государств	Учтено			Из них репатрировано			Примечание
	Всего	В том числе:		Всего	В том числе:		
		военно-пленных	граждан. населен.		военно-пленных	граждан. населен.	
Финляндия	100525	42440	58085	100525	42440	58085	
Румыния	125091	28799	96292	108396	28799	79597	
Италия	12557	11752	805	11831	11397	434	
Англия	24728	20600	4128	22677	18549	4128	
Франция	103652	78546	25106	6187	5903	284	Наход. в пути 8777 чел.
США	3845	3718	127	913	786	127	Наход. в пути 2770 чел.
			около				
Швеция	31422	1422	30000	1497	1422	75	
Германия	278197	78734	199463	201402	67641	133761	
Др. государств	132966	89284	43682	49867	12775	37092	
Итого:	812983	355295	457688	503295	189712	313583	

б) с временно оккупированной территории СССР:

Итого:	1068021	257915	810106	1029237	257400	771837
Всего:	1881004	613210	1267794	1532532	447112	1085420

Из числа учтенных подлежит репатриации:

из иностранных государств	— 309688 чел.	
« Латвийской ССР...	— 19691 чел.	из них изъявило согласие остаться:
		в Латв. ССР — 12037 чел.
Литовской ССР...	— 11807 чел.	в Литовск. ССР — 842 чел.
Эстонской ССР...	— 7286 чел.	в Эстонск. ССР — 5841 чел.
Итого:	— 348472	

Репатриированные советские граждане направлены: в распоряжение НКВД — 127147 чел., Главупраформ КА — 425600 чел. и по месту жительства — 979785 чел., всего — 1.532.532 чел.

По неполным данным количество советских граждан, насильственно уведённых фашистскими захватчиками в период временной оккупации, составляет 4.109.304 чел.

II. Данные о количестве освобожденных Красной Армией союзных и иностранных военнопленных и интернированных граждан:

Национальность	Всего освобождено и учтено	В том числе:		
		находятся на террит. СССР	отправлено на родину	находятся в прифронт. зоне
Американцев	3376	206	3164	6
Англичан	3549	399	3140	10
				(больные— нетранспортабельные)
Французов	63244	12151	7156	43937
Итальянцев	16405	2638	—	13767
Поляков	21352	3	14252	7097
Проч. национальн.	13026	2557	4977	5492
Всего:	120952	17954	32689	70309

III. Состояние работы по репатриации за рубежом

Из Англии 1–6.4 вышли три транспорта с 6033 сов. гражданами, из них: два из порта Глазго и один из порта Ливерпуль.

Прибытие транспортов в Одессу ожидается 13–20 апреля с.г.

К числу ненормальных отношений к советским гражданам, находящимся за рубежом, следует отнести следующие факты:

С Ш А. Вторичной проверкой 30–31 марта с.г. установлено, что в обнаруженных трех американских лагерях на территории Англии находится 1712 чел. бывших советских военнопленных, из них: 70% содержатся в лагерях с июля, а 30% — с августа и сентября месяца 1944 г.

Из этих лагерей было отправлено в США в конце июля месяца до 800 чел. наших бывших офицеров. Отправка производилась мелкими группами по 5–10 чел. Так, например, 28 марта, вместе с группой немцев, было отправлено 5 чел. сов. граждан.

По показаниям наших людей, из Англии в США было отправлено до 4000 чел. В лагере № 1 северо-западнее Оксфорда 114 чел. сов. граждан содержались вместе с немцами. Внутренняя администрация — немцы.

Люди работали в доках и на земляных работах по 10–12 часов в сутки без выходных дней. На работу выводились при вооруженной охране, больные от работы не освобождались. Вокруг лагерей были расставлены пулеметы. Обмундирование на многих было немецкое-морское или рваное американское.

Наши люди питались гораздо хуже, чем немцы.

На 6.4.45 в американских лагерях было до 100 больных советских людей, такое же количество было и в английских госпиталях, причем из них 30% тяжело больных туберкулезом. Лечение проходит неудовлетворительно.

Все эти данные являются грубейшим нарушением взаимного соглашения между США и СССР о репатриации.

Источник 2/1996

При отправке в СССР из Франции через Англию наших граждан, 15 чел., отказавшихся поехать на родину, были взяты под защиту представителем штаба Эйзенхауэра полковником Хауртом и американским администратором в лагере Рен майором Генри Аверой, которые заявили, что они не могут допустить нарушения решений Женевской конвенции о защите граждан, не желающих возвратиться на родину.

Там же. Л. 34–36. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сводка № 21 Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации (документ Российского государственного архива экономики, ф. 4372). Этой же сводкой докладывалось, что в Советский Союз репатриировано на 10 мая 1945 г. 1682605 чел. Из них направлялись в распоряжение НКВД СССР 143936 чел., Главупраформа Красной Армии — 497019 чел., по месту жительства — 1041650 чел.

2. «Знамя». 1988. № 10. С. 227.

3. 10 ноября 1945 г., например, был принят Указ Президиума Верховного Совета

СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Маньчжурии».

4. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., С. 136–137.

5. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 536. Л. 176.

6. ОГИЗ — Объединение государственных издательств при СНК СССР, КОГИЗ — Книготорговое объединение ОГИЗа.

*Публикация
кандидатов исторических наук
Геннадия КОСТЫРЧЕНКО
и Бориса ХАЗАНОВА*

«Наша история есть история драки»

Несостоявшаяся серия книг о гражданской войне

А. М. Горький в своем кабинете. Москва. 1932 г.

«Почему у большевиков революция вышла и притом морда не в крови?» — такую оригинальную постановку проблемы предложил И. В. Сталин на заседании главной редакции «Истории гражданской войны» 6 августа 1935 г. Замысел серии книг о гражданской войне зародился у А. М. Горького во время его поездок по СССР в конце 20-х — начале 30-х годов. С проектом издания писатель обратился в ЦК ВКП(б). 30 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило инициативу Горького и постановило «подготовить для широких масс «Историю гражданской войны» в 10–15 томах в виде сборников научно-популярных статей и литературных произведений».

Одна из основополагающих идей гран-

диозного плана заключалась в привлечении к созданию «Истории» не только профессиональных историков и писателей, но и непосредственных участников событий — от рядовых до вождей. Воплощение замысла Горького имело огромное значение для партийно-государственной верхушки, ибо, по глубокому убеждению самого инициатора, «История» должна была бы стать «учебником, руководством к действию» для рабочих всех стран.

В состав главной редакции кроме Горького вошли: И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, С. М. Киров, А. С. Бубнов, Я. Б. Гамарник. При некотором изменении в дальнейшем ее состава первая тройка членов оставалась ведущей и неизменной.

Организирующим и координирующим рабочим органом являлся секретариат главной редакции, образованный при Объединенном государственном издательстве. В полном соответствии с замыслом издания был создан громоздкий аппарат: около сотни научных и технических сотрудников секретариата занимались поиском, обработкой и систематизацией архивных, мемуарных источников и печатного материала для каждого тома в отдельности. Далее заготовки предоставлялись авторам глав. В числе авторов первого тома, утвержденных главной редакцией, были такие крупные деятели партии, как Н. В. Крыленко, Д. З. Мануильский, К. Б. Радек, Ф. Ф. Раскольников и др. Авторский «полуфабрикат» передавался затем для редактирования членам секретариата и редколлегии, в числе которых были, например, И. П. Товстуха — зам. директора Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), бывший помощник И. В. Сталина, П. П. Крючков — личный секретарь Горького и писатель, И. И. Минц — историк-марксист, впоследствии академик, Р. П. Эйдеман — крупный военный деятель.

Для литературной обработки текстов первоначально предполагалось привлечь известных советских писателей: М. А. Шолохова, И. Э. Бабея, А. Н. Толстого, Б. А. Лавреница и многих других. Некоторые из них приняли участие, в той или иной форме, в работе над «Историей», другие отказались, сославшись на занятость, как, например, К. А. Федин, остальных не удалось использовать по разным причинам.

Сверстанные материалы томов читал Горький, повседневно руководивший коллективом авторов, созывавший совещания по вопросам сбора материалов, выработки формы изложения и художественного оформления. Конечный «продукт» передавался на рассмотрение и утверждение членам главной редакции. В итоге решающим было мнение самого Сталина.

№ 1

А. М. Горький — Б. П. Позерну¹

[Не позднее 10 августа]² 1931 г.

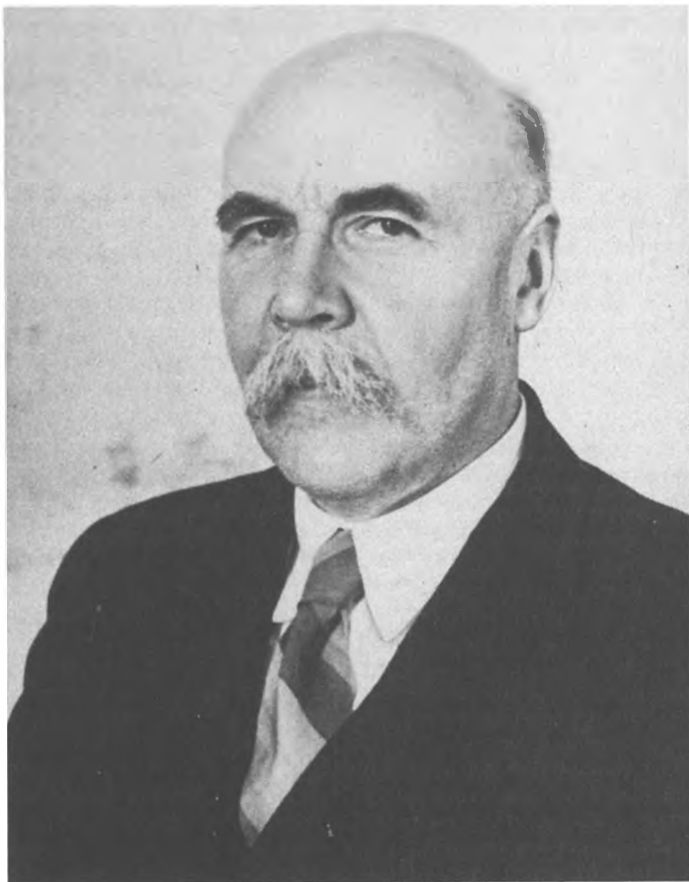
Дорогой Борис Павлович, хочется побеседовать с Вами по поводу работы над первым томом «Истории гражданской войны». Столица металлистов³ — пункт, где рабочий класс первый и удачный удар нанес врагу, хотелось бы, чтоб и первый том «Истории» борьбы рабочего класса был таким же удачным актом нашей литературной работы.

По вопросу о том, как нам следует писать историю, говорилось настолько мно-

Несмотря на щедрое финансирование проекта и организацию творческого процесса на принципах «ударничества и соревнования», обилие подготовитель и авторов, к 1935 году был окончательно готов только первый том. От «ответственных» и высокопоставленных авторов и редакторов подолгу ждали готовых текстов, требовались бесконечные переговоры и согласования. Архивные источники, необходимые для разработки многих тем, оказывались недоступными даже для «проверенных» сотрудников секретариата и т. д. Шло время, менялись люди и обстановка. Авторы многих глав, работавшие в описываемый ими период вместе с Лениным, были преданы анафеме. Герои гражданской войны становились «врагами народа». Еще ненаписанную «Историю» начали переписывать. Увидевший свет первый том, названный «гордостью коллективной работы», являлся красочно изданным и оформленным памфлетом, замалчивавшим и извращавшим факты. Более половины иллюстраций книги были политическими карикатурами на эсеров, меньшевиков, белогвардейцев.

В 1936 г. скончался Горький. Шли судебные процессы. При последующих переизданиях тома его содержание все больше выхолащивалось в угоду конъюнктуре. Затем началась война, и политическая актуальность такого издания упала. «Многотомная история» сократилась до пяти томов: в 1942–1960 гг. вышли еще четыре тома. Публикуемая подборка документов в общих чертах отражает ход подготовки первого тома, над редактированием которого основательно потрудились Сталин, внесший более 700 исправлений и указаний, порой весьма существенных, как по тексту, так и по оформлению.

История создания этого своеобразного артефакта советской исторической науки и общественно-политической атмосферы 30-х годов еще ждет своего исследователя.

го, что мне кажется — за словами исчезает ясность руководящих идей работы. Идеи эти, в сущности, просты.

Мы, создавая эту «Историю», ставим целью себе развитие классового, революционного самосознания масс. Мы пишем не «Историю» войны, в обычном смысле этого понятия, а историю борьбы рабочего класса против буржуазии, историю осуществления революционного классового права рабочих на политическую власть. Поэтому у нас нет особенной нужды подробно останавливаться на изображении чисто военных операций, но мы обязаны всюду, где это возможно, подчеркивать с предельной четкостью роль партии, как вождя и организатора масс. Разумеется, военные операции не исключаются, но следует при этом помнить, что мы создаем не учебники стратегии, а историю политической битвы, историю боевого, революционного роста масс, руководимых разумом и волей ее передового отряда, организованного как партия ленинцев-большевиков.

Значит: основной упор работы не на войну, а на ее смысл, на классовую борьбу. Отдельные боевые эпизоды нужно брать для раскраски, орнаментации, для оживления текста, отдельные фигуры бойцов тогда, когда их ловкость, смелость, героизм или отражают общее настроение боевого коллектива, или же повышают его настроение, пониженное неудачей, усталостью, голодом и т. д.

Необходимо стремиться к полному обнажению классовых мотивов поведения мелкобуржуазных «революционных» партий и так же важно всюду показывать иезуитизм либералов, ныне пребывающих в эмигрантском рассеянии; обильный материал для этого дает их пресса того времени, а впоследствии — их мемуары.

Затем — форма. Здесь задачей нашей является предельная простота, ясность и картинность изложения. Именно для того, чтобы успешно разрешить эту очень нелегкую задачу, мы и приглашаем беллетристов. Их работа — отшлифовать текст, сделать его как можно более мягким для понимания массового, не очень грамотного читате-

ля. Этим и ограничивается их участие в работе, — они литературные редактора и правщики текста.

Ясное дело, что страницы, посвященные объяснению политического смысла событий, страницы, где каждое слово имеет определение место и определенный вес, — такие страницы, — если они нуждаются в правке — беллетрист должен читать совместно с марксистом.

Во всех тех случаях, где беллетрист работает с материалом мемуарным, с воспоминаниями активных участников битв, ему нужно предоставить больше свободы действовать, но основной редколлектив тома должен сверить сырой материал с фабрикатом беллетриста.

На «Петербург» мы наметили: Лавренева⁴, Либединского⁵, Тынянова⁶, Слонимского⁷ и Ольгу Форш⁸, как участников или непосредственных свидетелей событий. Редколлектив имеет право добавить к этой группе тех людей, которых он сочтет полезными для работы. Вы, Б[орис] П[авлович], член Обкома, и в Вашем лице я усердно прошу Обком о всемерной помощи работе и о внимательном наблюдении за ходом ее.

Мы должны выпустить первый том ко дням празднования 25-го октября. Это надо сделать. Это будет неплохой подарок пролетариату к его великому празднику — к празднику торжества его неисчерпаемых творческих сил. «История гражданской войны» должна показать рабочий класс в его борьбе с классовым врагом. «История фабрик и заводов»⁹ покажет рабочий класс сначала — до Октября — как чернорабочую силу, создавшую буржуазную культуру, а затем — покажет его же, но как энергию, которая создает социалистическую культуру. Эти книги — будем надеяться — послужат хорошим средством развития классового, революционного самосознания масс и, вместе с тем, они могут и должны послужить к руководству пролетариата всех стран.

Итак, дорогой Борис Павлович, работаем!

Передайте мой сердечный привет т. т. Кирову¹⁰, Угланову¹¹, Угарову¹² и др.

Крепко жму руку. Будьте здоровы!

А. Пешков

РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 62. Л. 1–3. Машинописная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Позерн Борис Павлович (1882–1939) — член КПСС с 1902 г. В 1917 г. председатель Минского Совета, комиссар Северного фронта. В 1922–1923 гг. секретарь Северо-Западного бюро ЦК РКП(б). В 1924–1926 гг. секретарь Юго-Восточного крайкома, в 1929–1933 гг. секретарь Ленинградского обкома. Кандидат в члены ЦК с 1930 г. Репрессирован.

2. Здесь и далее в квадратных скобках письма А. М. Горького датируются временем снятия копий в секретариате «Истории гражданской войны».

3. Имеется в виду Ленинград.

4. Лавренев Борис Андреевич (1891–1959) — писатель, автор повестей «Ветер» (1924), «Сорок первый» (1924), драмы «Разлом» (1927) и др.

5. Либединский Юрий Николаевич (1898–1959) — писатель, автор произведений о гражданской войне и революции.

6. Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) — писатель, литературовед, автор исторических романов «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара» и др.

7. Слонимский Михаил Леонович (1897–1972) — писатель, автор произведений о советской интеллигенции: «Инженеры», «Друзья», «Ровесники».

8. Форш Ольга Дмитриевна (1873–1961) —

писательница; в романах «Горячий цех» (1928), «Сумасшедший корабль» (1931), «Ворон» (1933) описала события революции 1905–1907 гг., жизнь художественной интеллигенции 1910–1920 годов.

9. По инициативе А. М. Горького создавалось несколько серий изданий: «История фабрик и заводов», «История молодого человека», «История деревни», «Жизнь замечательных людей».

10. Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886–1934) — член КПСС с 1904 г. Участник трех революций и гражданской войны. С 1926 г. 1-й секретарь Ленинградского губкома (обкома) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). В 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б). Убит в результате террористического акта.

11. Угланов Николай Александрович (1886–1940) — член КПСС с 1907 г. Участник трех революций и гражданской войны. В 20-х годах секретарь ряда губернских комитетов партии. В 1928–1930 гг. нарком труда СССР, член ЦК, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Репрессирован.

12. Угаров Александр Иванович (1900–1939) — член КПСС с 1918 г. Участник гражданской войны. С 1934 г. секретарь Ленинградского горкома. С 1938 г. первый секретарь МК и МГК ВКП(б), кандидат в члены ЦК с 1934 г. Член ВЦИК, ЦИК СССР. Репрессирован.

Д. З. Мануильский. 1936 г.

№ 2А. М. Горький — Д. З. Мануильскому¹

[27 июля] 1932 г.

Дорогой товарищ!

Мы не можем закончить работу над первым томом по «Истории гражданской войны», поскольку отсутствует Ваша глава.

Посылая к Вам научного сотрудника, помогавшего Вам подбирать материалы, настойчиво прошу выкроить несколько дней и закончить работу над главой. Непредоставление главы в срок задержало нам работу над томом уже на целый месяц. От Вас зависит облегчить работу над томом.

Главная редакция «Истории
гражданской войны»

Там же. Д. 21. Л. 2. Машинописная копия.

Горький

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) — член КПСС с 1903 г. Один из организаторов Свеаборгского и Кронштадтского восстаний в 1906 г. Участник

Октябрьской революции, комиссар Петроградского ВРК. В 1928–1943 гг. секретарь Исполкома Коминтерна. Член ЦК ВКП(б) в 1923–1952 гг.

№ 3И. И. Минц¹ — К. Б. Радеку²

[9 сентября] 1932 г.

Уважаемый товарищ!

По поручению редакции «Истории гражданской войны» прошу принять меня для доклада о ходе работ над «Историей» и переговоров по поводу главы, порученной Вам для подготовки в первом томе «Истории гражданской войны» (Октябрь).

О дне и числе приема прошу позвонить Г 1-14-01.

Секретариат «Истории
гражданской войны»

Там же. Л. 5. Машинописная копия.

Минц

И. И. Минц.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Минц Исаак Израилевич (1896–1991) — советский историк, академик АН СССР (1946), Герой Социалистического Труда (1976). Член КПСС с 1917 г. В годы гражданской войны — на политической работе в Красной Армии. В 1926 г. окончил Институт красной профессуры. Заведующий кафедрами истории СССР в МИФЛИ и МГУ (1933–1949), Высшей партийной школе (1937–1949). Профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС (1947–

1956). Председатель совета АН СССР по комплексной проблеме истории Октябрьской революции. Лауреат Сталинских премий (1943, 1946), Ленинской премии (1974).

2. Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939) — деятель международного социал-демократического движения, партийный публицист, член большевистской партии с 1917 г. В 1919–1924 г. член ЦК РКП(б), в 1920–1924 г. член (в 1920 — секретарь) Исполкома Коминтерна. Репрессирован.

№ 4

А. М. Горький — Н. В. Крыленко¹

[8 февраля] 1933 г.

Дорогой товарищ!

При редактировании тома нам пришлось в интересах цельности перебросить ряд материалов из Вашей главы в другие главы и пополнить Вашу главу новыми материалами. В томе мы не будем указывать авторов отдельных глав, поскольку работа наша является коллективной. Будет указано, что том составлен тт. Крыленко, Стецким², Мануильским и другими. Кроме того, будет указана Главная редакция.

Очень прошу Вас познакомиться с главой «Октябрь на фронте». Весь том будет прислан Вам в гранках.

Всего доброго.

Главная редакция

Там же. Л. 26. Машинописная копия.

Горький

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) — член КПСС с 1904 г. Участник революции 1905–1907 гг. В Октябрьскую революцию член Петроградского ВРК. В 1917–1918 гг. нарком, член Комитета по военно-морским делам, Верховный Главнокомандующий. С 1918 г. председатель Верховного трибунала, прокурор РСФСР, с 1931 г. нарком юстиции

РСФСР, с 1936 г. нарком юстиции СССР. Репрессирован.

2. Стецкий Александр Иванович (1896–1938) — член КПСС с 1915 г. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. С 1930 г. зав. агитпропотделом ЦК, член ЦКК с 1924 г. и ЦК с 1927 г. Член редколлегии «Истории гражданской войны». Репрессирован.

№ 5

А. М. Горький — И. И. Минцу

[29 июня] 1933 г.

Дорогой тов. Минц.

Прочитал рукопись четырех глав первого тома так внимательно, как этого за-

служивает их тема. Разрешите товарищески откровенно сообщить Вам мое впечатление.

Разумеется, я понимаю, что читал черновики, но это обстоятельство, по моему мнению, особенно убедительно обнаруживает основной дефект работы авторов. Как правило, черновики пишутся «сгоряча», автор дает полную волю чувству и лишь потом, разрабатывая черновик, более или менее охлаждает сделанное «сгоряча», если этого охлаждения требует материал и основная идея работы. Казалось бы, что работа по Октябрю, по освещению начала небывалой в истории трудового человечества, глубоко поучительной для пролетариата всех стран грандиозной и победоносной революции, казалось бы, что черновики рукописей, написанных непосредственными участниками этой революции, должны особенно отразить в себе законнейшее чувство гордости победителей, людей, которые в ничтожный срок 15-ти лет умели создать железное основание социалистического государства.

С недоумением и печалью должен сказать, что черновики четырех глав написаны «нехотя», с «холодной душой», с явной «натугой», как будто люди выполнили тяжелый и неприятный урок. Это общее впечатление. Есть некоторое различие между статьями. Например, Крыленко написал свою работу живее других, но он ее начал заявлением читателям о скудости и даже о полном отсутствии материала, например, по Румынскому и Кавказскому фронтам.

Он говорит: «Материалов по этим фронтам мы не имеем никаких, вернее — они есть, но их нужно искать, разобрать, изучить». (В тексте его статьи кое-какой материал по Румынскому фронту оказался.) Ясно, что это заявление компрометирует работу в глазах читателя: какая же это будет история, если историк предупреждает читателя, что материала для ее написания он, автор, не имел? Считаю вполне уместным напомнить здесь, что история нашей гражданской войны должна будет служить руководством для пролетариата не только Европы, что ее интернациональное значение неоспоримо и что это надобно очень помнить авторам. Им в процессе работы надобно иметь перед собой лицо трудового народа всего мира. Перехожу от существа дела к формам выполнения его. Литературная обработка материала — совершенно неудовлетворительная. Язык ценной по материалу статьи Бермана¹ совершенно невозможен, как это подчеркнуто мною на его рукописи. Сибирь у него — «нация», так же как Финляндия, Украина и т. д. Некоторые цитаты из Ленина требуют объяснения. Все авторы злоупотребляют «вводными предложениями», которые, прерывая течение фразы, нарушают ее точность, затрудняют чтение. Не следует вводить в текст таких персонажей, как, например, «Балалайкин», Щедрина, наш читатель не знает — кто это? Негры, китайцы, индусы и пр. тоже еще не читали Щедрина. Вероятно, и не будут читать. Если в истории допустимо цитировать фельетонные стихи Д. Бедного² — так необходимо хотя бы кратко указать на общее агитационное значение стихов его эпохи гражданской войны.

Впадая при изложении роли эсеро-меньшевиков в полемический тон, авторы придают ему фельетонный характер, читателя это не может веселить, а солидность изложения от этого весьма страдает. Полемика должна носить строго публицистический серьезный характер.

Армейская масса «описывается» автором, но сама она непосредственно не высказывается и ее действия излагаются по документам, по резолюциям, письмам — их дано только два из миллионов. Массу должно показать живой, говорящей и действующей. Усиленно рекомендую пользоваться для оживления ее книгами: Войтоловского³ «По следам войны», Федорченко⁴ «Народ на войне», данными беллетристики. Совершенно не отмечена хозяйственно-организационная работа армейских комитетов, их борьба с интендантством по организации вывоза с фронта больных и раненых.

Я не был на фронте, но по рассказам т. т. солдат-фронтовиков у меня сложилось впечатление, что по мере того, как разрушался гнет физической, военной дисциплины — в армейских комитетах, руководимых большевиками, возникала дисциплина революционной идеи. Эта дисциплина не могла не отразиться в области хозяйственно-организационной, во фронтовом быте.

Будучи политиком несмышленным, я ставлю вопросы: насколько уместно в наши дни напоминать, что «земля переходит в полное распоряжение крестьян», и признавать совпадение большевистской аграрной программы с таковой же эсеров? Разумеется — «история должна быть правдива и нелицеприятна», как утверждали исто-

рики буржуазии. Наша история есть история драки еще неоконченной, и мы, по любимому слову Владимира Ильича, все еще находимся «в числе драки». Наша история есть история революционного роста и творчества пролетариата, тут и заключена главнейшая, основная правда нашей истории. По сей причине, мне думается, что как в до Октябрьские, так и в следующие годы гражданской войны споры с эсерами и меньшевиками нужно излагать сугубо осторожно, дабы не гальванизировать трупы, а ускорить их окончательное превращение в прах.

В заключение: авторы обильно повторяют друг друга, это разумеется необходимо устранить.

Как я утверждал: отдельные статьи не могут дать той силы, связанности и ясности изложения, которые необходимы для нашего читателя и посредством которых только и можно придать «Истории гражданской войны» значение боевого руководства для пролетариата всех стран.

Поэтому: каждый том истории необходимо обработать одному лицу.

М. Горький

Там же. Д. 62. Л. 4–7. Машинописная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Берман Я. Л. — член секретариата ИГВ, автор не вошедшей в том главы «Декреты Октября».

2. Бедный Демьян (Придворов Ефим Алексеевич) (1883–1945) — писатель, печатался в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». Автор сатирических стихов, фельетонов, басен, песен, распространенных в годы гражданской войны.

3. Войтовский Лев Наумович (1876–1941) — писатель и критик. По образованию врач. Участник русско-японской и первой

мировой войн. Принимал участие в гражданской войне. Его произведение «По следам войны» получило высокую оценку А. М. Горького.

4. Федорченко Софья Захаровна (1880–1959) — писательница, училась на юридическом факультете Киевского университета. В 1914 г. ушла на фронт сестрой милосердия. Печаталась с 1917 г. «Народ на войне» — самое значительное произведение, посвященное мировой войне, февральской революции и гражданской войне (тт. 1–3, 1917–1927).

№ 6

А. М. Горький — И. В. Сталину

[Начало апреля] 1934 г.

Тов. СТАЛИНУ

Дорогой товарищ!

20-го марта секретари редакции представили мне 1-й том по истории гражданской войны. Том посвящен истории Октябрьской революции. Прделана огромная работа, впервые будет дана сводная работа по одному из самых величественных моментов истории. Много новых и очень ценных данных.

Я прочитал весь том и сделал ряд конкретных указаний — они заняли четырнадцать страниц. Остановлюсь только на основных. В томе имеются повторения, объясняемые тем, что авторы не читали соседних статей, — писали только по плану.

Имеется ряд неясных характеристик. Авторы, как правило, забывали, что мы готовим руководство к действию, что мы создаем учебник по вооруженному восстанию для международного пролетариата.

Главы часто «обезличены». Нет портретов и биографий организаторов контрреволюции. Керенский¹, Чернов², Пальчинский³, Савинков⁴, Дан⁵, Церетели⁶, Чхеидзе⁷, Шульгин⁸, Рябушинский⁹, Гучков¹⁰ — фигурки не крупные, но в темноте и ничтожная салыная свечка светит. Их надо употребить именно для освещения реакционной темноты организаторов.

События в ряде глав совершаются без участия людей. Однако, следует допустить, что в этих событиях играет — скажем иногда — весьма заметную роль личная даровитость или бездарность, революционная честность или склонность к подлости.

Чтоб признать значение сих качеств, стоит только вспомнить, что одновременно действовали: гениальный Владимир Ильич Ленин и Федор — тоже Ильич — Дан.

Товарищем министра продовольствия при Керенском действовал «народный

социалист», миллионер, торговец текстилем Титов¹¹, человек глупый и не имевший никакого представления о торговле хлебом. Керенский, так же как Львов¹², Милюков¹³ и др., несомненно заслуживают кратких характеристик их словами и делами.

Недостаточно мотивировано деление эсеров на три группы. Я особенно настаивал бы на освещении эсерства, ибо оно хотело быть партией крестьянства, т. е. большинства населения, и некоторое время играло эту роль. Политический разгром этой партии — огромная победа большевизма, победа, глубочайшее значение которой еще не совсем выяснено. Для пролетариата всех стран крайне поучительно было бы подробно ознакомиться с историей этой победы.

Кое-где не совсем точно дана историческая перспектива. Так, об исторических ошибках Каменева и Зиновьева¹⁴ в Октябрьские дни надо бы дать точными словами Ленина. Есть и недоработанные места. Например, не выяснены мотивы, почему Троцкий¹⁵ ввел меньшевиков в президиум Петросвета.

Это — замечания по существу, но следовало бы еще поработать и над литературной формой, хотя и в этой области сделано уже много.

Общие впечатления: том, построенный на доброкачественном и ценном материале, у нас есть. Необходимо только выполнить указанные мною замечания (а также замечания т. т. Бубнова¹⁶ и Стецкого, если они последуют). Работу надо, безусловно, выполнить нашему Секретариату, не возвращая авторам, — иначе очень затянется издание. Кроме того, я бы рекомендовал посадить трех литераторов — Вс. Иванова¹⁷, Павленко¹⁸ и М. Тихонова¹⁹. Пусть читают том, кое-где подчистят язык, если понадобится, внесут некоторую живость в изложении событий. Работу эту нужно будет делать совместно с Минцем, чтобы не внести каких-либо ошибок и не извратить политического смысла того или иного места. 20 дней на эту работу им хватит вполне.

Если у Вас основных возражений нет, то прошу оформить протоколы Редакции.

После двухгодичной работы нашего Секретариата, мне думается, нужно внести некоторое исправление в его структуру. Т. т. Таль²⁰ и Берман — видимо перегружены другой работой и абсолютно не оказывали нам никакой помощи. Товстуха²¹ и Эйдеман²² уже не раз поднимали этот вопрос. Думаю, что Секретариат в составе, мною предложенном, вполне обеспечит работу: в нем будет больше гибкости, работоспособности и он теснее будет связан с Главной редакцией.

Горький.

Там же. Д. 11. Л. 79–79 об. Машинописная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Керенский Александр Федорович (1881–1970) — политической деятель. С марта 1917 г. эсер. Во Временном правительстве министр юстиции (март—май), военный и морской министр (май—сентябрь), с 8(21) июля министр-председатель, с 30 августа (12 сентября) Верховный главнокомандующий.

2. Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) — один из основателей партии эсеров. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства. 5(18) января 1918 г. избран председателем Всероссийского Учредительного собрания.

3. Пальчинский П. И. (1875–1930) — горный инженер. После Февральской революции товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства. После Октябрьской революции являлся председателем Русского технического общества, членом бюро Центрального совета экспертов и консультантом ряда учреждений по экономическим и техническим вопросам, был профессором Петро-

градского горного института и членом Научно-технического отдела ВСНХ. Неоднократно арестовывался органами ВЧК—ОГПУ. Приговорен к расстрелу «за вредительство».

4. Савинков Борис Викторович (1879–1925) — до сентября 1917 г. эсер. Во Временном правительстве управляющий военным министерством. Белоэмигрант. Арестован в 1924 г. при переходе советской границы, осужден. По версии чекистов, покончил жизнь самоубийством.

5. Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871–1947) — один из лидеров меньшевизма. В 1917 г. член исполкома Петроградского Совета и президиума ВЦИК 1-го созыва. В 1922 г. выслан из Советской России.

6. Церетели Иракий Георгиевич (1881–1959) — один из лидеров меньшевизма. Депутат 2-й Государственной думы. В 1917 г. министр Временного правительства, с 1918 г. — меньшевистского правительства Грузии. С 1921 г. в эмиграции.

7. Чхедзе Николай Семенович (1864–1926) — один из лидеров меньшевизма. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум. В 1917 г. председатель Петросовета, ВЦИК. С 1918 г. председатель Закавказского сейма, Учредительного собрания Грузии. С 1921 г. в эмиграции.

8. Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) — политический деятель, монархист, затем «прогрессист». Один из лидеров правого крыла 2-й – 4-й Государственных дум, член Временного комитета Государственной думы. После Октябрьской революции один из организаторов борьбы против Советской власти. Белоэмигрант. В 1945–1956 гг. в заключении по приговору советского суда за контрреволюционную деятельность. В 1960-х годах призвал русскую эмиграцию отказаться от враждебного отношения к СССР. Автор книг «Дни», «1920-й год» и др.

9. Рябушинский Павел Павлович (1871–1924) — один из лидеров российской буржуазии. Совладелец (с братьями) Московского банка Рябушинских, газеты «Утро России». Один из основателей партии «прогрессистов». Белоэмигрант.

10. Гучков Александр Иванович (1862–1936) — русский капиталист, лидер партии октябристов, депутат и с 1910 г. председатель 3-й Государственной думы. В 1915–1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета. В 1917 г. военный и морской министр Временного правительства. Один из организаторов корниловщины. Белоэмигрант.

11. Титов Александр Андреевич (1878 – не ранее 1958) — родился в семье предпринимателя, известного археографа, палеографа и этнографа А. А. Титова. Унаследовал крупные торгово-промышленные предприятия. По образованию химик. Член оргкомитета Народно-социалистической партии в 1906 г. В мае—сентябре 1917 г. товарищ министра продовольствия, возглавлял Управление по снабжению предметами первой необходимости, работал в техническом комитете министерства. С 1920 г. в эмиграции.

12. Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, крупный помещик. Депутат 1-й Государственной думы. Председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей «Земгора». В марте—июле 1917 г. глава Временного правительства. Белоэмигрант, в 1918–1920 гг. глава Русского политического совещания в Париже.

13. Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — политический деятель, историк и публицист. Один из организаторов партии кадетов, с 1907 г. председатель ее ЦК, редактор газеты «Речь». В 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства 1-го состава (до 2(15) мая). Белоэмигрант.

14. Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) — член КПСС (с перерывами) с 1901 г. Участник революций 1905–1907 гг. и 1917 г. В ноябре 1917 г. председатель ВЦИК.

В 1918–1926 гг. председатель Моссовета. В 1923–1926 гг. заместитель председателя СНК СССР. В 1922–1924 гг. заместитель председателя, в 1924–1926 гг. председатель СТО. В 1923–1926 гг. директор Института В. И. Ленина, затем на дипломатической и административной работе. Член Политбюро ЦК в 1919–1926 гг. Репрессирован.

Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) — член КПСС (с перерывами) с 1901 г. Участник революции 1905–1907 гг. и Октябрьской революции. С декабря 1917 г. председатель Петроградского Совета. В 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна. Член ЦК партии в 1907–1927 гг., член Политбюро ЦК в 1921–1926 гг. Член ВЦИК, ЦИК СССР. Репрессирован.

Под «историческими ошибками» Каменева и Зиновьева имеется в виду их выступление против установки В. И. Ленина на вооруженное восстание на заседаниях ЦК партии 10 и 16 октября 1917 г. и публичное оглашение своего несогласия с решением ЦК в газете «Новая жизнь». Ленин потребовал исключения Каменева и Зиновьева из партии, но члены ЦК (в том числе и Сталин) не поддержали его.

15. Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) — в социал-демократическом движении с 1897 г. Член КПСС в 1917–1927 гг. Участник революции 1905–1907 гг. В сентябре 1917 г. был избран председателем Петроградского Совета. В 1917–1918 гг. нарком иностранных дел. Один из организаторов Красной Армии. В 1918–1924 гг. наркомвоенмор и председатель Реввоенсовета. Член ЦК партии в 1917–1927 гг., член Политбюро ЦК в 1919–1926 гг. В 1929 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности выслан из СССР. Убит в Мексике.

16. Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) — член КПСС с 1903 г. Участник революции 1905–1907 гг. и Октябрьской революции. Участник гражданской войны. С 1924 г. начальник Политуправления РККА. Член Реввоенсовета СССР. Член Оргбюро ЦК ВКП(б), кандидат в члены Секретариата ЦК и др. Репрессирован.

17. Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) — писатель. Автор повестей «Партизаны» (1921), «Бронепоезд 14-69» (1922, одноименная пьеса, постановки МХАТ, 1927), «Цветные ветра» (1922) и др.

18. Павленко Петр Андреевич (1899–1951) — писатель, член КПСС с 1920 г. Участник гражданской войны. В 1924–1927 гг., будучи секретарем торгпредства в Турции, начал писать очерки и публиковать их в московских журналах. Автор романа «Счастье» (1947), рассказов, повестей, военных и путевых очерков, сценариев фильмов (в том числе «Александр Невский» — совместно с С. Эйзенштейном).

19. Тихонов Николай Семенович (1896–1979) — писатель, общественный деятель,

Герой Социалистического Труда (1966). Автор поэм «Сами» (1920) о В. И. Ленине, «Киров с нами» (1941) о защитниках Ленинграда, очерков, рассказов, повестей.

20. Таль Б. — член секретариата ИГВ.

21. Товстуха Иван Павлович (1889–1935) — член КПСС с 1913 г. Участник революции. С 1922 г. второй помощник Генерального секретаря ЦК ВКП(б), заместитель заведующего Бюро Секретариата ЦК РКП(б). С 1931 г. заместитель директора Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. Член ЦИК СССР.

22. Эйдеман (Эйдеманис) Роберт Петрович (1895–1937) — военачальник, комкор (1935). Член КПСС с 1917 г. Участник Октябрьской революции в Сибири. В гражданскую войну командовал дивизией, армией и группой войск на Южном и Юго-Западном фронтах. В 20–30-е годы командующий войсками ВО, начальник и комиссар Военной академии им. Фрунзе. В 1932–1934 гг. член Реввоенсовета СССР. Член ВЦИК и ЦИК. Репрессирован.

№ 7

А. М. Горький — И. В. Сталину

Ноябрь 1934 г. Курорт Тессели.

Дорогой Иосиф Виссарионович, посылаем первый том «Истории гражданской войны». Он сверстан только для того, чтобы облегчить членам главной редакции процесс чтения, но, разумеется, можно вычеркнуть любой параграф, любую иллюстрацию, не удорожая и не затрудняя этим печатание книги.

Очень прошу Вас и других т. т. главной редакции прочитать этот том возможно скорее. Работали над ним чрезмерно долго, это объясняется не только загруженностью авторов другой работой, но также их равнодушным отношением к «Истории».

Однако — «диалектика»! — «нет худа без добра» и за время работы над этой книгой, самой трудной, секретариат приготовил материал для многих следующих, собирал огромное количество ценнейших документов, составил картограмму по гражданской войне и вообще сделал очень много полезного и важного. Я особенно отмечаю работу т. Минца, образцового работника, исключительно преданного трудному делу, которое возложено на него. Подписка на «Историю» достигла почти 200 тысяч экземпляров и еще не подписывалась Красная Армия. Первое издание вероятно потребует 250 тысяч, и я убедительно прошу Вас сообщить т. Томскому¹, чтоб он принял меры во избежание задержки с печатью.

Весьма сильно волнуемся и тревожимся, ожидая оценки первого тома Вами и другими членами редакции.

Лично я — как литератор — нахожу, что первый том — удачен. Следующие, конечно, будет легче и быстрее сделать. Но, разумеется, суть дела не в легкости и быстроте, а в том, чтоб хорошо, наглядно рассказать пролетариату всех стран о его первой, решительной и чудесной победе над врагом.

Как хорошо было бы, если бы книга эта вышла в свет до² событий в Австрии, Голландии, Испании³!

Мне кажется, что торопиться с изданием «Истории гражданской войны» обязывает нас время.

Сердечно желаю Вам доброго здоровья

М. Горький

Р. S. Удивительная погода здесь: все время теплые, солнечные дни!

Там же. Л. 197–197 об. Машинописная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Томский (Ефремов) Михаил Павлович (1880–1936) — член партии с 1904 г. Участник революции 1905–1907 гг. и Октябрьской революции. В 1918–1921 и 1922–1929 гг. председатель ВЦСПС. Член ЦК партии в 1919–1934 гг. (кандидат с 1934 г.), член Политбюро ЦК в 1922–1930 гг. В 1929–1930 гг. заместитель председателя ВСНХ СССР. Член

ВЦИК и ЦИК СССР. С 1932 г. заведующий ОГИЗ. Покончил жизнь самоубийством.

2. Подчеркнуто в тексте копии письма.

3. А. М. Горький имеет в виду вооруженные столкновения рабочих с полицией, войсками и фашистскими формированиями в Австрии, Нидерландах и Испании, проходившие в феврале—октябре 1934 г.

[9 декабря] 1934 г.

Дорогой Климент Ефремович!

Начало положено: работа над первым томом истории гражданской войны закончена. Мне кажется, что в таком виде том не стыдно показать массам, которые, судя по подписке, давно ждут обещанной книги. Подписалось уже около двухсот тысяч человек. Пришлось подписку прекратить, а в Красной Армии она еще не начиналась. Думаю, что и пожелание Иосифа Виссарионовича мы тоже выполнили: книга хорошо иллюстрирована, причем большинство картин и рисунков заказаны специально для данного тома.

Очень прошу выбрать время и познакомиться с томом. Можно выбросить любой параграф и вносить любые изменения: мы сверстали том только для того, чтобы облегчить чтение.

Если понадобятся какие-либо разъяснения, их можно получить у т. Минца.

Работу над другими томами мы продолжаем: надо ведь до новой войны издать историю старой.

Крепко жму руку

Привет

М. Горький

Там же. Л. 198. Заверенная машинописная копия.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — государственный, партийный и военный деятель. Маршал Советского Союза (1935), дважды Герой Советского Союза (1956, 1968), Герой Социалистического Труда (1960). Член КПСС с 1903 г. Участник трех револю-

ций. С 1918 г. командующий и член РВС ряда армий и фронтов. С 1925 г. нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР, с 1934 г. нарком обороны СССР. Член ЦК КПСС в 1921–1961 гг. и с 1966 г. Член Политбюро (Президиума) ЦК в 1926–1960 гг.

19 августа 1935 г.

Дорогой Ян Борисович!

6 августа состоялось заседание Главной редакции, на котором тов. Сталин в продолжении трех часов объяснял присутствующим какие именно поправки он внес в 1 том «Истории гражданской войны» и почему нужны такие исправления. Общий характер этих исправлений — точность, простота и законченность всех формулировок. Есть целый ряд поправок теоретического порядка, есть целый ряд добавлений фактического порядка. Некоторые поправки больше страницы.

Об общем впечатлении я был предупрежден за три дня. Еще 3 августа меня вызвал Иосиф Виссарионович и сказал буквально следующее:

— Я прочитал том. По-моему первые 16 глав надо будет выделить в самостоятельный том и издать его 1 томом «Истории гражданской войны». Отсюда я предлагаю выбросить главу о внешней политике...

Я прерываю:

— Это глава Радека.

— Это неважно, глава не подходит ни по стилю, ни по богатству материала ко всей книжке. Она абстрактна, в ней много общих мест. Где бы нам собраться, чтобы я мог рассказать о работе над томом? Я его не читал, а редактировал. Подумайте, какая это большая работа!

Из этого короткого разговора я сделал вывод, что в общем том признан удовлетворительным.

6 августа заседание началось со следующего: тов. Сталин довольно сурово подошел к столу, развернул быстро книгу и начал: «Видимо не все понимают, какую работу мы делаем. Мы пишем историю не только для себя, сколько для мирового пролетариата. Нужно объяснить миллионам рабочих и трудящихся почему в Европе не

Я. Б. Гамарник.

вышло, а у большевиков революция вышла и притом морда не в крови. Я поэтому буду с[трог]²».

Не скрою, что после т[аких слов я стал] медленно сползать под стол, но, увы [мне пришлось] сесть ближе и внимательно следить за книжкой.

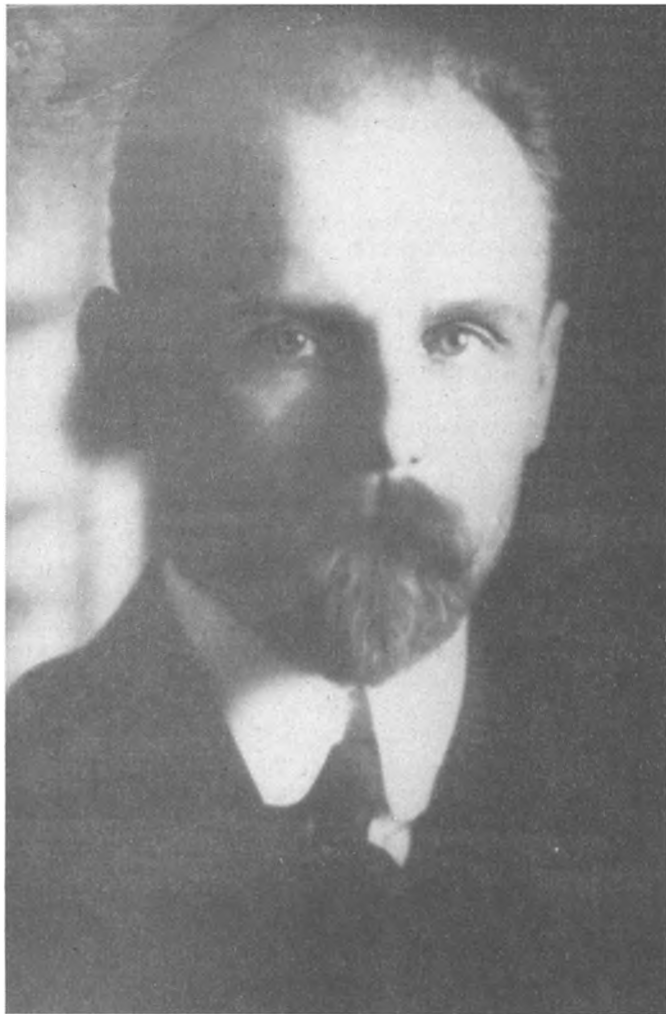
Тов. Сталин продолжал: «Том надо разделить на два самостоятельные тома. В 1 том перебросить 16 глав, кончая непосредственно до момента восстания. Я предлагаю назвать этот том либо: «Подготовка Великой пролетарской революции», либо «Подготовка Великой пролетарской революции». Где здесь больше стихийности?»

Алексей Максимович ответил, что во втором названии больше, но оно не совсем по-русски. Климент Ефремович предложил сохранить название «На путях к Октябрьской революции», на что Иосиф Виссарионович возразил, что тут слишком много от литературы. Кто-то предложил назвать том «Накануне Великой пролетарской революции», но тов. Сталин возразил, что тут уже слишком много стихийности, совершенно нет оперативности.

«Вообще надо дать такое название, чтобы чувствовалось, что революция не была искусственной, что она выросла из всех условий тогдашнего периода, но чтобы в названии чувствовалось, что революцией руководила наша партия».

В заключение было предложено временно назвать том «Перед Великой пролетарской революцией» и подумать о настоящем названии (кстати, через два дня после заседания Иосиф Виссарионович снова позвонил и спрашивал, есть ли уже название тома и, узнав, что мы еще с месяц будем работать над книжкой, он ответил: «Ладно, есть время подумать»).

После этого редактор начал объяснять каждую свою поправку, а поправки, встав-

ки и исправления имелись буквально на каждой странице. Достаточно сказать, что мы затратили уже три дня на перенос поправок в другие книги.

Общая оценка тома была дана в следующих словах: «Книжка сделана хорошо, написано просто, понятно, много интересного материала». Второй раз было сказано: «Поработали хорошо, книжка читается как роман».

Предложено издать книжку тиражом в 300 000, одновременно перевести на три языка: английский, французский и немецкий, сохранив все оформление. Остальные книги делать по образцу первой.

Таким образом, большой этап в нашей работе закончен. Признаюсь, что в моей личной работе тоже закончен известный этап.

Большое спасибо за теплое, хорошее отношение ко мне в процессе работы. Мне кажется, я его частично оправдал.

Всего доброго.

И. Минц

Там же. Д. 21. Л. 282–283. Заверенная машинописная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гамарник Ян Борисович (1894–1937) — государственный, партийный и военный деятель, армейский комиссар 1-го ранга (1935). Член КПСС с 1916 г. В 1917 г. один из руко-

водителей борьбы за установление Советской власти в Киеве. С 1920 г. председатель Одесского, Киевского губкомов КП(б) Украины. С 1923 г. председатель Дальревкома, крайис-

Источник 2/1996

полкома и секретарь Далькрайкома партии. В 1928 г. секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. С 1929 г. начальник Политуправления РККА, с 1930 г. зам. наркома обороны, зам. председателя РВС СССР. Член ЦК ВКП(б) с 1927 г.

Член ВЦИК и ЦИК СССР. Покончил жизнь самоубийством.

2. Здесь и далее в квадратных скобках текст в оригинале документа не пропечатан. Дается в реконструкции.

№ 10

Я. А. Берзин¹ — в Главную редакцию «Истории гражданской войны в СССР»

12 декабря 1935 г.

Дорогие товарищи.

В первом томе Истории гражданской войны в группе членов ЦК, избранных на 6-ом съезде партии, я помещен в одном ряду с бывшими членами ВКП(б), из которых двое уже в период Октября выступали как штрейкбрехеры и которые все впоследствии стали предателями и контрреволюционными злодеями.

Мне, конечно, и в голову не приходит думать, что составители этой группы имели намерение приравнять меня в политическом отношении к компании Зиновьева, Троцкого и др., с антибольшевистской деятельностью которых я не имел ничего общего ни в 1917 году, ни в дальнейшем, но все-таки впечатление теперь получается такое, что я к ним так или иначе приравнен. Именно так это будет истолковано всеми, кто не знает ближе моего политического прошлого. Такой вывод особенно напрашивается при сопоставлении данной группы с группой членов ЦК, избранных на апрельской конференции: там последний ряд целиком отведен только для одних штрейкбрехеров и изменников.

Я обращаюсь в Главную редакцию с просьбой внести некоторые изменения в упомянутую группу членов Октябрьского ЦК, избранного на шестом съезде. Так как первый том этой прекраснейшей книги еще не получил широкого распространения, то практически это еще осуществимо, причём, как мне кажется, это сделать не трудно без коренной ломки всей указанной группы. Например, если несколько сблизить размещенных в третьем ряду товарищей, то между ними нашлось бы место, скажем, для тов. Ногина² и в таком случае, передвинув меня на его место, можно было бы полностью изолировать зиновьевцев и троцкистов. Правда, в таком случае моими ближайшими соседями окажутся правые уклонисты, с оппортунистическими шатаниями которых я не имею также ничего общего ни на одном этапе революции, но они и теперь представлены в виде резкой обособленной группы, потому что в таком же ряду помещен и такой крепкий большевик как тов. Артем³, и если Главная редакция найдет возможным провести предлагаемое мною перемещение, то характер четвертого ряда еще несколько изменится.

Я твердо надеюсь, что Главная редакция примет во внимание мою просьбу и тем или иным способом выделит меня из преступной зиновьевско-троцкистской компании.

С товарищеским приветом

Я. Берзин

Там же. Л. 335–335 об. Подлинник. Машинопись. Подпись—автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Берзин (Зиемелис) Ян Антонович (1881–1938) — член КПСС с 1902 г. Участник революции 1905–1907 гг. в Латвии. Член Заграничного бюро ЦК РСДРП. Участник Октябрьской революции в Петрограде. В 1919 г. нарком просвещения Латвии. В 1919–1920 г. секретарь Исполкома Коминтерна. В 1921 г. полпред в Финляндии, в 1925–1927 гг. в Австрии. Член ЦК РКП(б) в 1917–1918 гг. Член ВЦИК, ЦИК СССР. Репрессирован.

2. Ногин Виктор Павлович (1878–1924) — член КПСС с 1898 г. Участник революции

1905–1907 гг. В 1907 г. избран членом ЦК РСДРП. В 1917 г. член ЦК РСДРП(б), один из руководителей Моссовета. В 1917 г. нарком торговли и промышленности, в 1918–1921 гг. зам. наркома труда. Председатель Центральной ревизионной комиссии РКП(б) с 1921 г. Член ЦИК СССР.

3. Артем (Сергеев) Федор Андреевич (1883–1921) — член КПСС с 1901 г. Участник революций 1905 и 1917 гг. в Харькове. Член ЦК РСДРП(б) в 1917–1918 гг., РКП(б) в 1920–1921 гг. В 1920–1921 гг. секретарь МК РКП(б), затем председатель ЦК союза горнорабочих.

Фотографии из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов

*Публикация
Николая СИДОРОВА*

«А ей аплодируют»

СЕКРЕТАРЮ МК И МГК ВКП(б)
тов. ПОПОВУ Г. М.

СПРАВКА

О выступлении т. ШАГИНЯН М. С. на партийном собрании Союза Советских Писателей

21-го августа 1945 г. проходило партийное собрание Союза Советских Писателей: об итогах V-го Пленума РК ВКП(б) «О результатах приема в ВКП(б) за первое полугодие 1945 года и воспитательной работе с коммунистами в Краснопресненской районной партийной организации».

На этом партийном собрании в прениях выступила член ВКП(б) с 1942 года ШАГИНЯН М. С., которая, не останавливаясь на работе партийной организации, высказала следующее:

«Внимание! Я расскажу жуткие вещи, что у нас творится?! Я была на Урале, там 15.000 рабочих Кировского завода взбунтовались, бунт самый настоящий, потому что плохие условия. Об этом узнали Райкомы и Обком ВКП(б) только тогда, когда наехали во время бунта. Директор на заводе не был два месяца. После этого бунта он отпустил 2 млн. рублей на благоустройство. Инвалидов Великой Отечественной войны кормят болтушкой. Они голодают.

На заводах работает много детворы, детвору эксплуатируют, истощают, обрекают» (мысли не кончает); обращается к собранию: «Вы видите, что делается»? Продолжим дальше, говорит: «Я была на Алтае, а там, что делается, ужас. Обкомы, Райкомы обжираются, жрут пайки рабочих, а рабочие голодают, ходят как тени, усталые, истощенные. Где же ленинское учение, где Сталинская Конституция?»

Продолжая далее, она говорит:

«Я была по Куйбышевской дороге. Покажу возмутительные дела, что делают генералы». Называет станцию, говорит: «Входит в мягкий вагон генерал в сопровождении другого военного. Вы ведь знаете, что мы — писатели ездим в мягких вагонах; проверяя документы, видят молодую женщину и предлагают ей освободить место для генерала. Разве это терпимо? Рядом сидел раненый подполковник, освобождает место генералу.

Где это видано, что это делается? Генералы наши разъезжают, разгуливают, а им почет и уважение.

Вот какие у нас порядки, вот что у нас делается.

При этом при всем у нас много пишут похвалы. Вот куда надо смотреть, вот о чем надо писать нам — писателям».

Возмутительное и непартийное выступление ШАГИНЯН вместо осуждения находит поддержку у некоторой (небольшой) части коммунистов, которая ей аплодирует.

После ШАГИНЯН выступил Лев Никулин, который выступление Шагинян обошел молчанием.

Выступившая т. Зорич отнеслась сочувственно к выступлению Шагинян.

Выступление т. Поликарпова, показавшего недостатки в работе парторганизации и отдельных коммунистов, особенно в работе над собой, по изучению теории и истории большевистской партии, и давшего оценку выступлению Шагинян, как неправильному и непартийному, не нашло единодушной поддержки всей парторганизации. Некоторая часть коммунистов осталась при своем мнении, разделяя точку зрения Шагинян.

О чем говорит выступление после т. Поликарпова коммуниста Родова, который говорит:

«Выступление Шагинян является призывом к нам — писателям, как писать и о чем писать, а т. Поликарпов ее неправильно понял».

Всего на собрании выступило 8 человек. Большинство выступающих говорило не конкретно, а вообще. Не касаясь жизни партийной организации.

О чем довожу, Георгий Михайлович, до Вашего сведения.

Примечание:

Выступления приведены не полностью. Выступления не стенографировались. Подробно о партийной организации, если разрешите, расскажу лично*.

СЕКРЕТАРЬ КРАСНОПРЕСНЕНСКОГО

РАЙКОМА ВКП (б)

ЛИКОВЕНКОВ

23.VIII.1945 года.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 28–30. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Александров Г. Ф. (1908–1961) — начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в 1940–1947 гг.

«По радио прозвучал фашистский гимн»

№ 1

Из протокола заседания Секретариата ЦК ВКП(б)

С-т 276/354-гс

11.IX. 1946 г.

О факте передачи по московскому радио музыки гимна кайзеровской и фашистской Германии.

ЦК ВКП(б) считает, что Всесоюзный радиокomitee (т. Пузин) допустил грубую ошибку, организовав 6 сентября с. г. передачу в эфир музыки гимна кайзеровской и фашистской Германии (исполнение «Кайзерквартета» Гайдна).

Обязать т. Пузину навести строжайший порядок в музыкальном радиовещании и принять меры к тому, чтобы впредь была полностью исключена возможность проникновения в радиопередачи идеологически чуждых советскому искусству музыкальных произведений.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Послано: т. т. Александрову, Пузину, Федосееву, Кузакову, Еголину.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 643. Л. 65. Копия.

№ 2

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. ЖДАНОВУ А. А.

6 сентября с. г. в 8 ч. 30 мин. вечера по основной программе центрального внутрисоюзного радиовещания была передана «Тема с вариациями» из квартета Гайдна, известного под названием «Кайзерквартета».

Мелодия этого квартета была использована в кайзеровской, а затем в фашистской Германии в качестве официального гимна со словами «Германия, Германия превьдше всего».

Таким образом, по московскому радио прозвучал фашистский немецкий гимн, что вызвало возмущение и негодование советских радиослушателей.

Проверка показала, что произведение Гайдна было передано в записи на грампластинке, привезенной Радиокomitee из Германии.

В опубликованных радиопрограммах это произведение не значитя, им было заменено другое произведение Гайдна в день передачи.

Проникновение в советское радиовещание музыки немецкого фашистского гим-

на является следствием безответственности работников Всесоюзного радиокомитета и прежде всего его председателя т. Пузина.

Считаю необходимым принять решение ЦК ВКП(б), осуждающее факт передачи по московскому радио музыки немецкого фашистского гимна.

Проект постановления ЦК ВКП(б) прилагается.

Г. Александров
Н. Саконтиков*

7. IX.46 г.

Там же. Л. 66. Подлинник.

«Непомерно восхваляется продукция фирмы»

№ 1

Из протокола заседания Секретариата ЦК ВКП(б).

С-т 279/293-гс

4.X 1946 г.

Об ошибке журнала «Вестник связи».

1. Считать, что редакция журнала «Вестник связи» допустила ошибку, опубликовав в № 7 журнала объявление американской фирмы РЦА в такой форме, при которой расхваливание заграничного радиооборудования происходит от имени редакции журнала.

2. Указать ответственному редактору журнала «Вестник связи» т. Генкину на недопустимость публикации объявлений заграничных фирм в подобной форме.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Послано: т. т. Александрову, Федосееву, Иовчуку, Еголину, Кузакову, Сергейчуку, Генкину

п. 2 — т. т. Андрееву Е., Ревскому

Там же. Д. 650. Л. 58. Копия.

№ 2

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. ЖДАНОВУ А. А.

Довожу до Вашего сведения об ошибке, допущенной в журнале «Вестник связи» № 7, вышедшем в июле 1946 г. (орган Министерства связи СССР, тираж 7.000 экземпляров).

На последних страницах этого журнала редакция поместила большое объявление крупной американской фирмы РЦА о выпускаемом ею радиооборудовании. В текстах к помещенным фотографиям непомерно восхваляется продукция фирмы.

Объявление не снабжено никаким редакционным комментарием, более того подано оно так, что у читателя складывается убеждение в том, что не американская фирма, а редакция журнала расхваливает американское радиооборудование. Следует заметить, что в этом номере журнала совершенно нет материалов о достижениях отечественной радиопромышленности.

Считаю необходимым указать министру связи СССР т. Сергейчуку и ответственному редактору журнала «Вестник связи» т. Генкину на недопустимость публикации реклам заграничных фирм в подобной форме.

Проект постановления ЦК ВКП(б) прилагается.

Г. Александров

25.IX.46 г.

Там же. Л. 59. Подлинник.

Публикация Максима ЛЕУШИНА

* Н. И. Саконтиков — зав. отделом радиовещания и радиофикации Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

«Некритически относился к антисоветской деятельности»

Спасибо журналу «Источник» Только из публикации «Пресечь враждебные проявления «русизма» (№ 6, 1994 г.) я узнал, что с должности главного редактора журнала «Человек и закон» я был снят по предложению председателя КГБ Ю. Андропова, который считал, что «Семанов С. Н. в своем окружении распространяет клеветнические измышления о проводимой КПСС и советским правительством внутренней и внешней политике, допускает злобные оскорбительные выпады в адрес руководителей государства» За этими грозными фразами кроется обвинение в «русизме», т. е. в русском традиционном мировоззрении. Секретная записка Ю. Андропова в ЦК КПСС датирована 28 марта 1981 г 17 апреля того же года меня сняли с работы. Что же случилось потом? В августе 1981 г. КГБ арестовало А. М. Иванова, автора многих «самиздатовских» работ, моего отдаленного знакомого. В марте 1982 г меня привезли в Лефортово, допрашивали два дня, устроили очную ставку с Ивановым, всячески угрожали. Все предъявленные мне обвинения я отрицал.

В июне состоялся суд над Ивановым. Он признал свою вину и получил «мягкий» приговор: год строгой изоляции (он уже отбыл его к тому времени в тюрьме) и пять лет ссылки. Судебная коллегия под диктовку КГБ направила «частное определение», касающееся меня (на суде оно не оглашалось). В итоге долгого разбирательства в писательской организации Москвы я получил строгий выговор с занесением в партийную карточку. Меня снова изгнали с работы — уже из скромного «Альманаха библиофила» и из педагогического института им. Ленина, где я долгие годы преподавал, изгнали со всех общественных должностей, негласно лишили права работать и печататься. Так продолжалось три года. Предлагаю вниманию читателей «Источника» копию частного определения, которую я самолично перепечатал на машинке парткома Московской организации СП с разрешения тогдашнего парторга В. И. Кочеткова. Прошу также опубликовать материалы «Радио Свобода» — сам я с ними познакомился совсем недавно.

Сергей СЕМАНОВ

№ 1

Копия

Частное определение

24 июня 1982 г. судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда под председательством Богданова В. В. в открытом судебном заседании установила:

москвич, научный сотрудник Иванов Анатолий Михайлович признан виновным в том, что будучи враждебно настроенным к существующему в СССР общественно-политическому строю, в 1971–1981 гг. умышленно в целях подрыва Советской власти систематически производил антисоветскую агитацию путем распространения, разномнения среди широкого круга лиц сочинений, содержащих клеветнические измышления против советского общественно-политического строя.

Иванов А. М. признал себя виновным в написании и распространении журнала «Вече», собственных работ «Рыцарь неясного образа», «Логика кошмара».

Материалами предварительного и судебного следствия установлено, что одним из лиц, с которым Иванов А. М. поддерживал постоянные отношения, являлся член Московского отделения Союза писателей Семанов Сергей Николаевич, которого интересовали работы, статьи Иванова А. М., его участие в «Вече» и сам журнал. Регу-

лярно с 1971 по 1974 г. Иванов А. М. передавал Семанову С. Н. экземпляры каждого из 10 выпусков, а Семанов за полученный экземпляр платил Иванову от 10 до 15 руб.

В 1977–1978 г. Иванов передал Семанову написанные им антисоветские пасквили «Рыцарь неясного образа» и «Логика кошмара».

Как видно из материалов уголовного дела, статья «Логика кошмара» написана Ивановым под влиянием идей Семанова, который их высказывал в беседах и разговорах с Ивановым.

В судебном заседании установлено, что Семанов, имея влияние своим авторитетом на Иванова, в своих беседах с ним по существу подстрекал Иванова к изготовлению и распространению клеветнических документов в отношении отдельных членов Союза писателей. Одним из таких документов является изготовленный Ивановым текст «По поводу письма Куняева»*, подписанный им «Василий Рязанов». Текст был размножен во многих экземплярах и разослан членам Союза писателей по списку, составленному Семановым (данное письмо не вменялось Иванову в вину по ст. 70 ч. I УК РСФСР).

Иванов на следствии и в суде показал, что Семанов, зная о наличии у него вызова на постоянное жительство в Израиль, настоятельно рекомендовал реализовать вызов, выехать за границу и начать там выпускать журнал, подобный «Вече».

В судебное заседание Семанов, вызванный в качестве свидетеля, по болезни не явился. В соответствии со ст. 286 УПК РСФСР показания Семанова, данные им в ходе предварительного расследования, были оглашены на судебном заседании. На очной ставке с Ивановым 24 марта 1982 г. Семанов подтвердил, что ему было известно об участии Иванова в издании нелегального машинописного журнала «Вече», что в журнале помещались статьи Иванова под псевдонимом «Скуратов», что от Иванова получал экземпляры всех выпусков журнала и за каждый платил по 10–15 руб.

Семанов также показал, что после прочтения очередного выпуска он его уничтожил. Такое заявление Семанова подтверждает, что ему была понята антисоветская направленность журнала. Остальные обстоятельства Семанов отрицал.

Материалы предварительного и судебного следствия не дают основания коллегии полагать, что Иванов умышленно оговаривает Семанова, тем более, что факты, о которых давал показания Иванов, как в отношении конкретных обстоятельств, так и в отношении конкретных лиц, нашли объективное подтверждение в суде. И Иванов и Семанов показали, что отношения между ними были нормальные, доверительные, неприязни и вражды между ними не было.

Судебная коллегия признает указанные выше фактические действия Семанова подтвержденными материалами предварительного и судебного следствия.

Все выше приведенные обстоятельства свидетельствуют о недостойном поведении Семанова, кандидата исторических наук, члена ССП и состоящего в рядах КПСС, который не только некритически относился к антисоветской деятельности Иванова, с которым длительное время поддерживал тесные отношения, но по существу своими разговорами и советами поощрял противоправную деятельность Иванова.

Судебная коллегия находит, что изложенные факты недостойного поведения Семанова должны стать предметом обсуждения Московского отделения Союза писателей и его партийной организации.

Копию частного определения направить первому секретарю Московской писательской организации Ф. Ф. Кузнецову, секретарю парторганизации В. И. Кочеткову для обсуждения и принятия мер по отмеченным в определении вопросам в отношении Семанова С. Н.

28 июня 1982 г.

И. о. председателя Московского городского суда

Л. К. Миронов

№ 2

РАДИО СВОБОДА: МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОТДЕЛА

15 октября 1982 года

РС 164/82

АРЕСТ СЕРГЕЯ СЕМАНОВА

Ю. Вишневская

По неподтвержденным сообщениям, в начале августа 1982 г. в Москве был

* В феврале 1979 г. С. Ю. Куняев, секретарь Московского отделения СП, направил письмо в ЦК КПСС, в котором говорил о сионистском влиянии в идеологии.

арестован* Сергей Николаевич Семанов, историк, журналист, редактор, литературный критик. И, что самое удивительное — номенклатурный работник. Ибо Семанов был арестован по политическому обвинению и содержится в Лефортовской тюрьме КГБ.

Официальная биография Семанова такова: Сергей Николаевич Семанов родился 13 января** 1934 г. в Ленинграде. Окончил исторический факультет Ленинградского университета. Печатался в различных советских изданиях, начиная с 1956 г. Длительное время работал в научных учреждениях. Автор книг «Макаров», «Памятник «Тысячелетие России», «Сердце Родины» (сборник литературно-критических статей), «Тихий Дон»: литература и история», «18 марта 1921», «Брусиллов», «Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 года». Автор ряда работ по русской истории и истории русской гражданской войны 1918–1920 гг. Кандидат исторических наук. С 1969 г. — заведующий редакцией серии «Жизнь замечательных людей» издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». В ноябре 1976 г.*** утвержден главным редактором научно-популярного журнала Министерства юстиции СССР «Человек и закон». Член коллегии Министерства юстиции СССР****. Член КПСС.

Начиная с июня (№ 6) 1981 г. Семанов перестал возглавлять редакцию журнала «Человек и закон», причем, насколько это известно, не по своей воле, несмотря на то, что в бытность его главным редактором в журнале помимо статей, посвященных правому просвещению широких народных масс, регулярно публиковались разного рода «разоблачения» западного образа жизни при отсутствии, с другой стороны, материалов с критикой каких бы то ни было явлений советской действительности. В момент своего ареста Семанов возглавлял один из отделов издательства «Молодая гвардия».

Неофициально Семанов известен в качестве одного из столпов т. н. «эстаблементской правой» (пользуясь выражением эмигрантского исследователя этого феномена Александра Янова), одним из крупнейших теоретиков «национал-большевизма» (сводящегося, по сути дела, к соединению традиций крайне правых учений дореволюционной России с традициями сталинизма, прежде всего, позднего сталинизма периода печально известной «борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом»). Славе такой Семанов обязан одной из своих статей, опубликованных в журнале «Молодая гвардия». Тогда в статье Семанова «О ценностях относительных и вечных», в которой интеллигенция прежде всего увидела попытку оправдания сталинского «великого террора», в частности, говорилось:

Теперь ясно видно, что в деле борьбы с разрушителями и нигилистами перелом произошел в середине 30-х годов [...]. Мне кажется, что мы еще до сих пор не осознали всю значимость гигантских перемен, случившихся в ту пору. Эти перемены оказали самое благотворное влияние на развитие нашей культуры.

В той же статье Семанов объявил Октябрьский большевистский переворот 1917 г. (который, к слову сказать, в среде «диссидентской правой» считается результатом деятельности иностранцев и инородцев, венгров, евреев, латышей, китайцев) «бесценным национальным достоянием», «великой русской революцией, открывшей новую эпоху в судьбе Родины и всего мира».

Эта статья Семанова произвела целую бурю в Самиздате, где тогда, в 1970 г., еще не было разделения на диссидентов «правых» и «левых», «западников» и «националистов». В частности, в то время еще всеми диссидентами почитаемый историк-марксист Рой Медведев посвятил «Молодой гвардии» и Семанову значительную часть «Политического дневника» № 75 за декабрь 1970 г. По сведениям Роя Медведева, в числе других авторов, писавших свои статьи с критикой «Молодой гвардии» в редакции ряда советских журналов, были Феликс Кузнецов (ныне первый секретарь правления Московской писательской организации) и Раиса Лерт (ныне последний не арестованный член редколлегии свободного самиздатского журнала «Поиски»). Однако ни «Новый мир» статью Кузнецова, ни «Вопросы литературы» статью Лерт, ни какой-либо другой советский журнал какую-либо критическую статью на эту тему не опубликовал. Статья Лерт увидела свет два года спустя в сборнике «Новый колокол», в Лондоне*****. А Кузнецов, хотя и гораздо позже, но все-таки дождался своего часа: именно с его статей в «Вопросах литературы» и «Литературной газете» начался официаль-

* Ошибка: С. Н. Семанов арестован не был.

** Неточность: 14 января.

*** Неточность: в декабре 1975 г.

**** С. Н. Семанов членом коллегии Минюста никогда не состоял.

***** Раиса Лерт. Трактат о прелестях кнута.// Новый колокол. Лондон, 1972. С. 55–74.

ный поход на «неославянофилов» и «национал-коммунистов» в советской историографии и истории литературы*.

Мало кому, однако, известно, что Семанов отнюдь не всегда был тем поборником «идеи русской великодержавности», каким он представился автору «Трактата о прелестях кнута».

Так, еще в 1957 году Семанова таскали в ленинградское КГБ по делу т. н. «Союза коммунистов», и он категорически отказывался дать какие бы то ни было удобные следствию показания, валя свои «не знаю» и «не помню» на опьянение. Уже после суда Семанов писал письма в лагерь одному из осужденных по этому делу Борису Пустынцеву (кстати, единственному из них не коммунисту, а либералу)**.

В декабре 1966 г. Семанов в соавторстве с другим кандидатом исторических наук В. Старцевым опубликовал в «Новом мире» Твардовского «вольнодумную» рецензию на книгу «ветерана комсомола» А. Н. Ацеркина, за что был удостоен разноса на страницах «Комсомольской правды»***.

Переворот в мировоззрении Семанова странным образом совпал с моментом его переезда из Ленинграда в Москву и назначением на ответственный пост в издательстве ЦК комсомола. Именно с этого момента Семанов начинает регулярно публиковаться в «Молодой гвардии» и становится одним из вождей «охранительного направления» в советской исторической науке, продолжая одновременно делать карьеру.

Тем не менее, отдалившись в силу вышеизложенного от своих старых друзей, Семанов по всему сблизился с диссидентами совершенно другого направления.

11 августа 1981 г. в Москве был арестован представитель крайне первого****, т. е. безрелигиозного и расистского, крыла русского национального движения Анатолий Михайлович Иванов (известный в Самиздате под многозначительным псевдонимом М. Скуратов — в честь знаменитого сподвижника Ивана IV Грозного, Малюты Скуратова).

В декабре того же года поступили сообщения, что по делу Иванова вызываются на допросы в КГБ или называются в ходе допросов к тому времени уже полгода как бывший главный редактор*журнала «Человек и закон» С. Н. Семанов и два сотрудника редакции этого же журнала, недавно удостоенный высшего в СССР звания «Народный художник СССР» личный портретист Л. И. Брежнева Илья Глазунов, работник Генштаба советской армии и два сотрудника КГБ. В середине апреля 1982 г. стало известно, что Иванов дает «откровенные» показания. 13 мая был арестован первый из «свидетелей» по делу Иванова (Скуратова) — бывший политзаключенный Леонид Бородин.

Пока еще невозможно распознать, чем вызван арест Семанова: какими-нибудь из ряда вон выходящими «разоблачениями» Иванова или — что может быть гораздо страшнее — продолжением его спора с Феликсом Кузнецовым другими средствами. И в том и в другом случае подобный неожиданный арест бывшего члена коллегии Министерства юстиции СССР есть происшествие сенсационное. Такое развитие событий не может не потревожить и тех, кто не разделяет ни взглядов «национал-коммуниста» Семанова, ни воззрения ортодоксального коммуниста Кузнецова.

Ведь в конце концов, при всех самых фантастических слухах, распространяемых в связи с делом Иванова—Бородина—Семанова, нет ни одного, который в конце концов не сводился бы к тому, что все арестованные по этому делу посажены в тюрьму за высказывание неортодоксальных убеждений.

* Феликс Кузнецов. Вечно живые заветы (наследие революционных демократов и проблемы методологии современной критики)// «Вопросы литературы». 1979. № 12. С. 101–145. Он же. Родословная нашей идеи (революционно-демократическая критика и современность)// «Литературная газета». 22.10.1980. С. 4.

** С. Н. Семанов к этому делу не привлекался. Осужденному Б. Пустынцеву отсылал в лагерь книжные бандероли.

*** А. Мильчаков, А. Безыменский. «Кто же превеличивает?»// «Комсомольская правда». 24.3.1967. С. 2.

**** Видимо, следует читать: «крайне правого».

Когда убит Артузов?

В «Источнике» № 4 за 1995 год в публикациях «Мой труд не принесет мне ничего, кроме горя. Из переписки Б. В. Савинкова» и «Ряд иностранных разведок действует по нашим указаниям. Версия ОГПУ» даны примечания об Артузове (Фраучи) Артуре Христиановиче — советском государственном деятеле, члене коллегии ВЧК, ГПУ, ОГПУ с 1919 года, до начала 30-х годов начальнике отдела контрразведки. В первом случае даты жизни и смерти — 1891–1943, во втором — 1891–1938. Это заметили читатели. Разумеется, такое разночтение — несомненная оплошность редакции. Но причина гораздо глубже.

Откуда взялась дата смерти — 1943 год, указанная, кстати, в «Советском энциклопедическом словаре»? Когда сестра А. Х. Артузова, Евгения Христиановна, вернувшись из ссылки, подала заявление о реабилитации брата, Военная коллегия Верховного суда СССР постановила: «Решение тройки НКВД от 21 августа 1937 года в отношении Артузова (Фраучи) Артура Христиановича отменить и дело о нем прекратить». Посмертная реабилитация. Е. Х. Артузовой сообщили, что ее брат, «отбывая наказание, умер 12 июля 1943 года».

Так и утвердилась эта дата в официальных справочных изданиях. Дата, увы, придуманная «реабилитаторами». Как это делалось, «Источник» уже писал (1993. № 1. С. 83–84). Еще в 1955 году с ведома ЦК КПСС и по согласованию с Прокуратурой СССР Комитетом госбезопасности было издано указание № 108 сс, определяющее порядок рассмотрения заявлений граждан, интересующихся судьбой лиц, расстрелянных по решениям несудебных органов. Согласно этому указанию органы безопасности общали членам семей расстрелянных, что их родственники были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах лишения свободы. Назывались вымышленные даты и причины смерти. Такой «порядок информирования» действовал и в 1960-е годы. Словом, вымышленная дата смерти А. Х. Артузова — одна из сотен тысяч подобных.

Но ведь есть и другая дата — 1938 год! Да, она появилась в ряде публикаций в последние годы. Дело в том, что в феврале 1938 года КПК исключил А. Х. Артузова из партии. Видимо, авторы некоторых публикаций на основании решения КПК «вычислили» новую дату смерти.

По просьбе «Источника» архивисты ФСБ подняли дело Артузова. В нем — приговор «тройки» (Ульрих, Бельский, Рогинский) от 21 августа 1937 года: расстрелять! Тут же справка о том, что приговор в тот же день приведен в исполнение.

На основании этого «Источник» вносит поправку в примечания: Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891–1937).

Владимир ДЕНИСОВ

ОПИСАНИЕ РОССИИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

Путь из Иркутска в Петербург занял в 1891 г.
полтора месяца.
*Воспоминания об этом путешествии оставила
иркутянка К. А. Яковлева.*

«О железной дороге шли только одни разговоры»

Иркутск. Понтонный мост. Конец XIX — начало XX в.

Автор воспоминаний о путешествии из Иркутска в Петербург до постройки железной дороги — Калерия Александровна Яковлева-Козьмина. Она принадлежала к кружку учащейся молодежи, группировавшейся вокруг Г. Н. и А. В. Потаниных, известных исследователей Центральной Азии и Сибири, поселившихся в середине 1880-х годов в Иркутске. Общение с ними пробуждало у окружавшей их молодежи интерес к науке и общественной жизни. Особым авторитетом пользовалась А. В. Потанина, первая появившаяся в Иркутске женщина-ученый. Молодых иркутян поражала деятельная энергия Потаниных, их высокие нравственные качества, подвижничество во имя науки, удивительно скромный быт. Отъезд Потаниных из Иркутска [в 1889 г.] К. А. Яковлева

переживала как большую утрату: не стало центра, объединявшего иркутскую интеллигенцию, импульса, дававшего ей жизнь и движение.

Неудивительно, что, потеряв работу, К. А. Яковлева решила ехать в Петербург, куда к этому времени переехали Потанины и где она мечтала продолжить образование на Высших женских курсах.

Выехав из Иркутска 10 июля 1891 г., она провела в пути более полутора месяцев и добралась до Петербурга вечером 28 августа. «Проснувшись рано утром в номере... я все еще находилась под впечатлением грандиозного, выросшего передо мной в ночном мраке и залитого волнами электрического света Петербурга... Удивительно ли, что первой мыслью оробевшей и ошелом-

ленной провинциалки было найти Потаниных, единственных знакомых людей, с которыми меня сближало воспоминание о далеком родном уголке». Поселившись в интернате, К. А. Яковлева каждое воскресенье проводила в семье Потаниных, с их помощью привыкая к незнакомым людям, осваиваясь с новыми условиями жизни. О Потаниных К. А. Яковлева написала воспоминания для биографического очерка в посмертном сборнике научных трудов А. В. Потаниной*

Второй опыт воспоминаний К. А. Яковлевой-Козьминой связан с той же памятной поездкой из Иркутска в Петербург. В сентябре 1936 г. один из составителей книги воспоминаний о В. И. Сурикове — А. Н. Турунов записал с ее слов рассказ о В. И. Сурикове и его дочерях, с которыми она познакомилась в пути**

Возможно, что эта публикация побудила К. А. Яковлеву описать целиком все путешествие, включив в него уже известный эпизод о встрече с Суриковым. Вероятно, в работе она использовала старые путевые заметки, содержавшие даты прибытия в отдельные пункты, время пребывания в них, цены на купленные в пути продукты и т. п.

В апреле 1941 г. текст воспоминаний в рукописи был передан в редакционную

коллегию альманаха «Новая Сибирь» На первом листе рукописи имеются поставленные в мае 1941 г. резолюции Г. М. Маркова и Г. Ф. Кунгурова, членов редколлегии, о публикации воспоминаний К. А. Яковлевой-Козьминой в 10-м выпуске альманаха. Тогда же, по видимому, была сделана машинописная копия воспоминаний с незначительной стилистической правкой. Однако начавшаяся война изменила планы. В 10-м и в последующих выпусках альманаха воспоминания не были опубликованы. В 1943 г. не дождавшись публикации, К. А. Яковлева умерла. Из редакции альманаха рукопись и машинописный вариант воспоминаний попали в научную библиотеку Иркутского государственного университета, а оттуда — в Государственный исторический музей***

Живой и искренний рассказ К. А. Яковлевой-Козьминой о путешествии из Иркутска в Петербург в наши дни действительно воспринимается как «легенда прошлого». Он содержит не только любопытный фактический материал, но и дает представление об идеалах и духовном мире иркутской девушки конца XIX в.

Хочется надеяться, что воспоминания К. А. Яковлевой-Козьминой понравятся читателям.

ПОЛВЕКА НАЗАД

Из воспоминаний иркутянки

1. С караваном золота.

Пятьдесят лет назад о железной дороге шли только одни разговоры¹ и вопрос о проезде из Сибири в Россию, как принято тогда было говорить, был очень сложный, тяжелый, особенно для учащейся молодежи, стремившейся в центр ради высшего образования и материально необеспеченной.

Мне хочется поделиться воспоминаниями о том, что становится уже легендой прошлого, при каких необычных условиях удалось мне добраться из Иркутска до Петербурга, чтобы поступить на Высшие Женские Курсы².

Отъезд был назначен на 10 июля 1891 г. К 8 часам утра мы, группа отправляющейся молодежи, собрались во дворе золотоплавильни на набережной Ангары. Утро было прекрасное. Чистое голубое небо, яркое солнце. От холодных вод Ангары доносился бодрый свежий воздух, пропитанный каким-то специфическим ароматом, которого я не встречала больше ни у какой другой реки.

В обширном дворе золотоплавильни, за старинной каменной оградой происходило большое оживление. Двор был заполнен повозками, запряженными тройкой сильных, крепких лошадей, вокруг которых сустились ямщики, переговаривались и поправляли упряжь. В широко растворенные ворота прибывали экипажи с багажом, чемоданами и людьми, одетыми по-дорожному, с обязательной кожаной сумкой через плечо. Все говорили, шумели, здоровались, обменивались пожеланиями.

Это отправлялся из Иркутска очередной караван с золотом, добытым на разных приисках Восточной Сибири и переработанным в слитки в местной золотоплавильне. Золото отправлялось в длинных плоских ящиках, пудов по 12 в каждом. Ящики приковывались ко дну специально для этого устроенных повозок, числом до 14–15 на

* Потанина А. В. Из путешествий по Восточной Сибири. М., 1895. С. I–XIII.

** Турунов А. Н., Красноженова М. В. В. И. Суриков. М.—Иркутск, 1937.

*** ОПИ ГИМ. Ф. 476. Ед. 3. Л. 16–62.

А. В. Потанина. 1887 г

караван. Начальником каравана назначался кто-нибудь из старших чиновников. В данном случае это был сам начальник золотоплавильни И. А. Огильви, ехавший с женой и ребенком. Для охраны давалась группа казаков, по 2 человека на каждую повозку. Но случаев нападения на караван почти не бывало, и постепенно число казаков уменьшалось. Возможностью бесплатного проезда в караване стали пользоваться чиновники, возвращавшиеся на родину или едущие в отпуск, так как проезд из Сибири при ее отдаленности из расчета по 3 коп. с версты и другие расходы обходился очень дорого. С летними караванами стали отправлять учащуюся молодежь.

В числе таковых оказалась и я, молоденькая учительница, только что вылетевшая со службы, благодаря столкновениям с тогдашним инспектором народных училищ Троицким-Сенютовичем, оставившим по себе печальную память среди иркутского учительства. Я была не единственной его жертвой, и многие отнеслись ко мне с большим сочувствием.

Григорий Николаевич Потанин^{3*}, глубоко уважаемый учитель и друг сибирской молодежи, выхлопотал мне небольшую стипендию у известной тогда сибирячки-благотворительницы Анны Михайловны Сибиряковой⁴, с обязательством возврата денег, по окончании ученья, в Петербургское общество вспомоществования учащимся сибирякам.

Мечта о высшем образовании жила во мне чуть ли не с младших классов гимназии, но отсутствие средств не давало возможности ее осуществить, и по окончании курса гимназии я поступила учительницей в одну из начальных городских школ.

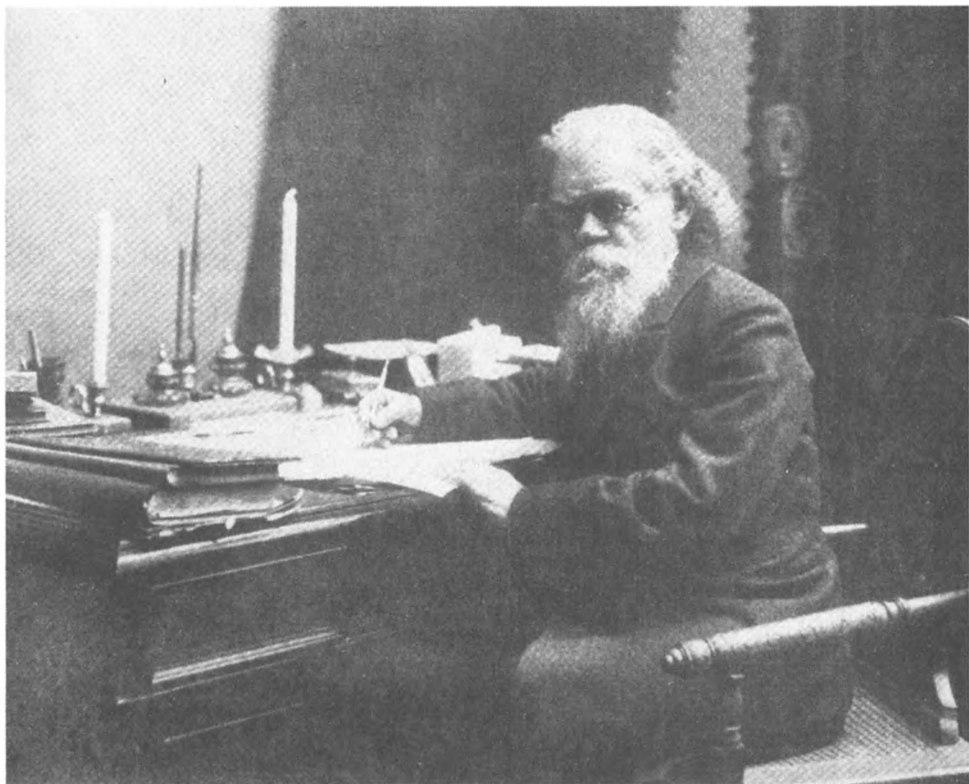
Таким образом, увольнение из школы, тяжелое само по себе, сыграло в моей жизни решающую роль и оказало счастливое влияние на осуществление моей мечты, благодаря участию и хлопотам расположенных ко мне лиц, в том числе известного всем иркутянам Всеволода Ивановича Вагина^{**5}.

Мне удалось собрать некоторые средства на дорогу и попасть в число «охранителей» каравана с золотом.

* Известный сибирский путешественник и ученый. — *Прим. автора.*

** В. И. Вагин, писатель, журналист, редактор издававшейся в Иркутске газеты «Сибирь», бессменный член городской думы, уважаемый общественный деятель. — *Прим. автора.*

Г. Н. Потанин. Начало 1900-х гг.

В числе ехавших с караваном чиновников был директор народных училищ Василий Корнилович Златковский, очень честный и доброжелательный человек, также вынужденный оставить службу при тогдашних печальных условиях. Была большая группа мужской молодежи из окончивших гимназию, духовную семинарию и другие учебные заведения. Среди них помню будущих врачей А. Ф. Попова, Н. И. Родионова, Фурмана, Стрелкова, Юдалевича (потом профессор Иркутского университета) и поляка Тышко, из промышленного училища, ехавшего учиться за границу*. Были три молодые девушки, Лаутерштейн, Куликова, Бессонова, и 10-летняя девочка Маруся Войно, которую родители отправляли на Урал к бабушке.

Нас проверили по спискам, распределили по повозкам с указанием кому с кем сидеть. Мы сложили свои вещи, чемоданы, мешки, корзины с провизией под обширные козлы. Повозки плотно закрывались кожаными фартуком и фордеком сверху, для защиты от дождя, ветра и ночного холода.

Когда приготовления были окончены, отслужили молебен, генерал-губернатор Горемыкин⁶ произнес напутственное слово. Началось прощание с родными и знакомыми. Послышались рыдания, последние горячо сказанные слова, объяснения. Начальник каравана дал свисток, все сели на свои места. Новый свисток — ямщики натянули вожжи, хлопнули бичами, и повозки гуськом стали выезжать со двора, направляясь к переправе через Ангару, у Московских ворот**⁷ в конце Ланской ул. (теперь Декабрьских событий). Повозки не поместились все сразу на плашкоут⁸, их перевозили постепенно. Когда все повозки были переправлены, они выстроились друг за другом и опять по свистку полетели вперед, с веселым оживлением залились под дугой отвязанные за городом колокольчики.

По заведенному обычаю, некоторых отъезжающих родные провожали до Иннокентьевского монастыря. Здесь весь караван остановился и служили молебен. Здесь

* Ехали два брата Костины, Налетов, Пастухов, читинец Ва[...]енбург, два семинариста, И. И. Попов и Малышев, чиновник Троицкий с семьей, провизор Круковский и др. — *Прим. автора.*

** Московские или Триумфальные ворота были выстроены в 1812 г. в память избавления России от нашествия французов. Это было монументаль-

ное сооружение, довольно стильное. См. картину художника Лодейщикова. — *Прим. автора.*

уже окончательно прощались, в последний раз обнялись со слезами и поцелуями. Предстоял далекий путь и расставались на долгое, долгое время.

Я ехала до сих пор со своими родными и теперь переселилась в назначенную мне повозку. С громкими рыданиями уткнулась я в свою подушку и не могла с собой справиться. Мысль о предстоящей поездке, разлука с родными и близкими, расставание с родным городом, из которого я до сих пор ни разу не выезжала, сознание одиночества — все вызывало какой-то страх и большую тоску.

Ритмичный звон колокольчиков, быстрое движение экипажа понемногу начало успокаивать, усталость тоже брала свое. Со мной в повозке сидела Маруся Войно, живая бойкая девочка. Она с недоумением и участием следила за мной и наконец спросила: «Разве вас насильно заставили ехать?» И мне трудно было объяснить ей, как тяжело давалась мне разлука. Она только что простилась с отцом и матерью, немного поплакала, но сразу успокоилась и была довольна поездкой.

Ехать было удобно. На ящике с золотом лежало такое количество сена, что он не чувствовался. Сено покрыто ковром, сверху постель и подушки, за которыми сзади помещался мой большой мягкий чемодан. Было уютно и настолько просторно, что можно было свободно вытянуться, когда хотелось спать.

На первой же станции, в деревне Боковой, переменили лошадей. Делали это чрезвычайно быстро. Как только караван останавливался, ямщики соскакивали с козел и отпрягали лошадей. Около каждой повозки уже стояли новые ямщики со своими лошадьми, и через несколько минут мы снова мчались вдаль под звон колокольчиков. На следующей станции, в деревне Суховской, остановка была более продолжительной, все выбрались из повозок, пили чай на станции и закусывали. Здесь началось первое знакомство пассажиров между собой.

Перед наступлением ночи мы разложили постельные принадлежности, упростили несколько одежду и улеглись спать. И спали крепко-крепко, убаюканные движением, звоном колокольчиков, чистым воздухом лесов и полей. Как останавливались ночью, меняли лошадей, мы не слышали и проснулись утром на новой остановке, где нам предложили умыться и выпить чаю.

Первое время мы питались своими подорожниками и тащились на станцию с корзинами и мешками, обмениваясь продуктами и угощая друг друга. А дальше пришлось заботиться о приобретении продуктов у крестьян. Мы разбивались на группы и покупали сообща молоко, хлеб, яйца. Иногда удавалось достать и мясо, курицу, даже ши.

Так продолжалось наше путешествие еще много, много дней. Во время длинных перегонов караван останавливался 1–2 раза, ямщики давали роздых лошадям, поправляли упряжь, закуривали трубки. С этого времени запах махорки на свежем воздухе всегда переносил меня в далекое прошлое и вызывал теплые воспоминания.

Мы пользовались этими остановками, выскакивали из повозок, чтобы размять ноги, побегать, погулять в лесу, собирали цветы, иногда попадались ягоды.

Первый раз в жизни я видела тайгу с ее мрачной тишиной и плотно сомкнутыми деревьями. Впервые видела луга, покрытые бесконечно разнообразными сибирскими цветами, далеко раскинувшиеся хлебные поля, крестьян на покосе, на жатве.

Сама дорога, «Сибирский тракт»⁹, представляла прекрасное ровное полотно. Ежегодно крестьяне, отбывая тяжелую дорожную повинность, исправляли мосты, дорогу, посыпали ее щебнем, песком, укатывали, проводили канавы. Много труда забивалось на наш Сибирский тракт и много горя он видел. В этом году тракт был особенно тщательно приведен в порядок, так как готовились к приезду Наследника престола, возвращавшегося из Японии (впоследствии императора Николая II)¹⁰. Мы ехали почти вслед за ним. Не только дорога, но и все станции были отремонтированы, вычищены, кое-где красовались арки с высохшими и еще не опавшими украшениями из веток и цветов.

Еще живы были впечатления от этого проезда, передавались разговоры, описывались отдельные случаи, но все в благодушном тоне, потому что свита проехавшего Наследника денег не жалела, — расплачивалась за все щедро. Сам Наследник платил золотыми пятирублевками, как с восторгом вспоминали об этом «счастливыцы».

Дни стояли жаркие, и только быстрая езда несколько облегчала наши страдания от жары. Но лошадям было тяжело, над ними постоянно вились паузы¹¹ и оводы, от которых они бешено отмахивались хвостами и гривой, особенно на остановках. Страдали мы и от пыли, которая поднималась лошадьми и повозками. Пыль неслась над

караваном тучей, проникала в повозку. На станцию мы приезжали с почерневшими лицами и устремлялись умываться и вытряхивать одежду.

Чудесные были ранние утра с их свежей прохладой. Хороши были тихие вечера с заходящим солнцем и игрой ярко окрашенных облаков. Как прекрасно было летнее небо ночью с бесчисленными яркими звездами. Надо было безвыездно жить в городе, как я, чтобы понять мой восторг от этого наслаждения природой и ее красотами.

Погода не все время стояла хорошая. Между Кутуликом и Залари¹² уже к ночи нас настигла большая гроза с ослепительной молнией, оглушительными раскатами грома, от которых лошади останавливались. Ветер рвал во все стороны, дождь хлестал ручьями. А нам пришлось спускаться с большой горы. Повозки были подторможены, но колеса раскатывались на скользкой глине. Было очень жутко, темно, и мы с Марусей струсили и жались друг к другу. Несмотря на поднятый фаргук и опущенный фордек, дождь с ветром проникал внутрь повозки, и мы скоро совершенно промокли и озябли. На станции двор был так залит водой, что пришлось прямо прыгать в глубокую лужу. К нам с Марусей пришла на помощь наша молодежь и нас на руках доставили до крыльца станции, а затем пришлось вынуть и наше промокшее имущество, чтобы просушить. Почему-то наша повозка оказалась более неисправной, чем другие, и потребовала ремонта. В эту ночь мы остались ночевать на станции и легли на полу, вповалку. Но от пережитых волнений и необычайной обстановки спали плохо, мешая друг другу еще и разговорами. На другой день хозяева предложили мне купить войлок, чтобы укрываться от дождя в дальнейшем. И как потом я была благодарна им за это! Большой плотный войлок защищал не только от дождя, но и от холода.

Утром дождь продолжался, было холодно, мрачно, но мы так хорошо обогрелись, обсушились, что бодро забралась в свои повозки и целый день крепко спали.

Как-то ночью мы поднимались в гору, а навстречу шел большой обоз. Лошади в обозе вдруг чего-то испугались, понеслись, налетели на караван. Две лошади свалились в канаву вместе со своей поклажей и разбились насмерть, а другие сильно покалечились. Сколько поднялось шума, крика, ругани! Казалось, на каком-то иностранном диалекте говорили.

Мы со сна подумали, что на караван напали разбойники, очень испугались, Маруся заплакала. Потом выяснилось, что для каравана все обошлось благополучно, и мы продолжили наш путь. В некоторых местах дорога была размыта дождем, и к повозкам припрягали еще 1–2 лошади, на них садился другой ямщик, и оба ямщика соединенными усилиями, хлопая бичами, заставляли лошадей двигаться.

Особенно трудно было проезжать через деревни. Насколько хорошо был устроен тракт, настолько ужасны были деревенские улицы. По сибирскому обычаю, все избы выстраивались в одну линию и тянулись иногда не одну версту. Во время дождей эти улицы представляли сплошное месиво грязи, и лошади шли по брюхо в воде, тяжело ступая ногами, разбрызгивая комки грязи во все стороны. Мы плотно закрывали повозку, но и это не спасало: липкие, вонючие комки облепляли повозку, проникали внутрь и норовили залепить лицо и глаза. Было скучно и неприятно.

Вообще же, когда притупились первые впечатления новизны, когда все сделалось знакомым и привычным, а мы ехали в таких условиях 20 дней до Томска, безделье стало утомлять. Но чем разнообразить время? Часть молодежи занялась карточной игрой, иногда выпивкой, иногда распевали песни, а больше всего спали от остановки до остановки. Читать во время езды было невозможно. Очень страдала от вынужденной неподвижности живая, веселая и шаловливая Маруся. Теперь и она начала поплакивать, жалуюсь на скуку. Пришлось занимать ее сказками. Очень ее увлекли рассказы из греческой мифологии и скоро так прославили рассказчицу, что в нашу повозку присаживались молодые пассажиры и сами принимали участие в рассказах. Понемногу возникали беседы, споры на разные темы. Только что кончилось ученье, позади была школа, школьная дисциплина. Начали сознавать себя взрослыми, самостоятельными. Спорили и обсуждали планы дальнейшей жизни и работы. Будущее заманчиво своей неизвестностью, разукрашено мечтами. Постепенно [выделилась] группа, объединенная общими интересами, товарищескими отношениями, дружеским вниманием и взаимными услугами.

II. Города

Более продолжительные остановки мы делали по городам, где осматривались и починались повозки, а мы получали возможность вымыться в бане, переодеться, по-

обедать в гостинице и вообще ходить, осматривать город, делать кое-какие покупки, написать письма.

Такой первой остановкой был Нижнеудинск, куда мы прибыли 26 июля. Городок маленький, невзрачный, более похожий на деревню, с красивыми окрестностями, на берегу небольшой Уды, через которую мы переправлялись на маленьком плашкоте целых три часа, так как на нем помещалась только одна повозка. Вообще переправы через реки занимали много времени, мостов больших нигде не было. И этим объясняется отчасти, что мы ехали так медленно.

29 июля мы были в Канске. Попали в базарный день и могли купить кое-что из провизии — свежего хлеба, сахару, яиц и т. п. Нас поразила дешевизна: 3 коп. десяток огурцов, 4 коп. десяток кедровых шишек, 5 коп. десяток яиц, 5 коп. кринка молока и т. д.

30 июля остановка была в Красноярске, где мы пробыли двое суток, с удовольствием оценивая возможность раздеться на ночь и спать на кровати, хотя и стали жертвой местных кровопийц — клопов. За дорогу мы страдали только от блох, захваченных на станциях. А какое удовольствие вымыться в бане после 9 дней пути! Мы хорошо пообедали, а вечером отправились ужинать в чудесный городской сад, где была масса клумб с цветами и красивые тенистые аллеи. Сад этот был уголком естественного леса на берегу Енисея, отгороженного когда-то заботами какого-то губернатора¹³. В нем были могучие деревья: сосны, ели, даже кедры, много сибирской яблони, черемухи, заботливо почищенных и выправленных. Было разбросано несколько беседок; помню одну, устроенную наподобие китайской пагоды, отделанную цветными фонариками, стеклянными подвесками и колокольчиками. Вообще Красноярск нам очень понравился — улицы широкие, прямые, кое-где скверы и площади. Дома большие, каменные, заботливо окрашенные в розовый голубой, красный, желтый или серый цвета. Город расположен на берегу широкого, многоводного Енисея, кругом утрюмые красные горы с причудливыми очертаниями.

Со мной повторилась история, рассказанная в какой-то детской хрестоматии. Попал один бедняк в чужой для него немецкий город, удивляется домам, магазинам, кораблям в порту и спрашивает прохожих: «Чей это дом? Чей корабль? Чей магазин?» И на все его вопросы ему отвечали по-немецки: «Kann ich nicht verstehen» (Не понимаю). Бедняк счел это за фамилию и удивился богачу, которому чуть не весь город принадлежал. Вот и я в Красноярске спрашиваю: чья гостиница, где мы остановились? Гадалова. Чей этот фигурный большой дом? Гадалова. Мануфактурный магазин — на

Красноярск, начало XX в.

вывеске — Гадалова, магазин с обувью — Гадалова. Бакалейный магазин — Гадалова. И переулочек называется Гадаловским. Таким «Kann ich nicht verstehen» был в Красноярске Гадалов¹⁴.

Дешевы показались извозчики — 25 коп. в час. Решили с одним из спутников поехать по городу. Далеко растянулся город по берегу Енисея, а в ширину он был ограничен речкой Качей. Пять длинных улиц города прерывались переулками. Переехали через Качу по маленькому деревянному мосту. На другой стороне высокая, из красной глины, голая гора. На вершине — церковь и кладбище. Но и на кладбище нет деревьев; могилы обросли травой, кое-где кустарниками. Хотелось мне найти могилы моего отца и дяди. Ходили, перечитывали надписи на скромных памятниках и деревянных крестах, но имена все были незнакомые. А с горы красивый вид на город, на Енисей, на угрюмые красные горы за Енисеем, на извилистую узкую Качу.

Прибытие каравана не прошло без внимания для жителей, приходили справляться нет ли знакомых, расспрашивали об Иркутске. И у меня нашлись знакомые: учитель С. Д. Шаманов, также уволенный из-за Троицкого-Сенюковича и теперь служивший статистиком, и мой бывший учитель по гимназии М. А. Заостровский, теперь инспектор народных училищ в Красноярске¹⁵. Обрадовались друг другу, как будто были родными. А сколько расспросов! Так много общих знакомых по гимназии, по школе, по иркутской общественной жизни. Посочувствовали моим служебным злоключениям и моей так счастливо переменившейся судьбе. Принесли на дорогу конфет и тепло распрощались с дружескими напутствиями и пожеланиями. Для меня Красноярск был последний город на моем пути, где я встретила знакомых людей, с которыми была связана в прошлом. Дальше начиналось новое, незнакомое.

Дорога от Красноярска пошла тяжелая, шли почти непрерывные дожди, дул ветер, было холодно, грязно, лошади не могли уже мчаться, шли с трудом, вытаскивая ноги из грязи, и колокольчики уже не звенели так залихватисто звонко, а уныло брякали. На остановках не тянуло выскакать из повозки. Из густого по сторонам леса налетали тьмы комаров, мошек, лезли в глаза, в нос, проникали в рот, кусали, мучили. Встречные крестьяне были в сетках, защищаясь от этих несносных мучителей. Все утомились, нервничали, охали. Двое спутников решили сбежать, наняли лошадей и уехали, провожаемые завистью оставшихся.

Однажды во время нашего пути попался нам пьяный ямщик, он нещадно бил лошадей, ругался. Н. А. Огильви пересадил Марусю в другую повозку. Маруся раскапризничалась и убежала назад ко мне. Лошади в это время столкнулись, повозка пова-

Томск, университет, начало XX в.

Г. Минусинск. Базарь.

Минусинск, базарь.

лилась на бок, но упавшая пристяжная угодила под повозку и затормозила ее, не давая совсем перевернуться. Маруся отделалась только испугом и небольшими ушибами. Если бы повозка перевернулась, то прикованный к ее дну ящик с 12 пуд. золота раздавил бы и повозку, и Марусю. Ужасно разволновало меня это чудом избегнутое несчастье, и я долго не могла успокоиться.

Другой неприятный случай произошел с двумя нашими спутницами. Как-то случилось, что их повозка оказалась последней в караване. (Обыкновенно последними ехали казаки-конвоиры.) Ночью во время остановки обнаружилось, что одной повозки нет. Сначала ее поджидали, потом встревожились и послали верховых казаков искать. Повозку нашли очень отставшей, пьяный ящик задремал, лошади шли шагом, а бедные девушки чуть не умерли от испуга, но что они могли поделать?

Конечно, это были не единственные наши приключения, но все они кончались благополучно, благодаря непрестанной заботливости начальника каравана.

Насколько тяжело было ехать, можно судить по тому, что одну станцию, не помню какую, мы ехали 8 часов — с 6 часов вечера до 2 часов ночи. Благодаря плохой дороге экипажи ломались, приходилось останавливаться для починки.

И только 8 августа, на девятнадцатый день пути, мы добрались до Томска. Добрались усталые, измученные, одежда пришла в беспорядок, нуждалась в стирке, починке, и мы были бесконечно рады узнать, что дальше предстояло ехать на пароходе, что в ушах не будет надоевшего звона колокольцев, крика и понуканий ямщиков, что перестанем испытывать тряску экипажей, сможем стоять и ходить на собственных ногах.

Часть нашей молодежи поступала в Томский университет и на другой же день нарядилась в студенческие фуражки. Мы оставались здесь несколько дней и с интересом знакомились с городом, ведь это был первый сибирский университетский город¹⁶. Но он не производил приятного впечатления. Город большой, расположенный в холмистой местности, улицы то поднимаются в гору, то сползают и вязнут, никакие галоши не выдерживают и наполняются грязью. Тротуары плохие, узкие, улицы во многих местах перерезываются речкой Умайкой, грязной и мелкой, с крутыми берегами, с жалкими деревянными мостиками. Дома большие, разбросанные в разных местах так, что не придают городу того стройного нарядного вида, как в Иркутске. На Большой улице 3-этажные дома каменные стоят рядом с какими-то балаганами, избушками, залепленными безобразнейшими вывесками. В магазинах пустые полки или плохой выбор товаров. Остановились мы в гостинице «Европа» и ужаснулись ее высоким ценам, по сравнению с красноярскими. Зато помещение показалось великолепным, номера,

Тобольск.

залы, коридоры — все хорошо отделано и меблировано. Здесь были приготовлены помещения для проезжавшего Наследника и его свиты. В зале большой оркестрион, и мы с удовольствием слушали музыку, да еще в поэтической обстановке, на балконе, уставленном кадками с всевозможными растениями и цветами, с видом на город. Иногда, пользуясь отсутствием публики, мы устраивали танцы и веселились от души.

Вечерами сюда собиралась студенческая молодежь пить пиво и играть на бильярде. Любопытно было приглядываться к ним, ведь нам предстояло возвращаться в этой среде. Резко выделялись две категории. К одной относились бывшие гимназисты, выправленные, франтоватые, развязные, нередко в щегольских мундирах. Другие — это бывшие семинаристы, угрюмые, неуклюжие, в отрепанных мундирах, всегда как-то державшиеся в стороне, особо. Численно вторых было больше потому, что Томский университет свободно принимал кончивших семинарию, а в другие университеты их не пускали. Гимназисты стремились попасть в центр. У студентов здесь была плохая слава, хозяева не любили брать к себе на квартиру, боясь, что они будут пить, картежничать или дебоширить. В студенческих общежитиях приходилось жить с некоторыми стеснениями, почему студенты и предпочитали частные квартиры. Все это объяснили нам учащиеся здесь знакомые иркутяне, и эти сообщения навели уныние на приехавших с нами будущих студентов. Вместе с ними мы ходили осматривать университет — прекрасное, величественное здание, каких в Иркутске не было ни одного. Оно стоит на обширной площади, окружено садом. Вблизи находятся клиники, общежития, еще какие-то здания, словом — образовался как бы отдельный университетский городок. К сожалению, нас не пустили осмотреть университет внутри, так как происходил ремонт.

И вот наши остающиеся товарищи проводили нас на пароход, и мы расстались, взаимно огорченные разлукой.

III. На пароходе

Начались другие условия путешествия и впечатления, захватившие опять новизной. В первый раз в жизни я ехала на большом пароходе. Он назывался «Казанец», устроен был очень комфортабельно и также предназначался для Наследника. Н. А. Огильви устроил для нас бесплатный проезд до Тюмени во II классе. Это была 12-местная каюта с широкими, кругом диванами и маленькими круглыми окнами. Кроме нас пятерых, ехала только одна пожилая дама, мать помощника капитана. Первые дни мы очень скучали и даже пожалели о своих покинутых повозках. Собственно, они не были совсем покинуты, а ехали вслед за нами, на барже, и позднее опять нам по-

надобились. Погода была отвратительная, холодная, с дождем, с ветром. Все было как бы окутано сплошной серой мглой. На палубу было невозможно выйти. Разговоры не вязались, книг не было. Наши спутницы боялись холода, сквозняков, открытых окон, открытых дверей, любопытных взглядов. Сидели мы скорчившись, закутавшись, даже шубы выгтащили. Развлекались питьем чая, много спали, пожилая дама писала письма, раскладывала пасьянсы, гадала на картах.

Мужская молодежь помещалась в соседней каюте. Оттуда слышался шум, разговоры, хохот. Там завелся какой-то актер, который потешал всю компанию рассказами и анекдотами. Но не всем это нравилось. В. К. Златковский жаловался, что принужден закрывать уши шубой и прятать голову под подушку. Скромный и деликатный Тышко уходил на палубу и шагал там из угла в угол, невзирая на холод. Развлекались игрой в карты, причем тот же актер обчищал нашу молодежь. Влияние этого господина скоро отразилось и на разговорах и на поведении наших спутников, появился какой-то пошлый тон, стремление пересказывать увлекавшие их анекдоты.

Не заметили, как из Томи мы выплыли в Обь. Но и Обь наводила уныние. Вода мутно-желтая, даже в стаканах с водой. Мы вспоминали нашу чудесную ангарскую водичку, такую прозрачную, чистую, вкусную. Селения встречаются редко и кажутся очень убогими. Пароход шел медленно, таща за собой тяжело нагруженную баржу. Иногда останавливался и часами стоял у пустынных берегов, набирая заготовленные дрова. Молодежь выскакивала на берег, скользкий, глинистый, с жалкой растительностью. Бегали по берегу, ежась от холода и пряча руки в рукава. Но скоро и это надоело. Все казалось безжизненно и мертво. Хороши были только вечера, когда ветер раздувал эту серую мглу и полная луна выглядывала из-за разорванных туч. Она освещала огромное водное пространство и широкой лунной дорогой отражалась в воде. Тогда не только линии берегов, но и самый пароход и баржа — все окрашивалось причудливым светом. Это была дивная картина.

В некоторых местах Обь так широка, что берега ее едва виднеются на горизонте. Казалось, что мы плывем по океану.

Иногда вечерами было очень жутко. Ветер зловеще выл около паровой трубы. Громадными снопами вылетали из нее искры. Казалось, как будто из всего мира остался только этот деревянный ящик с небольшой кучкой людей. Временами иногда появлялся другой пароход, освещенный огнями, фонариками. Он обменивался с нами пронзительными гудками и опять исчезал, и опять мгла, темнота, одиночество, жуть.

На остановках к пароходу подплывали на лодках остяки¹⁷ в своих самодельных

Тюмень.

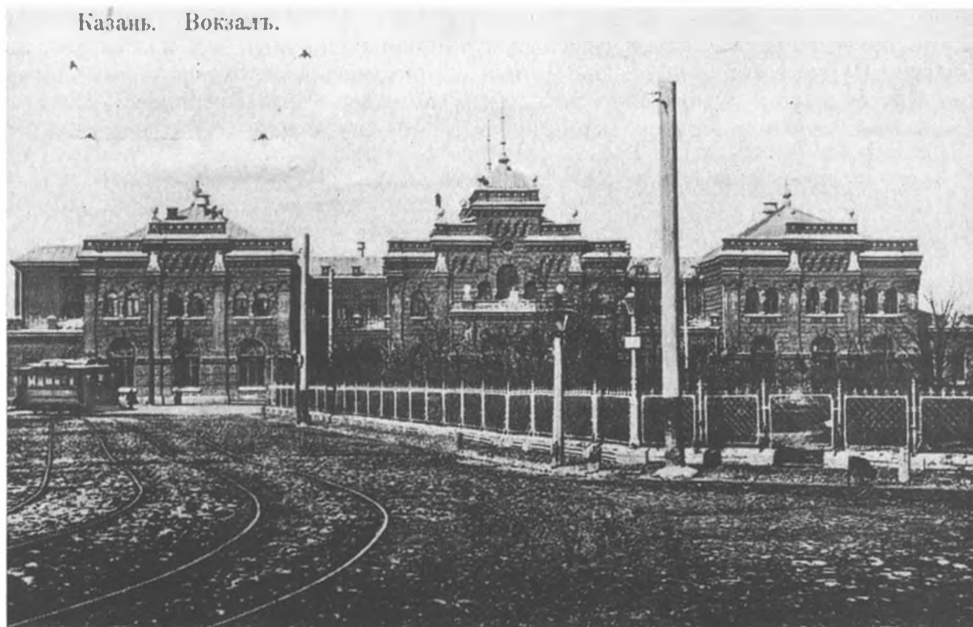
меховых одеждах. На непонятном языке говорили они что-то, показывая рыбу. Поднимались на пароход и обменивали рыбу на табак и водку, униженно кланялись, а матросы гнали их. Тяжелое впечатление производили эти люди, задавленные голодом, нищетой, болезнями, жалкие пасынки человечества. Изредка на берегу виднелись их убогие жилища — юрты, из которых иногда клубился дым, а вокруг копошились дети, бегали собаки.

К Тобольску по Оби спустились до 66-й параллели, вошли в устье Иртыша и направились к югу. Здесь уж картины были другие, река уже, вода более прозрачна. Природа стала разнообразнее и более живописной. Появились скалы, утесы, дремучие леса, обрывистые, круто срезанные берега. Деревни встречались чаще. В праздничный день группы пестро и нарядно одетых крестьян, внизу, у берега, играли дети, слышались песни. Стало теплее, показалось солнце. Можно уже было сбросить одежды, шапки, вылезти из кают, проводить время на палубе, где была удобная мебель и место для гулянья. Здесь мы встретились с пассажирами 1-го класса. Привлекал внимание какой-то англичанин, ехавший по торговым делам, забавно одетый в красную рубашку и чесучовый костюм. Наша молодежь вздумала подсмеиваться над ним, войдет он в каюту, они начинают кричать на все лады его имя «Карл Карлыч», получается воронье карканье, а он смеется и прелюбезно раскланивается на все стороны.

Ехало из Иркутска богатое купеческое семейство Громовых. С Марией Громовой мы учились вместе и встретились дружески, но чувствовалась такая большая разница в нашем общественном положении, даже и просто в костюмах, что сближения не произошло.

Самым интересным пассажиром был наш знаменитый сибиряк — художник В. И. Суриков¹⁸, ехавший с двумя девочками, одетыми в траур. Это был человек среднего роста, довольно плотный, с черными волосами, небольшой черной бородой и с живыми умными глазами, как-то быстро все охватывающими. Он уроженец Красноярска и возвращался в Москву, где постоянно жил. Понемногу мы начали с ним разговаривать, он охотно поддерживал разговор. Он восторженно любил Сибирь, сибирскую природу и восхищался то отражением леса и скал в водах Иртыша, то причудливыми очертаниями утесов. Почти каждый год он ездит в Сибирь «напиться родным духом», как мифический Антей, черпавший свою силу только из непосредственного соприкосновения с землей, его породившей. «Не могу долго жить без Сибири, хочу, чтобы мои дочери полюбили ее». Он рассказывал, что задумал писать картину «Покорение Сибири Ермаком», и потому так особенно приглядывается к берегам Ирты-

Казань, вокзал.

ша. Иногда он вынимал из кармана записную книжку и быстро набрасывал в ней то, что особенно привлекало его внимание, но не любил показывать эти наброски. Он возмущался, когда мы жаловались на скуку и монотонность пути, указывал на окружающие виды и говорил, что нужно ценить их красоту, учиться вглядываться, наблюдать. Он обращал наше внимание на такие красоты, мимо которых мы прошли бы, не заметив. Его разговор был так увлекателен и прост, что мы скоро с ним освоились.

На нижней палубе ехало много крестьян — это возвращались ходоки, они ездил искать «свободную землю» для переселения¹⁹.

Как они разнятся от наших сибирских крестьян! И костюмами, и говором, и манерами. Все время чувствуется грань, которую они проводят между собой и «господами», стремятся целовать руки, кланяются в землю, выражая благодарность за каждый пустяк; там, где наш сибиряк только тряхнет волосами и протянет руку с независимым видом. Так, вероятно, и мы, сибирячки, покажемся чудными. Наша спутница, пожилая дама, говорила: «Впервые вижу приличных девушек, не носящих корсеты, советую вам непременно надеть его, а то будете попадать в неприятное положение». Но мы только посмеялись над этим и решили храбро идти навстречу предстоящим испытаниям.

16 августа мы подплыли к Тобольску, он показался очень живописным на горах и в зелени. Высоко, на неприступном утесе, над Иртышом, виднелись крепостные стены с круглыми башнями на углах. Пароход остановился на несколько часов. Мы решили с одним из спутников побывать у памятника Ермака Тимофеевича и в музее. От пристани шла к воротам крепостной стены бревенчатая мостовая. За крепостной стеной и находился памятник в честь Ермака и покорения Сибири и музей. К ним ведет широкая аллея среди густого сада.

Памятник имеет вид пирамиды из серого мрамора. Он обнесен чугунной решеткой с изображением различных предметов казацкого вооружения²⁰. Вокруг памятника много цветов. В музее я впервые увидела скелет мамонта. Ну и громадина! Там хранится еще интересный исторический памятник — колокол из Углича, сосланный за то, что в него били набат, когда был убит царевич Дмитрий. Показалось забавным это наказание колокола²¹.

У Тобольска мы свернули в Тобол, но по случаю мелководья плыли недолго и должны были пересечь на маленький пароходик, который дотащил нас с баржой до станции Иевлевой, где снова забрались в свои повозки и опять покатали под звон колокольчиков.

Дороги здесь имели вид широких аллей, были обсажены деревьями, тополями, тальником. Это вызывалось требованиями грунта, очень мягкого, рыхлого, иногда песчаного. Деревни здесь тоже смотрели иначе: большие, красивые, часто двухэтажные дома с палисадниками, широкие, чистые, сухие улицы, по которым мы ехали легко. Крестьяне были одеты в костюмы из самодельной ткани. И лица у них казались мягкими, приветливыми. А какой чудесный, душистый пшеничный хлеб и калачи мы покупали! Везде можно было дешево купить сметану, масло, молока с густыми сливками. Крутом лежали обработанные поля, обсаженные деревьями. Впервые я увидела поля, засеянные льном. Появились и незнакомые породы деревьев, например липа.

IV. На железной дороге

18 августа мы добрались до Тюмени. Нам предстояло окончательно проститься с повозками и ехать дальше по железной дороге²².

Вокзал показался громадным, нарядным. Паровозы ошеломили неистовыми свистками. Н. А. Огильви выхлопотал для нас отдельный вагон со скидкой в 75% с билета. Отсюда мы уже ехали за свой счет. Со страхом забрались мы в вагоны, и, когда поезд тронулся, вагоны закачались, все оробели. Казалось непонятным, как движутся эти громадные ящики, набитые людьми, по узким рельсам и не соскакивают с них. Быстрота движения вообще так ошеломляла, что мы ничего не могли разглядеть в окнах — леса, долины, заводы, сторожки, — все мелькало, и так, что кружилась голова, и мы не переставали удивляться. Меня поразило, что можно пользоваться таким временем, как 1–2 минуты — остановка поезда.

Постепенно начали осваиваться. Нравилось выскакивать на остановках, добежишь до станции, заглянешь туда, сюда — и обратно в вагон. Приспособились мы и рассматривать природу из окон, схватывать беглым взглядом ее разнообразие и красоту.

А красоты еще нами невиданной, и величия было много: мы ехали среди Ураль-

ских гор. Поезд проходил между громадными скалами, заслонявшими небо, и в вагоне становилось темно. Высокие угрюмые горы сменялись мирными картинами рек и долин. Темный густой лес то надвигался стеной, то, убегая, давал место деревьям и водам. Иногда поезд огибал гору, и мы видели его голову с лентой дыма при вечернем освещении, принимавшей различную окраску; иногда видели хвост поезда, то выбегавший из-за горы, то опять скрывавшийся. Все так захватывало, что, когда наступала ночь, стало досадно на темноту, не хотелось ложиться спать. Но проводники прогоняют с площадок, в вагоне скудно светили лампочки, вагоны качались, усталость была свое, и скоро все заснуло крепким молодым сном.

V. За Уралом

В Екатеринбурге глаза разбежались на различные вещи, сделанные из уральских самоцветов. Много было соблазнительного, но пришлось воздерживаться, все казалось очень дорого. Еще с Тюмени нас начали привлекать яблоки, тоже незнакомое вкусовое ощущение. В Иркутске были только мороженые яблоки и груши, привозимые из Китая.

В Тагиле я распрощалась с моей милой спутницей Марусей, которую здесь встретили ее родные; обе мы прощались с горькими слезами.

20 августа мы домчались до Перми. Здесь караван должен был на некоторое время остановиться. А нам всем так хотелось скорее добраться до своей обетованной земли, что решили дальше ехать одни. В. И. Суриков взял нас под свою опеку до Москвы. Сердечно распрощались с Н. А. Огильви, горячо поблагодарили за заботы и внимание, которыми он нас все время окружал. И уже небольшой группой, вместе с В. И. Суриковым и его дочками, отправились на пароходе по Каме и Волге до Нижнего Новгорода. На билеты мы также получили скидку в 50%.

Я поместилась с девочками Суриковыми в каюте II класса. Теперь уже имелась привычка к пароходной жизни и развлекали только картины новой природы. Сначала любовались угрюмыми берегами Камы, заросшими темными елями, среди которых красиво выглядели селения и города с белыми стройными колокольнями церквей. Затем увидели широкую матушку Волгу, столь знакомую и родную по описаниям любимых русских писателей. Вот когда я перестала чувствовать себя только сибирячкой, а осознала, что я русская, русская до последней капли крови. С раннего детства в ушах звучали слова: «Волга, Волга! Весной многоводной ты не так заливаешь поля, как великою скорбью народной переполнилась наша земля!»²³ И в кругу подруг-гимназисток, и среди товарищей-учителей пелись эти слова и воспитывали душу.

Поразило оживление, царящее на Каме и Волге: масса стречных пароходов, разных невиданных судов, барж. Мы уже не стояли часами у пустынных берегов, нагружая дрова. К нам приставали баржи и быстро накачивали сотни пудов нефти. Стройно проплывали мимо громадные красавцы-пароходы, целые дома в 2–3 этажа. На пристанях всюду царило оживление, чувствовался пульс жизни могучего народа. И мы с грустью вспоминали мертвую тишину наших сибирских, еще не проснувшихся рек.

В Казани от нас еще откололась группа оставшихся там студентов. Нас собралось только пятеро: Тышко, Налетов и трое девушек. Как-то незаметно перескачили через Нижний Новгород и оказались в Москве. Остановиться решили только на один день, до следующего поезда. Я повидалась с давно живущими здесь родными, спутники побродили по улицам, но, в сущности, конечно, мы Москву не видали. Распростились с Суриковыми, он горячо приглашал навестить его в Москве, и мы обменялись обещаниями непременно увидеться в дальнейшей жизни.

И вот я в Петербурге, у долгожданной цели. Заветные грезы осуществились. И полетела в Иркутск восторженная телеграмма: «Принята, здорова, счастлива». Это было 28 августа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Решение правительства о постройке Сибирской железной дороги было принято в феврале 1891 г. Оно было вызвано ростом экономических связей Сибири с Европейской Рос-

сией, а также соображениями военно-стратегического порядка.

Сооружение железной магистрали началось в мае 1891 г. одновременно в крайних пун-

ктах — Челябинске и Владивостоке. Строительство растянулось на многие годы. Первый поезд в Иркутск прибыл в августе 1898 г. Последний участок — Амурская ж. д. — был сдан в эксплуатацию в начале первой мировой войны.

2. Высшие женские курсы, первое женское высшее учебное заведение в России, были открыты в Петербурге в 1878 г. Бестужевскими они назывались по имени возглавлявшего их в 1878–1882 гг. профессора русской истории К. Н. Бестужева-Рюмина. В первые годы число слушательниц не превышало 300 человек. В 1886–1889 гг. курсы были закрыты и возобновлены по требованию демократической интеллигенции. В 1890 г. на курсах было 1026 слушательниц; плата за обучение была повышена вдвое.

3. Г. Н. Потанин (1835–1920), известный исследователь Центральной Азии и Сибири и общественный деятель. В 1863–1899 гг. совершил экспедиции в Монголию, Туву, Северный Китай, Тибет, на Б. Хинган. Совместно с женой А. В. Потаниной (1843–1893) собрал ценные этнографические материалы.

4. А. М. Сибирякова — представительница семьи Сибиряковых. М. Сибиряков был в числе нескольких крупнейших иркутских купцов-монополистов, первых деятелей Российско-американской компании, основанной в Иркутске в 1799 г. В руках Сибиряковых, торговцев и золотопромышленников, находилась поставка соли всему Забайкалью. К. М. Сибирякову, городскому голове Иркутска, принадлежал лучший дом в городе, так называемый Сибиряковский дворец, построенный по проектам петербургских архитекторов и известный богатейшим внутренним убранством. В 30-х гг. XIX в. этот дворец на набережной Ангары стал резиденцией генерал-губернатора Восточной Сибири и вошел в историю города под названием Белого дома. Ныне в нем находится Научная библиотека Иркутского гос. университета, в которой и была получена рукопись воспоминаний К. А. Яковлевой-Козьминой.

5. В. И. Вагин (1830–1900) — сибирский публицист и историк, один из редакторов и издателей газеты «Сибирь», автор трудов по истории, этнографии и экономике Сибири.

6. Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин, генерал-лейтенант, один из представителей старого русского дворянского рода; другой — И. Л. Горемыкин (1839–1917) — правовед, обер-прокурор Синода (1891–1899), позднее возглавлял Министерство внутренних дел и правительство (в 1906 и 1914–1916 гг.).

7. Триумфальные ворота у Московской заставы были сооружены в 1811–1813 гг. на берегу Ангары по проекту иркутского архитектора Я. А. Куликова. Фронтоны здания были украшены двумя симметрично расположенными «рогами изобилия». В нижнем этаже находилось помещение для перевозчиков и карауля, где регистрировали всех проезжавших через город.

8. Плашкоут — самоходное судно, верхняя палуба которого использовалась для перевозки грузов.

До сер. XIX в. переправа через Ангару в Иркутске производилась на карбазах в местах — у Московских ворот на Московском тракте и напротив Глазковского предместья. В к. 50-х гг. карбаза были заменены плашкоутами, а в 1891 г. построен первый понтонный мост через Ангару. Однако переправа на плашкоуте у Московских ворот сохранялась. Капитальный, так называемый железный мост через Ангару был построен только в 1936 г.

Переправу на плашкоуте в путевых очерках «Из Сибири», годом раньше К. А. Яковлевой, в мае-июне 1890 г., описал А. П. Чехов, проделавший этот же путь, но в обратном направлении — из Европейской России в Сибирь (Чехов А. П. Собр. соч. М., 1878. Т. 14/15. С. 7–38).

9. Большой Сибирский тракт (он назывался и Московским гужевым трактом) до постройки железной дороги являлся главной транспортной артерией, соединявшей Сибирь с Европейской Россией. Круглосуточно по нему тянулись обозы с различными грузами, почтовые тарантасы и возки, подводы с крестьянами-переселенцами.

10. В связи с совершеннолетием наследника престола император Александр III отправил его в путешествие на Дальний Восток. Его возвращению на почтовых из Владивостока в Петербург, через всю Сибирь, в связи с сооружением транссибирской магистрали, придавалось особое значение, так как именно будущий император Николай II возглавлял при правительстве Особый комитет Сибирской железной дороги.

11. Паут — сибирское название слепня.

12. Населенные пункты Кутулик и Залари — ныне станции железной дороги на участке Черемхово—Зима.

13. В 1822 г. Красноярск стал губернским центром. Под руководством губернатора А. П. Степанова осуществлялась плановая застройка города. Широкие и прямые улицы, красивые площади, каменные дома и усадьбы проектировались при участии столичных зодчих А. Д. Захарова, К. И. Росси, В. П. Стасова.

Городской сад — часть естественного бора между Енисеем и Качей, украшенный китайскими беседками с фонариками, — был гордостью жителей Красноярска.

14. Торговый дом «Николай Герасимович Гадалов и сыновья» был основан в 1886 г. на правах товарищества для торговли мануфактурными и колониальными товарами. Ему принадлежало 6 (из 21) городских магазинов, 3 (из 6) курсировавших по Енисею) парохода, складские помещения, гостиница, жилые дома.

15. М. А. Заостровский и его жена Н. Н. Заостровская в 1896–1897 гг. были в числе учредителей бесплатной народной библиотеки-читальни в Иркутске. Мысль о ее создании возникла в 1893 г. среди друзей А. В. Потаниной вскоре после ее смерти. Библиотека-читальня

В. И. Суриков с братом и дочерьми Ольгой и Еленой.

была открыта в ноябре 1896 г. при содействии и на пожертвования иркутян (в том числе А. М. Сибиряковой, В. А. Обручева), а также почитателей А. В. Потаниной в других городах. В

числе организаторов и работников библиотеки были В. М. Посохин, В. С. Некрасова, И. И. Попов. К. А. Яковлева участвовала в составлении каталога библиотеки, занималась выдачей книг.

Иркутская библиотека-читальня им. А. В. Потаниной оставалась центром общественной жизни демократической интеллигенции и в начале XX в.

16. Томский университет был открыт в 1888 г. и стал первым высшим учебным заведением в Сибири.

17. Остяки — устаревшее название хантов, народа, издавна жившего между Обью и Иртышом. Занимались оленеводством, рыболовством и пушным промыслом.

18. В. И. Суриков (1848–1916), уроженец Красноярска, начиная с 1877 г. почти ежегодно с семьей, а после смерти жены с дочерьми Еленой и Ольгой проводил лето в Сибири, где собирал материал для картины «Покорение Сибири Ермаком».

Воспоминания К. А. Яковлевой-Козьминой о В. И. Сурикове были опубликованы в сборнике воспоминаний «В. И. Суриков» (М.—Иркутск, 1937). Переизданы в книге «В. И. Суриков. Письма. Воспоминания о художнике» (Л., 1977. С. 247–250).

19. Тюмень была основным перевалочным пунктом на пути крестьян-переселенцев из Европейской России в Сибирь. В начале 1890-х гг. семьи переселенцев размещали в бараках и партиями отправляли дальше пароходами и баржами.

20. Памятник-obelisk в честь покорителя Сибири — Ермака был открыт в Тобольске в 1849 г. Идея его сооружения возникла в официальных кругах Петербурга и была воплощена в жизнь академиком архитектуры А. Брю-

ловым. Единственным украшением гранитного монумента были рельефные пальмовые ветви, а на постаменте — венки с датами прихода Ермака в Сибирь и его гибели (1581 г., 1584 г.). Памятник, воздвигнутый между Б. Качым и Никольским взвозами, на мысу, прекрасно сочетается с суровостью окружающего ландшафта.

21. По-видимому, К. А. Яковлева видела копию угличского «ссылного» колокола, признанного следствием по делу об убийстве царевича Дмитрия виновным в призыве народа на расправу с властями. По приговору ему было отрублено ухо, вырван язык. В таком виде колокол был послан в Тобольск и первоначально помещен на перекладине колокольни Софийского собора, отличавшейся редким подбором колоколов. В 1836 г. для угличского колокола была сооружена особая звонница. В конце XIX в., после отбытия срока ссылки, угличане вернули свой колокол в родной город, а в экспозиции Тобольского музея осталась его точная копия.

22. В 1885 г. Уральская железная дорога соединила Тюмень с промышленным Уралом — Пермью и Екатеринбургом. Город стал транзитным пунктом на пути в Сибирь — к бассейнам Тобола, Иртыша, Оби.

23. *Волга! Волга! Весной многоводной
ты не так заливаешь поля,
как великою скорбью народной
переполнилась наша земля.*

Четверостишие из поэмы Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда». 1858 г.

Публикация
Елизаветы РОЗЕНТАЛЬ

СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ

ВЕСТНИК
АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

2.1996

Старая площадь

Вестник Архива Президента Российской Федерации

В НОМЕРЕ:

111	Из рабочих записей Политбюро «Договариваются до того, что не было залпа «Авроры».	132	Офицерский корпус «Мы располагаем самыми лучшими кадрами».
	Очарованная душа		<i>Записки о послевоенном устройстве армии.</i>
122	«Мы, Ваши друзья, совершенно беззащитны».		Художник и власть
	<i>Пять безответных писем Романа Роллана.</i>	153	«Куприна впустить можно».
	Темные пятна		Почта Кремля
130	«Дело следствием прекратить».	156	«Против присвоения фамилии Сталин возражений не имею».
	<i>Об убийстве генерала Я. А. Слащева.</i>		

На обложке «Вестника»: А. И. Куприн с супругой. Москва. 1937 г. Документы о возвращении писателя в СССР см. с. 153–155.

Редакционный совет:

В. К. ВОЛКОВ,
А. В. КОРОТКОВ,
С. Н. КРАСАВЧЕНКО,
В. П. НАУМОВ,
Р. Г. ПИХОЯ.

Редакционная коллегия:

А. В. КОРОТКОВ, главный редактор
В. Н. ДЕНИСОВ,
Л. П. КИЕВСКАЯ,
Н. В. КОВАЛЕВА,
А. С. СТЕПАНОВ,
А. Д. ЧЕРНЕВ.

Журнал учрежден по Распоряжению Президента
Российской Федерации
№ 403-рп от 25 июля 1994 года

Вестник 2/1996

«Договариваются до того, что не было залпа «Авроры»»

Л. И. Брежнев.

Политбюро на своих заседаниях нередко рассматривало вопросы идеологической работы. Однако уровень обсуждения и характер

принимавшихся решений не давали и не могли дать положительных результатов. Публикуемые документы — рабочая запись

заседания Политбюро ЦК КПСС, решения Политбюро и Секретариата ЦК КПСС — свидетельствуют о неумении или нежелании поднять

действительно злободневные проблемы развития общества, его духовной жизни. В итоге резюме — «ограничиться обменом мнениями».

№ 1

ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС, СОСТОЯВШЕГОСЯ 10 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Рабочая запись

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

10 ноября 1966 года

Председательствовал тов. БРЕЖНЕВ.

Присутствовали т. т. Воронов, Кириленко, Косыгин, Пельше, Подгорный, Полянский, Сулов, Шелепин, Гришин, Демичев, Устинов, Андропов, Капитонов, Кулаков, Пономарев¹.

...28. О вопросах идеологической работы^{*}.

БРЕЖНЕВ. Товарищи, во многих областях жизни нашей партии, страны у нас достаточно твердо определились перспективы развития, намечились плодотворные последствия Октябрьского (1964 года) Пленума ЦК КПСС². Все мы ощущаем это и в сфере экономики, и в сельском хозяйстве, особенно последний год, и в промышленности. Мы провели целый ряд Пленумов по этим вопросам, очень детально обсудили состояние дел в этих отраслях и наместили ясные перспективы. И сейчас уже, несмотря на краткость времени, мы все ощущаем плодотворность этих мер. Но есть одна область нашей партийной и государственной работы, в которой мы еще сделали очень мало, — это область идеологической работы нашей партии и нашего государства. Недостатки, а кое-где и серьезные еще ошибки начинают все больше и больше чувствоваться, и они не могут нас не волновать, не могут не вызывать серьезной тревоги.

Все мы хорошо понимаем, что за последние десять лет, предшествовавших Октябрьскому Пленуму, в этой области было допущено не меньше ошибок, чем во всех областях, а даже больше. И самое главное, что эти ошибки не так просто, как некоторые другие, нам исправить. Всю сложность этого вопроса мы отчетливо понимали и понимаем. Но, мне кажется, нам надо ясно представить себе и всю ответственность за эту важнейшую часть нашей общепартийной и общегосударственной работы, ответственность в том смысле, что недостатки и ошибки в идеологической работе могут принести нам непоправимый вред.

Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что некоторые средства идеологической работы, такие, например, как некоторые научные труды, литературные произведения, искусство, кино, да и печать, нередко используются у нас, я бы сказал прямо, для развенчивания истории нашей партии и нашего народа. Преподносится это под всякого рода благовидными предложениями, благими якобы намерениями. И это тем хуже, тем вреднее.

Вот на днях, например, меня познакомили с новым произведением Константина Симонова. Оно, кажется, называется «Сто дней войны»³. В этом произведении Симонов заводит нас в какие-то дебри. Подвергается критике в некоторых произведениях, в журналах и других наших изданиях то, что в сердцах нашего народа является самым святым, самым дорогим. Ведь договариваются же некоторые наши писатели (а их публикуют) до того, что якобы не было залпа Авроры^{**}, что это, мол, был холостой выстрел и т.д., что не было 28 панфиловцев, что их было меньше, чуть ли не выдуман этот факт, что не было Ключко⁴ и не было его призыва, что «за нами Москва и отступать нам некуда». Договариваются прямо до клеветнических высказываний против Октябрьской революции и других исторических этапов в героической истории нашей партии и нашего советского народа.

Разве это не может не вызывать серьезной тревоги у нас? И оно должно вызывать у нас тревогу прежде всего потому, что не дается должного отпора всем

^{*} Так в тексте. Очевидно, описка. Правильно: работы.

^{**} Так в тексте. Название крейсера указано без кавычек.

этим фактам и искажениям фактов. На днях мне об этих и других фактах рассказывал т. Епишев⁵. Да мы и каждый день сами с вами чувствуем, что есть серьезные вопросы в нашей идеологической работе, о которых следует нам не только поговорить, но, очевидно, принять по ним соответствующие меры.

Я думаю, неправильно и то, что у нас нет достаточно продуманной систематической информации Центрального Комитета партии, Политбюро о состоянии идеологической работы в партии, в стране. Информации не для информации, а информации, я имею в виду, настоящей, партийной, целенаправленной, с конкретными предложениями. Мы имеем такую информацию по вопросам международной политики и практики, по вопросам хозяйственного строительства в нашей стране, а вот по вопросам идеологической работы подобной информации у нас нет.

Вызывает также тревогу тот факт, что у нас до сих пор нет настоящего марксистского учебника по истории нашей партии. Все вы помните, что был краткий курс истории ВКП(б). Этот краткий курс был настольной книгой не только каждого коммуниста, но и каждого трудящегося в нашей стране. Вы помните так же, как в то время, несмотря на ошибки, которые были в этом кратком курсе истории, Центральный Комитет партии отнесся к этому произведению и почему краткий курс истории партии стал действительно настольной книгой каждого, была проведена большая работа не только по его созданию, но и по его пропаганде. Целое поколение людей воспитывалось на этом учебнике. Что мы имеем после краткого курса истории партии? Говорят, создали один учебник по истории, который как-то не привился у нас, второй, теперь, говорят, готовится третье издание. А вместе с тем, настоящего марксистско-ленинского учебника, который бы действительно стал настольной книгой, который бы убедительно, аргументированно защищал марксизм-ленинизм, защищал нашу партию от разного рода псевдомарксистов и антимарксистов, до сих пор нет. А ведь партия должна иметь, любая партия, а особенно наша, многомиллионная партия, партия, живущая по заветам Ленина, партия, искренне стремящаяся оберегать марксизм-ленинизм, должна иметь знамя, и этим знаменем является у нас марксизм-ленинизм. Так вот на этой хорошей плодотворной базе, на этих глубоких и всесторонних идеях, которые оставил нам Ленин, с учетом изменившейся обстановки во внутреннем и международном плане, разве нельзя создать такое учебное пособие, такую историю партии, которая бы действительно явилась настоящей настольной книгой каждого коммуниста, которая бы в марксистском плане излагала и фиксировала не только то, что уже завоевано нами, но и открывала бы перспективы нашего движения вперед.

Отсутствие такого учебника и дает повод разного рода «критикам» перетряхивать нашу историю. Ведь есть же у нас такие теоретики, которые говорят о так называемом преждевременном свертывании нэпа, критикуют партию за якобы допущенные ошибки, и всячески выискивая эти ошибки и выпячивая их на первый план при осуществлении индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, за решительную борьбу нашей партии с троцкизмом и другими антипартийными группами.

Особенно модной стала критика партии за то, что она оберегала по-ленински наше социалистическое государство, делала все, чтобы избежать столкновения с германским фашизмом. Чего только не пишут о Великой Отечественной войне. И вот при всем этом вызывает беспокойство то, что наши газеты и наши партийные журналы не дают глубокого, аргументированного анализа и не подвергают настоящей партийной критике вот эту клевету на партию.

Ведь на самом деле, товарищи, никто до сих пор не выступил с партийных позиций по поводу книги Ивана Денисовича⁶, против некоторых концепций Симонова, против огромного количества мемуаров, издаваемых у нас, в которых допускаются серьезные ошибки. У нас до сих пор гуляют книги, в которых показывается, какую выдающуюся роль сыграл в Отечественной войне Хрущев.

ПОНОМАРЕВ. Это в кратком курсе.

БРЕЖНЕВ. Да не только в кратком курсе. Ведь у нас, товарищи, доходит дело до того, что подобного рода критики начинают с разных сторон подкапываться под Ленина. Тут мы должны со всей большевистской принципиальностью восстать против подобного рода критики. Мы Ленина никому не дадим в обиду. Но это надо делать не только на словах, а практически, на деле, аргументированно, научно, доказывая правоту ленинских идей, не только не давать хода подобным выступлениям против Ленина, но и не допускать таких мыслей.

А ведь на деле у нас происходит такой действительно курьезный факт. Вот здесь товарищи говорили, что немцы высказывают мысль о том, что история нашей партии — это история ошибок. А если мы серьезно посмотрим, что у нас создано после Ленина за этот огромный промежуток времени до наших дней, на чем мы, кроме трудов Ленина, можем воспитывать наши кадры, наш народ? Был у нас, как я говорил, краткий курс истории партии, его раскритиковали. А что после этого дали? Ничего. А ведь такой колоссальный, не столько по времени, сколько по содержанию, период борьбы нашей партии, нашего народа за коммунизм, такие колоссальные изменения, которые произошли у нас в стране во всех областях, они же должны научно быть осмыслены, апробированы и даны выводы серьезно продуманного труда, на котором бы мы воспитывали людей. Нам нужно действительно, товарищи, соединить эту эпоху между Лениным и нашими днями, создать новый учебник, который бы мог быть преподнесен партии и народу от Центрального Комитета партии, в котором были бы собраны все лучшие идеи наших современников, все, что сделали наш народ и наша партия за это время. И на этой основе, на этой базе открыли бы перспективы дальнейшей борьбы нашей партии за коммунизм. Это, я считаю, не только наше внутреннее дело, это имело бы колоссальное значение для всего международного коммунистического движения.

Если бы мы сумели, а мы должны суметь сделать действительно настоящий учебник по истории нашей партии, так, чтобы это учебное пособие можно было обсудить в ЦК, на Политбюро, может быть, на Пленуме ЦК партии и сделать его достоянием всего нашего народа.

ДЕМИЧЕВ. Я разделяю озабоченность за состояние идеологической работы и за те серьезные недостатки и ошибки, которые у нас еще имеются. Но я хотел бы при этом обратить внимание на то, с чем мы встретились два года тому назад, и на то, кто пропагандирует вот эти неверные взгляды, о которых говорил здесь совершенно правильно товарищ Брежнев. Это пропагандирует журнал «Новый мир». У нас после XX съезда партии образовалось три группы среди интеллигенции. Определенная группа интеллигенции стала группироваться вокруг журнала «Новый мир», другая группа стала формироваться вокруг журнала «Октябрь». Часть интеллигенции высказывает точку зрения о том, что XX, XXI и XXII съезды — сплошные ошибки. Действительно, наверное, есть у нас либерализм. Ну, вот, например, высказывается товарищ о том, чтобы снять с работы Твардовского. Мы считаем, что если мы сейчас его освободим от работы, он уйдет героем.

Среди интеллигенции есть действительно много всяких суждений, разговоров. Но это — только определенная часть интеллигенции. Мы их всех знаем, откуда идут эти нездоровые суждения. Ну, вот, например, последние съезды писателей, которые проходили сейчас в республиках. Они прошли очень хорошо, кроме Белоруссии, где тоже один-два человека выступили с подобного рода критикой.

Действительно у нас плохо дело с историей партии. А по всем другим дисциплинам мы сейчас создали учебные пособия и хорошие учебные пособия. Сделали кое-чего и по истории. Например, ведется большая работа по шеститомнику истории партии, выпустили сейчас популярное учебное пособие — «Очерки по истории». Наши идеологические отделы ведут большую работу. Но, наверное, нам не поднять одним идеологическим отделом весь объем этой работы. Нам нужна помощь.

Моральная обстановка в стране у нас сейчас значительно лучше, чем была в прошлом. Конечно, это не только результаты нашей идеологической работы. Это, главным образом, наши успехи в промышленности, в сельском хозяйстве, в правильной политике ЦК партии и нашего правительства, во внешнеполитическом курсе и внутренней политике.

Очень слабый участок у нас — это кино. Я думаю, что настала пора освободить Романова⁷ от этой работы. Он очень умный и подготовленный человек, но большой либерал. Наверное, нам надо сделать вывод из серьезных и совершенно правильных замечаний, которые сделал тов. Брежнев. Я думаю, что мы сумеем поднять на новый уровень нашу идеологическую работу.

БРЕЖНЕВ. Я хотел бы, чтобы товарищи правильно поняли поднятые мною вопросы. Как вы видели, я никого в личном плане не критиковал. И сейчас не идет речь о том, кто конкретно повинен в большой сумме недостатков, которые имеются у нас в идеологической работе. Речь идет о том, чтобы мы все вместе, в том числе и я, почувствовали ответственность за этот участок работы и поняли, что эти недостатки, если мы с ними согласны, не могут быть дальше терпимы.

Я знаю, что большую работу проводит т. Демичев. Я, очевидно, знаю больше, чем другие, так как мне приходится соприкасаться повседневно с работой идеологических отделов. Но сейчас речь идет не о том, кто больше и кто меньше сделал, а речь идет о политических выводах, которые все мы должны сделать в связи с теми серьезными недостатками, которые имеются в идеологической работе.

ПОДГОРНЫЙ. Я полностью согласен с выдвинутыми замечаниями и предложениями тов. Брежнева. Ведь на самом деле, товарищи, посмотрите наши партийные газеты «Правду», «Известия», журналы «Коммунист» и другие партийные журналы. Что вы найдете в этих журналах по всем вопросам, о которых говорил здесь тов. Брежнев? Почти ничего.

Вот говорят, что даются рецензии, критикуются недостатки. Да, бывают такие рецензии кое-когда. Но это где? В «Комсомольской правде», в «Красной Звезде». И дело, наверное, сейчас, как я понял т. Брежнева, не в отдельных случайных недостатках. Такие недостатки есть. Они могут быть и в будущем. Дело в том, чтобы эти недостатки видеть, своевременно замечать, критиковать, а главное — иметь такой документ, вокруг которого можно было бы вести всю нашу партийно-политическую работу, такой документ, где бы все вопросы теории, истории поставлены были на свое место.

Действительно, с историей нельзя шутить. История должна быть правдивой. Надо сказать правильно, как мы себе представляем на современном этапе, о Сталине, о Хрущеве. А то ведь на самом деле, что у нас происходит? То в один период у нас было так, что все делал Сталин, то настал период, что все делал Хрущев. А где же партия, где же наш народ, где же Центральный Комитет партии?

Я думаю, что действительно настала пора создать такое учебное пособие, в котором было бы поставлено все на свое место. И это надо делать безотлагательно.

СУСЛОВ. Я не подготовлен, как, очевидно, и другие товарищи к подробному разбору во всех аспектах состояния идеологической работы, но вопрос, поднятый тов. Брежневым, очень правильный и, я бы сказал, очень интересный.

На самом деле, товарищи, состояние идеологической работы не может не вызывать у всех нас тревогу. Теперь, когда стоял у руководства Хрущев, нанесен нам огромнейший вред, буквально во всех направлениях, в том числе и в идеологической работе. Мы обманывали, развращали интеллигенцию, решали в ЦК одно, все соглашались, в том числе и он соглашался, а выходил к интеллигенции или куда-то на другую широкую аудиторию, говорил совершенно другое, противоречащее тому, что было принято в коллективе.

Вы помните, сколько было разговоров с Хрущевым о таком ошибочном произведении, как «Октябрь в огне»⁸. Всем было ясно, что это националистическая книга, а Хрущев требовал ее издать. А об Иване Денисовиче сколько мы спорили, сколько говорили, но он же поддерживал всю эту лагерную литературу. Правильно, конечно, и то, что нужно время для того, чтобы исправить все эти ошибки, которые были допущены за последние десять лет, предшествовавших Октябрьскому Пленуму ЦК. Но правильно и то, я считаю, что пора уже нам кое-что делать, пора уже спрашивать ответственность за конкретные участки работы.

Очень слабый участок у нас — кино. И тут действительно надо подумать. Ведь это такое идеологическое средство, которое охватывает миллионы наших людей. У нас очень слабый учет, контроль за идеологическими участками работы. Вот до сих пор бродит этот шантажист Снегов⁹. А сколько мы об этом уже говорили?

БРЕЖНЕВ. А на самом деле, он не только ходит, он, говорят, принимается во всех отделах ЦК, в других министерствах. Ну, почему этому не положить конец?

СУСЛОВ. Очень слабый участок у нас в разработке действительно научной, действительно марксистско-ленинской истории, и не только истории партии, но и гражданской истории, и не только для массового читателя, но и для учащихся, для школ. Это просто первостепенная задача, и правильно поставил эту задачу т. Брежнев.

Я думаю, что нам надо создать коллектив, который бы подготовил действительно настоящий марксистско-ленинский учебник, чтобы он приступил к работе незамедлительно.

Мне тоже непонятно, почему, например, Твардовский, если мы его освободим, уйдет сейчас героем. Что это за концепция? Если нельзя его освобождать, давайте мы туда дадим настоящего партийного товарища в качестве заместителя. Словом, очевидно, надо повысить ответственность всех наших идеологических работников перед партией за свою работу. Много нам надо в этой области потрудиться. Вопрос этот поднят очень правильно и очень своевременно.

АНДРОПОВ. Вопросы, поставленные т. Брежневым, на мой взгляд, очень правильны и актуальны. И у нас не могут не вызывать большой озабоченности отдельные серьезные провалы и недостатки в нашей идеологической работе.

Действительно, период, предшествовавший Октябрьскому пленуму ЦК, нанес огромный ущерб партии и нашему народу и в области идеологической работы. Нам известно, что Хрущев использовал идеологию в личных целях, в целях саморекламы, его не интересовали интересы партии, интересы нашего государства. Но время идет и недостатков у нас остается еще много. Возьмите, товарищи, вузовскую молодежь. Это — вопрос не новый, мы о нем много говорили, но, мне кажется, мало что делается в направлении улучшения воспитательной работы молодежи. И действительно, учили на одних учебниках, говорили — это так должно и быть; теперь даем новые учебники, то есть не даем, а рекомендуем отдельные пособия, а настоящих учебников, раскрывающих всю глубину происшедших событий в жизни партии и народа, за последние годы, мы не даем. Вот почему возникает разная путаница в головах, особенно у нашего молодого поколения.

У нас нет единства взглядов. Я имею в виду идеологических работников, пропагандистских работников, по целому ряду вопросов много путаницы. Надо выработать единую точку зрения на базе марксистско-ленинского учения по основным вопросам внешней и внутренней политики нашей партии.

В освещении вопросов о Сталине, об Отечественной войне, о перспективах развития нашей страны и партии и т. д. — и это правильно, как сказал т. Брежнев, не только наше внутреннее дело, этого просят и ждут от нас наши друзья в социалистических странах, да и все коммунистическое движение мира.

Действительно нужен учебник, настоящий марксистско-ленинский труд, который бы раскрывал все многообразие и богатство нашей эпохи. И правильно, что нужно, чтобы этот учебник был апробирован в Политбюро. Может быть, на Пленуме ЦК партии хотя бы основные вопросы этого учебника обсудить как полагается, в предварительном порядке. У нас на самом деле возник совершенно ни чем не обоснованный провал в теории и особенно в истории между ленинским периодом и современностью. Ведь в этот период была партия, был советский народ, столько проведено созидательной работы, а мы об этом периоде толкуем вкрявь и вкось, а за нами повторяют и в социалистических странах, и не только повторяют, наши враги используют это против нас.

Мы понимаем, как недавно Гомулка¹⁰ сказал, что ленинское учение о коллективизации, видите ли, не подходит для поляков.

БРЕЖНЕВ. Когда мы говорим о том, что печатать и что не печатать в прессе и как к этому относиться, мне вспоминается случай из истории нашей партии, когда Ленин, узнав об ошибочных взглядах Горького — этого гиганта в нашей литературе, — запретил печатать его, и Горький об этом сам вспоминает с благодарностью к Ленину.

Нам не нужно администрирование, но мы должны быть принципиальными до конца.

АНДРОПОВ. Нам нужно серьезно продумать целую группу вопросов и правильно дать освещение их в связи с XXIII съездом партии. На самом деле, столько времени прошло со времени съезда, столько замечательных идей было выдвинуто на съезде, а вот в пропагандистском плане мы эти идеи по-настоящему не преподносим народу. Нам надо очень серьезно продумать вопросы в связи с 50-летием Советской власти и 100-летием со дня рождения В. И. Ленина. Словом, очень большая работа предстоит нам в этой области. И сегодня очень правильно подняты т. Брежневым эти вопросы.

И еще одно замечание. Мне не совсем ясно: говорят об администрировании. Но пока, во-первых, ничего в этой области не сделано, никакого администрирования нет, фактов таких никто не называет, а во-вторых, Твардовский — коммунист, Симонов — коммунист, и целая серия, которая здесь называлась и не называлась людей, которые допускают серьезные идеологические ошибки, — это коммунисты. Имеем мы право, как с коммунистов, с них спросить ответственность? Разделяют ли они с нами ответственность за требования Устава нашей партии и Программы нашей партии, признают ли в конце концов они эти документы или не признают? Я думаю, есть партийные организации и они должны спросить с этих деятелей. И здесь никакого администрирования нет, это просто правильный партийный подход, правильная партийная требовательность, она должна быть везде и всюду.

ПОНОМАРЕВ. Вопросы идеологической работы чем дальше, тем больше до-

жны занимать место во всей нашей партийной работе. Я думаю, что нет более важного вопроса, как вопрос о создании марксистско-ленинского учебника по истории нашей партии. Нам нужно показать во всю силу в этом учебнике Ленина и ленинизм. Этот учебник будет иметь международное значение.

Мы сейчас готовим тезисы в связи с 50-летием Советской власти. В этих тезисах нужно последовательно и ясно изложить в принципе вопросы теории и истории. Нам нужно действительно подготовить хорошее, развернутое решение по вопросам идеологической работы.

О том, что подрываются основы нашей партии, нашей Советской власти некоторыми нашими горе-марксистами, а если учитывать при этом еще китайскую пропаганду против нас и нашей партии, то можно себе представить ясно, какая это действительно важная проблема в наши дни.

ШЕЛЕПИН. Это очень серьезный и большой вопрос. Я полностью поддерживаю все, что здесь высказал т. Брежнев. Нам всем нужно обращать больше внимания в своей практической работе на вопросы идеологии. Нам надо подниматься действительно до обобщения, как вот это сделано сейчас, на заседании Политбюро. А мы в повседневной своей практике часто обращаем внимание только на отдельные факты.

Действительно, самое неблагоприятное положение, на мой взгляд, в кино. Сколько у нас разных чепуховых фильмов создано за последнее время, и они ведь идут, их смотрят люди. И чему, и как мы воспитываем этими фильмами наших людей, никому не ведомо. Или возьмите, например, такой вопрос, как концертная деятельность. Мне кажется, что в этом деле у нас никакого контроля не существует. С эстрады наших театров часто слышим всякую пошлость, а подчас прямо антисоветчину. Не может нас не тревожить и то, что нет у нас настоящих глубоких, с политическим смыслом пьес. И вот сейчас ставятся в театрах такие ублюдочные пьесы, как «Я снимаюсь в кино»¹¹ и другие. Нам необходимо поднять серьезно требовательность к министрам и председателям комитетов и всем ответственным за идеологическую работу людям.

Надо вести настоящую партийную борьбу против монополий на идеологическом фронте. У нас очень узкий круг авторов, хотя вместе с тем много талантливой молодежи, которую мы просто не замечаем. Много у нас разного рода ненужных изданий, а подчас и вредных.

О Твардовском, я считаю, мы много говорим. Его нужно просто освободить от работы. И это можно сделать не в ЦК, это может сделать Союз писателей.

Действительно, идеологические работники ведут большую работу и отделы наши, но из всего сказанного здесь надо делать всем нам серьезные выводы.

ВОРОНОВ высказывает соображение о том, чтобы по принципиальным вопросам выступать секретарям ЦК, членам Политбюро. Рассказывает, что он подготовил одну статью, но до сих пор не опубликовал в печати.

Мы молчим, не пишем, не выступаем по принципиальным вопросам, а вместе с тем действительно в печати у нас много всякой дряни. Вот я недавно прочитал новое произведение «Тысяча дней», или «Стоя на глобусе»¹². Это вредное произведение. И надо усилить контроль за тем, что печатается, что издается, контроль за всеми идеологическими участками нашей работы. У нас на самом деле много неясного во многих вопросах, и эту ясность никто не пытается внести. А это, очевидно, должны делать конкретные люди, которым Центральный Комитет партии поручит.

КИРИЛЕНКО. Все мы разделяем озабоченность за состояние дел в идеологической работе и за недостатки, о которых здесь очень правильно сказал тов. Брежнев.

Речь идет, как я понял, не об отдельных недостатках и слабостях, а о настоящем серьезном подъеме на новый уровень, я бы сказал, на уровень задач, поставленных съездом партии, всей нашей идеологической работы. В первую очередь, действительно нам нужно создать по-настоящему марксистско-ленинский учебник по истории нашей партии, по истории нашей Родины. Нам нужно и самим действительно выступать по отдельным вопросам. Нужно повысить ответственность и спрос за недостатки в идеологической работе.

Вот, например, мы говорим о Твардовском. Давно говорим о несостоятельности его произведений, о вредности, в частности, его произведения «Теркин на том свете». Но ведь они идут в театре и до сих пор, а там есть партийная организация, директор-коммунист, есть у нас Министерство, никто не спрашивает за это. Ведь, на самом деле, если на заводе допущен какой-то брак, так за это сразу же

спрашивают и райком, и горком, и министерство, и дирекция, наказывают людей, а тут, в идеологической работе, извращают ленинизм, наносят нам непоправимый вред, и никто не спрашивает, а мы говорим о каком-то администрировании. Я думаю, это просто какое-то ложное представление.

Я думаю, настала пора спросить всерьез ответственность с министров, с других ответственных лиц и подумать о том, как ведется партийная и политическая работа среди интеллигенции.

Мы говорим, что печатается много разной чепухи, но ведь всегда, на всех этапах жизни и деятельности и даже при царизме была цензура, есть цензура и у нас, но какой же толк от этой цензуры, если мы печатаем разную чепуху? Я думаю, нам надо сделать очень серьезные выводы всем из вопросов, которые здесь поднимал т. Брежнев, и действительно наметить ясный и четкий план действий в этой области.

ПЕЛЬШЕ. Я считаю, что т. Брежнев поднял очень верно вопрос о состоянии идеологической работы. На самом деле, у нас есть информация и достаточно подробная, иногда даже излишне подробно по всем вопросам, но вот в области идеологической работы этой информации нет. И мне кажется очень странным заявление т. Демичева о том, что у нас существуют какие-то три группировки интеллигенции, что вот одна группа вокруг журнала «Новый мир», другая группа — вокруг журнала «Октябрь», третья группа — я так и не слышал, вокруг кого она формируется, — что эти журналы, группируя неправильные взгляды интеллигенции, ведут из месяца в месяц, из года в год неправильную, не соответствующую духу партийности, духу времени, работу. Ну как же так происходит, товарищи? А где же мы находимся? Почему эти журналы группируются, ведут работу, а мы не принимаем мер? У нас же есть замечательный образец — это Ленин. Как он относился к вопросам истории, к вопросам теории, к вопросам марксизма, как учил кадры быть требовательными в этих делах?

Правильно здесь ставился вопрос о создании учебника. И если мы не только в учебнике, но и во всей нашей практической идеологической работе будем связывать вопросы ни с каким-то именем, как это было в прошлом, а будем связывать все вопросы с партией, с ее деятельностью, с народом, с его героическим трудом, все встанет сразу на свое место.

Я думаю, действительно для этого нам нужно создать такой документ, который бы воплотил в себе все, что нам завещал Ленин, все, что сделала партия после Ленина, все, что сделал наш народ.

ПОЛЯНСКИЙ. Сделано у нас в этой области много. Любой вид идеологической работы мы возьмем, даже кино: есть у нас и хорошие кинокартины, есть у нас и хорошие пьесы, но, во-первых, этого мало, а, во-вторых, наряду с этими хорошими, у нас очень много, к сожалению, действительно разного рода ерунды.

Мне кажется, что мы очень увлекаемся открытием новых журналов, новых газет. Например, журнал «Курьер». Кому он нужен, на кого он рассчитан? А он распространяется у нас, читается.

БРЕЖНЕВ. Или вот журнал, я на днях смотрел, «Радио и телевидение». Используется хорошая бумага, но кому нужен такой журнал, совершенно непонятно.

ПОЛЯНСКИЙ. Я думаю, правильно сказал здесь т. Брежнев, что нам нужен учебник по истории партии, нам нужен марксистский учебник по истории СССР, нам нужен марксистский учебник по политэкономии. То, что мы имеем сейчас, это никого не удовлетворяет.

Я думаю правильно, что нужно поручить отделам или группе товарищей создать такое учебное пособие. Замечание по журналу «Октябрь», что там формируется какая-то бездарь, я не согласен. У нас очень много интересных произведений опубликовано в этом журнале. Или вот возьмите, например, произведение «Бабий яр»¹³, опубликованное в «Юности». Досадно только то, что вот это хорошее омрачается разного рода плохими произведениями.

ГРИШИН признает правильной постановку вопросов т. Брежневым. У нас много хороших, замечательных процессов, которые идут сейчас в жизни, в народе, но мы это хорошо не освещаем в печати, в прессе. Мне кажется, что есть какая-то инерция в проведении идеологической работы.

Нам нужен действительно учебник, который бы мог читаться массами, нам нужен учебник и для школ. Нам нужно дать продуманное, учитывающее современные события и идеи нашей партии направление в истории, в искусстве, в кино, во всех наших формах идеологической работы.

Надо хорошо подготовить тезисы к 50-летию Советской власти. Я бы считал, что нужно собрать широкий круг идеологических работников и сказать им наше слово, ответить на все животрепещущие вопросы.

КУЛАКОВ считает правильными поставленные т. Брежневым вопросы. И это касается нас всех, за какой бы мы участок работы ни отвечали. Это я вот, например, чувствую по себе — сколько у нас ерунды печатается в разного рода сельскохозяйственной литературе. Да что там в сельскохозяйственной литературе! Вот ведь мы помним все высказывания т. Брежнева на XXIII съезде партии в области сельского хозяйства и, в частности, о колхозсоюзе. А вот недавно в 11 номере журнала «Коммунист» выступает т. Кэбин¹⁴ и запросто опрокидывает все эти идеи, которые были высказаны и одобрены XXIII съездом партии.

Я думаю, у нас много вольности в литературе, в газетах, во всех наших изданиях и нет настоящего партийного контроля.

КАПИТОНОВ. Я считаю правильными все вопросы, которые выдвинул т. Брежнев. Вопрос идет сейчас об осмыслении в широком плане вопросов идеологической работы. Нам действительно нужно по всем основным вопросам: истории, теории дать ясное представление всем нашим партийным кадрам, всем нашим идеологическим работникам. У нас очень много хороших, полезных тенденций и в партийной работе, и в пропаганде, и в агитации, но действительно у нас очень много и недостатков, и эти недостатки омрачают все наше хорошее.

Я считаю, что у нас серьезное неблагополучие в некоторых наших союзах, и серьезной партийной работы там не ведется. Правильно, я считаю, что надо подумать о проведении партийно-политической работы буквально во всех сферах идеологических учреждений: кино, театры, печать и т. д.

БРЕЖНЕВ. Я очень доволен, что вы так широко и подробно обсудили этот вопрос, хотя действительно и я, и другие товарищи не были достаточно подготовлены к тому, чтобы давать готовые рецепты, преподнести готовые истины. Но я вам скажу, товарищи, откровенно, что меня этот вопрос последнее время волнует очень серьезно. Я, несмотря на то, что за все это время после Октябрьского Пленума ни по одному вопросу не писал никаких записок, как это было в прошлом, но на этот раз я подготовил в Политбюро ЦК КПСС записку и хотел ее направить вам, но решил посоветоваться прежде, чем вносить эту записку. Я думаю, что теперь я посылать ее не буду, потому что я чувствую полное единство взглядов, полное и правильное понимание всех назревших вопросов в области идеологической работы буквально у всех товарищей в Политбюро ЦК.

Очень хорошо и правильно, что товарищи пополнили мое выступление. Это значит, что сама постановка этого вопроса действительно назрела, и форма этой постановки вопроса также была правильной и своевременной. Я еще раз повторяю, что не хотел кого-либо обидеть или критиковать, да и вы сами, товарищи, понимаете, что когда речь идет об интересах партии, об интересах государства, о защите марксизма-ленинизма, здесь не может быть иного критерия, как полная партийная принципиальность во всех вопросах, а это, как мы видим, именно те вопросы, которые затрагивают все стороны жизни нашей партии, нашего государства. Мы действительно видим с вами, как плодотворно сказываются решения Центрального Комитета партии, Пленумов, XXIII съезда партии на всех сторонах жизни нашей партии, и мы уже ощущаем плоды этих решений и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в материальном обеспечении нашего народа. А вот в вопросах идеологической работы много у нас еще огорчительного, много у нас еще не сделано, очень много серьезных недостатков. Наверное, нам нужно всем взять в свои руки этот ответственный общепартийный участок нашей работы, причем, первостепенным, как я чувствую и понял, что вы все согласны с этим, является вопрос о создании такого стержня, такой сердцевины, я бы сказал, вокруг которой формировались бы все наши вопросы идеологической работы, все ее многообразные формы, то есть создать такую историю партии, которая действительно бы воспитывала всех наших людей, всех наших коммунистов и беспартийных в духе марксизма-ленинизма, то есть документ, вокруг которого бы велась вся наша партийная работа.

Я думаю, нужно поручить Секретариату серьезно продумать все эти вопросы, учесть полностью обмен мнениями, происходивший сегодня на заседании Политбюро, и разработать конкретный план с указанием сроков и ответственных лиц, направленный на коренное улучшение всей нашей идеологической работы. Хорошо и серьезно нам нужно продумать тезисы о 50-летию Советской власти. Это не надо от-

тягивать, нужно делать сейчас. Пока я ничего не вижу в этом направлении. И не только тезисы, но весь круг вопросов, связанный с 50-летием Советской власти.

Я думаю также, товарищи, нам нужно при всем этом помнить указания Ленина о том, что на всех участках работы, а тем более в идеологии, все решают люди, все решают кадры. Вы помните, как Ленин говорил, в частности, о лекторах. Мы не говорим сегодня, кого снять, кого переместить — Твардовского ли, Симонова ли, других ли, не об этом речь идет. Речь идет о поднятии ответственности буквально на всех участках идеологической работы. Речь идет о том, что нам нельзя не видеть и не поднимать по-настоящему молодую творческую интеллигенцию, не крутиться вокруг Твардовского и Симонова, не замечая, что вокруг нас растут замечательные кадры, замечательные люди, поднимать их, вовремя подсказывать им, помогать. Нам нужно найти такую форму, когда любое новое явление в искусстве, в кино, в литературе, в печати было бы вовремя замечено и поддержано.

Мне вспоминается, например, такой случай. Вы помните, когда вышла картина «Чапаев»¹⁵, вслед за этим была опубликована замечательная передовая в «Правде» о том, что такое картина «Чапаев», а вокруг этой передовой была развернута большая пропагандистская работа, и вы все знаете последствия этой работы, как Чапаев вошел в кровь и плоть нашего народа. А вы припомните мне, по какому явлению в литературе или искусстве за последнее время у нас была такая передовая, были какие-то решения? Не значит, что нужно буквально повторять пройденное, но можно же найти новые формы, когда не только «Правда», но и Центральный Комитет партии или своим решением, или письмом, или как-то иначе мог бы отметить положительные и отрицательные стороны в той или иной форме идеологической работы. Я думаю, товарищи, что состояние дел в идеологической работе требует от нас действительно большого внимания, от всех нас буквально, и не просто внимания, но нам нужно, наверное, всерьез посмотреть и материальную базу нашей идеологической работы, нам нужно помнить и в этой области указания Ленина и не жалеть деньги на идеологическую, на пропагандистскую работу, но в тех случаях и там, где мы уверены, что это принесет действительную пользу, что это сработает на нас, на партию. Вот в этих случаях нам не нужно жалеть денег и не нужно жалеть времени и иных средств.

Нам нужно действительно привести в систему на новой основе, на новой базе, на тех идеях, которые дал XXIII съезд партии, и историю нашей Родины, и историю Отечественной войны, и прежде всего историю нашей партии.

Нам нужно чаще самим посещать театры, кино. Словом, нам нужно всерьез заняться вопросами идеологической работы. Я считаю, эта насущная потребность выдвинута жизнью перед нами и выдвинута задачами, которые стоят перед партией сегодня.

Я думаю, надо поручить Секретариату разработать и осуществить конкретные мероприятия, а необходимые вопросы внести в Политбюро ЦК партии. Сделать это нужно в ближайшее время. К этому нужно подключиться всем — и т. Суслову, и т. Кириленко, и т. Шелепину, я уже не говорю, что т. Демичев будет вести эту работу. Словом, всем секретарям Центрального Комитета партии и всем членам Политбюро нужно включиться в эту работу.

В нижней части последнего листа документа — помета: «2-й экз[емпляр] передал т. Брежневу В. И. К. Черненко».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 120. Д. 1. Л. 257, 273–296. Машинопись. Подлинник.

Примечания

1. Политбюро ЦК КПСС в это время состояло из 11 членов и 8 кандидатов. На заседании присутствовали 9 членов (кроме К: Т. Мазурова и П. Е. Шелеста) и 3 кандидата (отсутствовали Д. А. Кунаев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, В. В. Щербинский). В работе заседания приняли участие секретари ЦК, не входившие в состав Политбюро.
2. Октябрьский (1964 г.) пленум ЦК КПСС

устранил от власти Н. С. Хрущева и избрал первым секретарем ЦК партии Л. И. Брежнева.

3. Речь идет о фронтовых дневниках К. М. Симонова, первая часть которых под названием «Сто суток войны» была набрана в сентябрьской книжке журнала «Новый мир» за 1966 год, однако по настоянию Главлита снята. В октябре 1966 г. К. Симонов написал об этом письмо Л. Брежневу, которое

осталось без ответа. В январе 1968 г. писатель вновь обратился к генсеку с настоятельной просьбой о помощи. На письме К. Симонова есть пометка: «т. Брежнев Л. И. читал 17/1 и говорил с т. Симоновым». Одной помощи писатель не дождался. Опубликованы дневники были в журнале «Дружба народов» в 1974–1975 гг. под названием «Разные дни войны».

4. Имеется в виду младший политрук В. Г. Клочков (1911–1941), погибший при защите Москвы. Его слова «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» стали боевым девизом защитников столицы.

5. Епишев А. А. (1908–1985) — начальник Политуправления Вооруженных Сил СССР.

6. Имеется в виду повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», впервые опубликованная в 1962 г. с согласия Н. С. Хрущева в журнале «Новый мир», главным редактором которого был А. Т. Твардовский.

7. Видимо, речь идет о председателе Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР А. В. Романове.

8. «Октябрь в огне».

9. Снегов А. В. (Фаликзон И. И.) (1898–1989) — партийный и советский работник, делегат многих партийных съездов. Был репрессирован и 18 лет провел в тюрьмах и лагерях. Реабилитирован и восстановлен в партии в 1954 г., после чего вел активную работу по разоблачению культа личности И. В. Сталина и его злоупотреблений властью.

10. Гомулка Владислав (1905–1982) — генеральный секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии.

11. Правильно: «Снимается кино» — пьеса Э. С. Радзинского, поставлена в 1965 г.

12. «Тысяча дней» или «Стоя на глобусе».

13. «Бабий яр» — стихотворение Е. А. Евтушенко о расстреле фашистами в пригороде Киева жителей столицы Украины. Написано в 1961 г.

14. Кэбин И. Г. (р. 1905) — первый секретарь ЦК Компартии Эстонии.

15. Кинофильм «Чапаев» вышел на экраны страны в 1934 г.

№ 2

СОВ. СЕКРЕТНО

№ П25/XXXI

Секретариату ЦК КПСС:

т.т. Брежневу, Воронову, Кириленко, Косыгину, Мазурову, Пельше, Подгорно-му, Полянскому, Суслову, Шелепину, Шелесту, Гришину, Демичеву, Кунаеву, Машерову, Мжаванадзе, Рашидову, Устинову, Щербицкому, Андропову, Капитонову, Кулакову, Пономареву.

Выписка из протокола №25 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 10 ноября 1966 года

О вопросах идеологической работы, поднятых т. Брежневым Л. И. на заседании Политбюро ЦК КПСС 10 ноября 1966 г.

Поручить Секретариату ЦК КПСС выработать и осуществить конкретные мероприятия по этому вопросу на основе обмена мнениями на заседании Политбюро ЦК. Необходимые предложения внести на рассмотрение Политбюро ЦК КПСС.

ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Там же. Ф. 3. Оп. 77. Д. 314. Л. 4. Машинописная копия, исполненная на бланке ЦК КПСС.

№ 3

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ Ст-22/2с

Выписка из протокола № 22 §2с заседания Секретариата ЦК от 28. III. 1967 г.

Основные мероприятия Отделов пропаганды, науки и учебных заведений, культуры ЦК КПСС на 1967 год по выполнению указаний XXIII съезда партии и Политбюро ЦК КПСС об усилении идеологической работы

Ограничиться обменом мнениями на заседании Секретариата ЦК.

Секретарь ЦК

Там же. Ф. 3. Оп. 77. Д. 314. Л. 18. Машинописная копия, исполненная на бланке ЦК КПСС.

«Мы, Ваши друзья, совершенно беззащитны»

Пять безответных писем Ромена Роллана

Происходившие в 30-е годы в Советском Союзе преобразования живо интересовали европейскую общественность. Особое внимание к «советскому опыту» проявляли писатели. Многие из них посетили СССР, встречались с высшим советским руководством, включая И. В. Сталина. Среди гостей были А. Барбюс, А. Жид, Б. Шоу, Г. Уэллс, Э. Людвиг, Л. Фейхтвангер. По приглашению А. М. Горького в июне–июле 1935 года в Советском Союзе побывал Ромен Роллан. 28 июня он был принят в Кремле Сталиным. После отъезда из страны он послал Сталину несколько писем. Лейтмотив обращений Р. Роллана к Сталину — это обеспокоенность писателя тем, что на Западе «растет охлаждение по отношению к СССР». Ему непонятна подоплека массовых репрессий в стране, причины многих поступков советского руководства. Веря еще в свое влияние на советские

власти, он просит пощадить А. Я. Аросева, Н. И. Бухарина, О. О. Гартоха — людей, которых он лично хорошо знал, любил и уважал. Ответа на свои послания писатель, однако, не получил.

В Архиве Президента Российской Федерации хранятся подлинники писем Р. Роллана на французском языке и переводы на русский язык, сделанные для Сталина. Ниже публикуется перевод писем. Документы под номерами 2, 3 и 5 переведены женой Р. Роллана М. П. Кудашевой; кто перевел два других письма — не установлено. На тексте некоторых переводов имеются пометки, которые оговорены в примечаниях.

В публикации сохранены особенности стиля, орфографии и пунктуации источника. Сокращения расшифровываются в квадратных скобках.

№ 1

Перевод с французского языка*

Вильнев (Во)
вилла Ольга
1 октября 1935 г.

Дорогой товарищ СТАЛИН.

Я узнал из письма Бухарина¹, что Вы не получили моего письма, которое я Вам

* Помета на машинописном тексте. — Ред.

послал заказным, воздушной почтой 26 августа с.г.². Сделайте одолжение, подтвердите мне этот факт, справившись в Ваших письмах.

Я подаю заявление об утере на почту, у меня сохранилась расписка почтового отделения в Монтрэ³.

Я спрашивал Вас в этом письме от 26 августа, разрешите ли Вы мне опубликовать во Франции текст нашей беседы 28 июня, просмотренный Вами, — или же укажите, какие сокращения Вы предложили бы мне сделать, имея в виду это опубликование. Уже давно наши парижские друзья просят у меня это сообщение для их газет и журналов. Вы окажете мне услугу, дав ответ на эту просьбу⁴.

Надеюсь, что здоровье Ваше все также прекрасно, и прошу Вас принять уверения в моих сердечных чувствах воспоминания.

РОМЭН РОЛЛАН.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 795. Л. 121–122 (автограф, подлинник). Л. 120 (перевод, машинопись).

Примечания

1. Бухарин Н. И. (1888–1938) — с 1934 г. ответственный редактор газеты «Известия ЦИК СССР».

2. Подчеркнуто автором. Письма Р. Роллана от 26 августа 1935 г. в деле нет.

3. Монтрэ — курортный городок в Швейцарии на Женевском озере, близ которого

в 1914–1919 и 1922–1938 гг. проживал Р. Роллан.

4. Разрешения на публикацию текста беседы Р. Роллан не получил. Беседа опубликована в «Вестнике Архива Президента Российской Федерации» № 1 (1996).

№ 2

27 декабря 1935 г.

Дорогой товарищ,

Пользуюсь проездом А[росева] чтобы передать Вам последующее письмо¹. Ибо я не уверен, что письма, которые я доверяю почте доходят до Вас. За последние три месяца, я писал Вам дважды, не получая ответа.

Вы помните, что в беседе, которую Вы согласились иметь со мной², я настаивал на серьезных недоразумениях, вызванных среди западного общественного мнения абсолютным отсутствием точных информации даже среди друзей СССР, и невозможностью для них добиться из СССР определенных и верных сведений, чтобы отвечать на обвинения, предметом которых он беспрестанно является. Вы признали серьезность моих замечаний и необходимость исправить это зло. Вы сказали мне (я цитирую текстуально):

— «Конечно, если наши друзья на западе мало осведомлены о мотивах действий Советского правительства, и их нередко ставят в тупик наши враги, то это говорит не только о том, что наши друзья не умеют также хорошо вооружаться, как наши враги. Это говорит еще о том, что мы недостаточно осведомляем и вооружаем наших друзей. Мы постараемся заполнить этот пробел»³.

И дальше:

«Возможно, что Вы правы. Конечно, можно бы реагировать энергичнее на эти нелепые слухи».

Дорогой товарищ, с тех пор как Вы произнесли эти слова прошло пять месяцев. Ничего не было сделано чтобы «заполнить этот пробел», и чтобы «реагировать». И зло очень сильно возросло.

Вы не можете себе представить количество и важность вопросов, с которыми почти ежедневно насаждают на нас, друзей СССР, и которые разъедают мировое общественное мнение. Было бы опасной ошибкой недооценить их и убедить себя что, если на них не ответить, они забудутся. Ничего не забывается, все накапливается, и это в конце концов образует инфекцию, разъедающую симпатии, даже сотен людей, которые казались более всего привлеченными СССР'ом⁴. — Вот полгода как на моих глазах растет охлаждение по отношению к СССР среди той части французской интеллигенции, профессоров, учительства, честной мелкой буржуазии (разночинства), которых мы добились привлечь к делу СССР. Они взволнованы и растеряны, оттого что не могут добиться ответов на многие сму-

шающие вопросы и клеветнические слухи против СССР. А мы, которых они с беспокойством вопрошают, мы можем отвечать им только нашим личным убеждением — (что недостаточно, чтобы убедить других) — а не точными и верными сведениями.

Я не вернусь к вопросу об опубликовании моей беседы с Вами. Вы не ответили мне на этот счет, но по имеющимся у меня данным, Вы не считаете это опубликование своевременным. — Я не настаиваю. Но если опубликование беседы отстраняется, тем не менее вопросы, которых она коснулась остаются постановленными перед общественным мнением, терзают его больше чем когда-либо, и настоятельно требуют ответа. — Пусть этот ответ будет заботливо рассчитан и смягчен, если это необходимо, но как бы то ни было, нужен ответ, который можно было бы противопоставить обвинениям и опубликовать.

Я вернусь здесь к двум из этих терзающих вопросов, и прибавлю к ним несколько других, волнующих общественное мнение:

Во-первых: — закон о каре против детей с 12-ти летнего возраста⁵. Я предвидел волнение, которое он возбудит в западных странах. Это волнение превосходит все мои ожидания. Распространяются самые ужасные слухи. Мне пришлось написать, безрезультатно, с дюжину писем различным друзьям, чтобы успокоить их. Их волнение не улеглось, и волна протестов растет. Все это на руку врагам СССР. Очень известный и к сожалению пользующийся уважением церковный сановник, монсиньор д'Эривильи, читает, в Бельгии и во Франции, в провинции, ряд лекций, в которых он договорился до того, что, будто бы, по закону от 7 апреля с. г. двенадцатилетние дети караются смертной казнью за «религиозное упорствование»! Нужно ответить. Я не могу сделать это словами нашей беседы: мне замыкают рот. Но, так или иначе, ответ необходим. — Не раскрывая настоящих мотивов, вызвавших этот закон, нет ли способов задушить такие постыдные клеветнические слухи? И первым делом надо бы объявить, что (как Вы утверждали мне в конце июня) ни один ребенок не был, к этому числу, казнен!

Во-вторых: относительно процесса⁶, имевшего место после убийства Кирова, я говорил Вам как существенно было бы раскрыть перед иностранной общественностью сокрушительные показания вызвавшие кару против заговорщиков. Это не было сделано. Результатом этого является то, что на Западе среди общественности распространилось мнение, что по выражению Троцкого⁷ в недавней статье от 31 октября напечатанной в его парижском органе «Ла верите»⁸ «делом Кирова воспользовались, чтобы уничтожить десятки людей явно преданных революции, но осуждавших произвол и привилегии правящей касты». — К этому добавляется, что обвинение против Зиновьева⁹ и Каменева¹⁰ абсолютно безосновательно. И Троцкий делает из себя инициатора просьбы о «Международной Комиссии, являющейся, по своему составу безупречной, и которой было бы поручено исследовать аресты, процессы, расстрелы, высылки, произведенные в связи с делом Кирова» — Троцкий, который нападает на меня в этой статье, озаглавленной: «Ромэн Роллан выполняет свою миссию», требует от меня, чтобы я принял это предложение*, и, думая, что я откажусь, инсинуирует, что мой отказ будет доказательством страха друзей советского режима перед пролитием света на это дело.

В-третьих: (другие вопросы): Я недавно получил из Тель-Авив (Палестина) письмо за подписью еврейского писателя, объявляющего себя революционером и поклонником СССР, но который возмущается якобы царствующим в СССР неким антисемитизмом, который находит свое выражение в преследованиях против «Евреев, желающих говорить на своем языке!» Этот древне-еврейский язык будто бы объявлен правительством «контр-революционным» и по этой причине запрещен. Я слышал такую же жалобу от молодых евреев в Швейцарии.

В-четвертых: — Бартелели де Лигг¹⁵, известный голландский деятель против войны, имеющий большую международную публику, обратился ко мне с открытым письмом, в котором говорит об ужасных преследованиях против духовоборов¹⁶, якобы невиновных ни в какой антисоветской деятельности, но преследуемых просто за свои религиозные убеждения и за свой отказ от военной службы. (Мне думается,

---

* Примечание¹¹: В циркулярном письме Наталии Троцкой¹², от 1-го июня предлагалось, чтобы «Ромэн Роллан, Андре Жид¹³, Бернард Шоу¹⁴ и другие друзья Советского Союза взяли на себя инициативу создать такую Комиссию, в согласии с Советским Правительством».

что если некоторые села духоборов были высланы, это было скорее за антисоветскую деятельность, за сопротивление и саботаж аграрной политике; но у меня нет точных фактов, чтобы отвечать).

В-пятых: я получаю письма от итальянских антифашистов, исходящих криками возмущения потому что, уверяют они, советское правительство выдало одного из их товарищей антифашистов, Петрини¹⁷, полиции Муссолини¹⁸.

В-шестых: из забвения вытащили на свет давний процесс, имевший место в Москве против каких-то польских священников, среди которых был один епископ, которого расстреляли; и некие газеты повторяют что это было просто за то, что он «верил в бога»! Мне ясно, что это совсем нелепо; но нужно было бы мочь ответить настоящими причинами этого осуждения, которые, в том виде в каком оно преподносится, возмущает даже свободомыслящих.

В-седьмых: из его ямы вытащили и Махно¹⁹ и, с его смерти, множество газет, не только анархистского толка, но и антивоенных и движения, «conscientious objectors» (движение родившееся в Англии и распространившееся на континент; члены его отказываются от военной службы из-за мотивов «совести») и даже различных свободных (т. е. не церковных) религиозных движений (как газета Марка Санье, католика-антифашиста) очень энергичного в борьбе против Муссолини и Гитлера²⁰ — повторяют что Махно был героем, чуть ли не святым, который жертвовал собой для народа, который никогда не являлся антисемитом и был жертвой клеветы большевиков. Я несколько раз просил из Москвы документы о Махно (книги, брошюры и др.); я ничего не получил.

В-восьмых: жена Троцкого посылает во все стороны циркулярные письма, о своем сыне Сергее²¹, профессоре в Техническом Училище в Москве, которого недавно арестовали, также как и его жену. Она уверяет, что они совсем невинны и что их осуждение простой акт мести против их отца. Тут также нужно было бы иметь возможность ответить фактами.

Здесь я останавливаю список вопросов, поставленных мне. Будут и другие! Нужно было бы мочь ответить на них по мере их возникновения: ибо, повторяю, они наносят страшный вред. Я вижу множество хороших людей, которые отворачиваются от общего дела защиты СССР, и примыкают к различным группировкам, хотя и борющихся против фашистской реакции, но в то же время нападающих на политику СССР. Я получаю множество газет этой тенденции (беспрестанно нарождаются новые); и я с сожалением вижу в них имена друзей, которых я уважаю и о которых знаю, что они искренне революционны сердцем. Очень широкие слои учительства, и через них, — детей рабочих, затронуты этими жалобами и этими обвинениями. И по ту сторону морей газеты Соединенных Штатов и Южной Америки, почти целиком завоеванной анархистской или троцкистской оппозицией, шумно вторят этим известиям. — Было бы недопустимо дать этому свободно распространяться, не реагируя энергично.

Дорогой товарищ, я не прошу, чтобы меня лично осведомляли и информировали. Дело не во мне; да я и слишком стар, и живу слишком далеко от Парижа, чтобы быть в состоянии взять на себя роль информационного центра. Но этот центр информации из СССР должен существовать, должен быть основан в Париже, так чтобы все активные друзья СССР (и я в том числе) могли бы там черпать и вооружаться, чтобы отвечать фактами на неутомимые нападения против СССР. Враги СССР несравнимо лучше организованы и вооружены. Они снабжены информацией из всех источников, у них многочисленная пресса, писатели большой ценности, тысячи способов для действия. Мы же, Ваши друзья, мы совершенно беззащитны. На наши призывы нет ответов из СССР. Самые преданные в конце концов утомляются и впадают в уныние. Я не приведу здесь имен; но я мог бы это сделать, и из среды лучших друзей СССР. Я очень настоятельно прошу Вас действовать в том самом смысле, что Вы говорили, как я напомнил в начале этого письма: «Мы недоста-точно осведомляем и вооружаем наших друзей, сказали Вы мне. Мы постараемся заполнить этот пробел». — Осведомляйте же и вооружайте их! Надо основать в Париже перманентный информационный центр.

Сердечно Ваш Ромэн Роллан.

Там же. Л. 135–139 (машинопись с правками автора, последняя фраза и подпись — автограф; подлинник). Л. 125–130 (перевод, машинопись). Л. 131–134 (перевод, автограф М. П. Кудашевой). Публикуется по машинописному переводу, сверенному с автографом М. П. Кудашевой.

1. Письмо было передано Сталину 16 января 1936 г. А. Я. Аросевым — председателем правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей.
2. Беседа Р. Роллана и И. В. Сталина состоялась в кремлевском кабинете 28 июня 1935 г. (см. «Вестник». 1996. № 1).
3. Слова Сталина здесь и ниже подчеркнуты при переводе. В машинописном экземпляре перевода абзац отчеркнут на полях синим карандашом.
4. Так в тексте. Предложение отчеркнуто на полях синим карандашом.
5. Имеется в виду принятое в апреле 1935 г. постановление ЦИК СССР о распространении уголовных наказаний для взрослых на детей старше 12 лет. Здесь и ниже подчеркнуто синим карандашом.
6. Имеется в виду процесс по делу так называемого «московского центра», руководители которого (Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов и др.) якобы были связаны с «ленинградским центром», организовавшим, как утверждалось, убийство С. М. Кирова.
7. Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (1879–1940) — партийный и государственный деятель, выслан из СССР в 1929 г., в 1932 г. лишен советского гражданства.
8. Слово вписано переводчиком; подчеркивание в данном абзаце подлинника.
9. Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. (1883–1936) — до ареста 16 декабря 1934 г. член редколлегии журнала «Большевик»; в январе 1935 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения, в августе 1936 г. — к расстрелу.
10. Каменев (Розенфельд) Л. Б. (1883–1936) — до ареста 16 декабря 1934 г. директор Института мировой литературы им. М. Горького; в январе 1935 г. приговорен к 5 годам тюремного заключения, в июле — к 10 годам, в августе 1936 г. — к расстрелу.
11. Примечание в машинописном подлиннике вписано Р. Ролланом от руки.
12. Троцкая (Седова) Н. И. (1882–1962) — вторая жена Л. Д. Троцкого.
13. Жид Андре (1869–1951) — французский писатель; летом 1936 г. посетил Советский Союз и в том же году издал книгу «Возвращение из СССР», негативно оцененную в советской печати.
14. Шоу Бернард (1856–1950) — английский писатель; в июле 1931 г. побывал в СССР, в целом позитивно оценивал происходящее в стране.
15. Бартели де Лигт — голландский пацифист.
16. Духоборы — секта духовных христиан, отделившихся от православия; возникла в России во второй половине XVIII в.
17. Петрини — не установлен.
18. Муссолини Бенито (1883–1945) — фашистский диктатор Италии.
19. Махно Н. И. (1889–1934) — украинский анархист; в 1921 г. эмигрировал, умер в Париже.
20. Гитлер Адольф (1889–1945) — рейхсканцлер Германии с 1933 г.; фюрер нацистской партии.
21. Имеется в виду младший сын Н. И. Седовой и Л. Д. Троцкого — С. Л. Седов (1908–1937), который (в отличие от старшего сына) не последовал за родителями в эмиграцию. Арестован в Москве в 1935 г. и исчез в лагерях.

№ 3

Перевод письма Р. Роллана, сделанный М. П. Роллан*.

Вильнёв (Во) Вилла Ольга.
18 марта 1937.

Дорогой товарищ Сталин,

Еще раз обращаюсь к Вам, пользуясь разрешением, которое Вы дали мне, когда, два года тому назад, я имел возможность беседовать с Вами.

Накануне процесса против Бухарина¹, и никоим образом не оспаривая обранные против него улики, я обращаюсь к Вашему высокому духу гуманности и понимания высших интересов СССР.

Ум порядка Бухаринского ума является некоторым богатством для его страны, его можно бы и нужно бы сохранить для советской науки и мысли. Если он смог, на основе вреднейших идеологий, преступным образом проступить, следует казнить эти идеологии, но пощадить человека научной ценности, ими сбитого с дороги, — который, признав свою ошибку и сожалея о ней, сможет помочь сорвать маску с этих идеологий и вести против них энергичную борьбу.

В течение полутора века, с тех пор как Революционный Трибунал Парижа приговорил к смерти гениального химика Лавуазье², мы, самые пламенные революционеры, самые верные памяти Робеспьера³ и Великого Комитета Общественного Спасения⁴, всегда горько сожалели об этой казни, и угрызались ею.

* Помета и подчеркивание сделаны на машинописном тексте. — *Ред.*

М. М. Литвинов, Р. Роллан с женой на Красной площади во время парада физкультурников.
Москва, июнь 1935 г.

Разрешите мне также упомянуть о дорогом нам обоим имени: о нашем общем друге Максиме Горьком⁵. Я часто видел у него Бухарина, я видел близкую дружбу их связывавшую. Память о ней да спасет Бухарина! Во имя Горького, я прошу у Вас пощады для него. Как бы он ни был виновен, он человек другой породы, чем обвиняемые предыдущего процесса⁶. Он сможет еще принести честь советской мысли и свидетельствовать в истории о Вашем духе великодушия.

Прошу Вас верить, дорогой товарищ Сталин, моей искренней преданности.

РОМЭН РОЛЛАН.

Там же. Л. 143–144 (автограф, подлинник). Л. 142–142об. (перевод М. П. Кудашевой, автограф).
Л. 140–141 (перевод, машинопись).

Примечания

1. Н. И. Бухарин был арестован 27 февраля 1937 г. Процесс по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока», одним из руководителей которого был признан Бухарин, проходил 2–13 марта 1938 г. На основании фальсифицированных обвинений Бухарин был осужден и 15 марта 1938 г. расстрелян.

2. Лавуазье Антуан Лоран (1743–1794) — французский химик; в 1768–1789 гг. генеральный откупщик. Во время Великой французской революции (1789–1794) гильотинирован в числе других откупщиков.

3. Робеспьер Максимилиан (1758–1794) — деятель Великой французской революции, один из лидеров якобинцев; казнен

термидорианцами.

4. Один из комитетов Конвента в период Великой французской революции. При якобинской диктатуре играл роль правительства.

5. Писатель А. М. Горький (1868–1936) был в дружеских отношениях с Н. И. Бухариным и Р. Ролланом.

6. Вероятно, Р. Роллан имеет в виду процесс по делу так называемого «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», проходивший 19–24 августа 1936 г. По этому делу к высшей мере наказания были осуждены 16 человек, в том числе Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов и др.

Дорогой товарищ Сталин,

Я узнал из газет об аресте Александра Аросева² и его жены. Я, естественно, не имею возможности знать причины этого и не позволяю себе давать их оценку. Но я хочу Вам сказать следующее:

За многие годы, в течение которых я имел с Аросевым частые встречи и переписку, он всегда проявлял по отношению к Вам абсолютную верность и привязанность. Ни слова колебания или резерва*. Он говорил о Вас с любовью и гордостью. Между тем, Аросев не является человеком, который способен скрывать свои чувства.

Добавлю, что я получил встревоженное письмо из Праги от матери его жены, Теры Фрейнд, которая не получает сведений о своей дочери и зяте. Она предостерегает против возможного обвинения в наличии у Аросева отношений с сыном Теры Фрейнд, который является, как будто, марксистским оппозиционным писателем, но который, по ее утверждению, убежденный враг троцкизма, против которого он опубликовал много работ. Она уверяет, что Аросев находился с ним в плохих отношениях, и что он ему никогда не писал.

Позвольте в заключение привлечь Ваше внимание к детям Аросева. Одному из них только 3 года. Они не имеют в Москве родственников. Аросев и его жена — оба больны сердечными болезнями. Будьте добры дать им знать, что их детьми занимаются.

Верьте, дорогой товарищ Сталин, моей неизменной преданности.

Ромэн Роллан.

Там же. Л. 147–148 (автограф, подлинник). Л. 146 (машинописный перевод).

Примечания

1. Письмо поступило в ЦК ВКП(б) 20 августа 1937 г. из Наркомата иностранных дел СССР. В сопроводительной записке Сталину заместитель наркома В. П. Потемкин сообщал, что оно прибыло с дипломатической почтой из Парижа. Прилагался русский перевод письма, который и публикуется.

2. Аросев А. Я. (1890–1938) — писатель, председатель правления ВОКСа, сопровождал Р. Роллана во время его поездки в СССР в июне–июле 1935 г., переводил беседу писателя со Сталиным, которая состоялась в Кремле 28 июня 1935 г.

№ 5

Перевод.

Вильнев (Во) Вилла Ольга
16 сентября 1937 г.

Дорогой товарищ Сталин.

Я писал Вам несколько раз, в течение этих последних месяцев; но это касалось людей более или менее причастных к политической жизни, и которые ни в коей мере не были мне близкими.

Сегодня же, я пишу Вам по поводу одного друга, которого я уважаю и люблю: это доктор Оскар Гартох¹, из Института Экспериментальной Медицины в Ленинграде. Он был арестован, в начале августа, по обвинению, как мне говорят, в «агитации и пропаганде». Ничто не более противно его характеру. Он человек поглощенный единственно своими работами и научными делами (очень важными, главным образом в области эпидемиологии); он всегда жил вдалеке от всякой политической агитации; он скромный, робкий, болезненный; и это одиночество его еще усилилось, со смерти его жены, три или четыре года тому назад. Он жил уединенно, с сестрой,

* Так в тексте. — *Ред.*

немецкой национальности, приехавшей из Швейцарии, чтобы заботиться о его здоровье. Я знаю сестру и брата, вот уже двадцать лет; я питаю к ним братскую привязанность; я гарантирую абсолютное бескорыстие и лояльность д-ра Оскара Гартоха.

Вот яркая черта этого бескорыстия:

Лет двенадцать тому назад, когда положение в СССР было еще чрезвычайно трудным, доктор Гартох, который получил разрешение поехать на несколько недель в Германию и Швейцарию, получил из Германии предложение очень почетного и очень выгодного научного поста. Он от него отказался, чтобы вернуться в СССР и остаться на своем посту. Я был свидетелем и предложения, и отказа.

Уже лет восемь тому назад, он был арестован вместе со многими другими врачами, по одному делу бактериологов. Но его невинность была быстро установлена, и он был отпущен на свободу. Я не сомневаюсь, что в данном случае будет то же. Но должен опасаться, что уже очень шаткое здоровье доктора Гартоха может сильно пострадать от долгого заключения, — не говоря о многих медицинских делах, которыми он управляет и которые рискуют дезорганизоваться в его отсутствие.

Позвольте мне, дорогой товарищ Сталин, просить Вас сказать свое слово, чтобы следствие о докторе Гартох было ускорено, и чтобы он смог, как я в этом уверен, доказать бессмысленность обвинений против него.

Верьте, прошу Вас, моей дружеской верности.

РОМЕН РОЛЛАН.

Там же. Л. 152–153 (автограф, подлинник). Л. 151 (перевод, автограф М. П. Кудашевой). Л. 149–150 (перевод, машинопись). На первом листе машинописного перевода вверху проставлен штамп: «Поступило в О[собый] С[ектор] ЦК ВКП(б) 26 сен[тября] 1937 [года]»; в правом верхнем углу листа помета красным карандашом «От Романа Ролана». Последний абзац письма отчеркнут на полях красным карандашом.

Примечание

1. Гартох О. О. (1881–1942) — микробиолог, иммунолог и эпидемиолог; профессор, с 1930 г. заведовал отделом медицинской микробиологии Института экспериментальной медицины (г. Ленинград), одновременно с 1932 г. руководил научной работой

Ленинградского института микробиологии и эпидемиологии им. Пастера; арестован 2 августа 1937 г. С просьбой помочь О. О. Гартоху Р. Роллан обращался также к Н. И. Ежову, В. П. Потемкину и другим.

«Дело следствием прекратить»

Об убийстве генерала Я. А. Слащева*

Большинство из тех, кто читает или смотрит «Бег» М. Булгакова, не подозревают, что прототипом одного из главных героев — генерала Романа Хлудова является историческое лицо — Яков Александрович Слащев.

Я. А. Слащев родился в 1885 г. в семье офицера. В 1911 г. окончил Академию Генштаба. Участник первой мировой войны, закончил ее в чине полковника. В начале 1918 г. послан «Донским гражданским советом» в Минеральные Воды для организации антибольшевистского восстания, затем был начальником штаба партизанского отряда А. Г. Шкуро.

С лета 1918 г. в Добровольческой армии, где последовательно командовал бригадой, Чеченской конной дивизией. С декабря 1919 г. командующий 2-го армейского корпуса. Один из наиболее талантливых воспачальников белой армии. В 1920 г. Я. А. Слащеву было присвоено звание генерал-лейтенанта. За удачную оборону Крыма в январе-апреле 1920 г. получил в августе почетную приставку

к фамилии — Крымский. Однако из-за разногласий с П. Н. Врангелем отстранен от командования корпусом. После эвакуации белых войск в Турцию выступил в печати против Врангеля, по приказу которого был судим и разжалован в рядовые. В ноябре 1921 г. после выхода декрета ВЦИК об амнистии с группой офицеров вернулся в Россию. Преподавал тактику на курсах «Выстрел» и в Высшей школе ОГПУ. Генерал армии П. Н. Батов вспоминает: «Преподавал он блестяще, на лекциях народу полно, и напряжение в аудитории порой было, как в бою. Многие командиры — слушатели сами сражались с врангелевцами, в том числе и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал не жалел ни извительности, ни насмешки, разбирая ту или иную операцию наших войск»**. Ниже публикуются материалы, связанные с трагической гибелью Я. А. Слащева.

Сохранены орфография и синтаксис подлинников.

№ 1

ЦК ВКП(б) — тов. СТАЛИНУ***

(не позднее 25) июня 1929 г.

11-го января 1929 года на своей квартире (в здании военной школы «Выстрел») 3-мя выстрелами из револьвера системы «Парабеллум» был убит б. белый

* В современных справочниках пишется: Слащов.

** Батов П. И. В походах и боях. М., 1974. С. 22.

*** На бланке ОГПУ при СНК СССР.

генерал Я. А. СЛАЩЕВ, вернувшийся из эмиграции, амнистированный Советским правительством и состоявший до момента смерти штатным преподавателем военной школы «Выстрел».

Убийство Я. А. СЛАЩЕВА было совершено гр. КОЛЛЕНБЕРГ Лазарем Львовичем, 24 лет, уроженцем гор. Николаева, беспартийным, командиром запаса Красной армии.

Мотивом убийства Я. А. СЛАЩЕВА по объяснению Л. Л. КОЛЛЕНБЕРГ явился расстрел в 1919 году белыми в гор. Николаеве (по приказу Я. А. СЛАЩЕВА) брата Л. Л. КОЛЛЕНБЕРГ — Григория Львовича КОЛЛЕНБЕРГ, работавшего в подпольи в гор. Николаеве.

По данным следствия установлено, что брат Л. Л. КОЛЛЕНБЕРГ — Григорий (Герш) КОЛЛЕНБЕРГ, член комсомола, служащий обувной фабрики б. Коган в гор. Николаеве, действительно значится в списках расстрелянных б. ген. СЛАЩЕВЫМ в гор. Николаеве 20 ноября 1919 г.

Психиатрической экспертизой в отношении Л. Л. КОЛЛЕНБЕРГ установлено, что последний страдает тяжелым расстройством нервной системы и в отношении совершенного им преступления его надлежит считать невменяемым.

На основании вышеуказанного мы полагаем дело КОЛЛЕНБЕРГ Л. Л. следствием прекратить, освободив его из под стражи*.

Приложение: копия экспертизы.

Зам. пред ОГПУ:

Г ЯГОДА

№ 2

Копия

А К Т

Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствовали 29 апреля 29 года по предложению ст. след. Г. П., гр-на КОЛЛЕНБЕРГ Лазаря Львовича, 25 лет, причем оказалось, что в настоящее время он обнаруживает черты изуродованности характера (психопатии), которые могут быть очерчены в виде настойчивости, упорства, эгоцентризма, склонности к застреванию на определенных впечатлениях, имеющих для него решающий характер, особой привязанности к семье в виде ограничения круга социальных симпатий семейными. Наряду с этим следует отметить некоторую бедность и ограниченность интеллектуальной жизни исследуемого. У таких лиц, как КОЛЛЕНБЕРГ, определенные внешние впечатления получают решающее развитие и заполняют всю личность ауфективно ее подчиняя этой навязчивой идее. В таком именно состоянии и совершено инкриминируемое КОЛЛЕНБЕРГУ деяние, и это состояние следует расценивать как болезненное. А потому гр. КОЛЛЕНБЕРГ следует считать невменяемым в отношении совершенного.

Состав экспертной комиссии: профессора ГАННУШКИН, ГИЛЯРОВСКИЙ, КРАСНУШКИН и врачи ЧЕЛЬЦОВ и ВНУКОВ.

Подлинное за надлежащими подписями с подлинным верно:

(подпись неразборчива)

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 195. Л. 33-34. Подлинник.

* Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 июня 1929 г. предложение Г. Ягоды было принято.

«Мы располагаем самыми лучшими кадрами»

Записки о послевоенном устройстве армии

Генералитет Красной Армии выходит из Мавзолея. 1940-е гг.

Генералитет Красной Армии за годы Великой Отечественной войны по сравнению с довоенным периодом увеличился более чем в три раза.

К маю 1944 г. в составе офицерского корпуса Красной Армии насчитывалось 2952 генерала. Дальнейший рост их количества уже

не отвечал объективным потребностям. Война близилась к завершению, и неизбежно вставал вопрос о численном сокращении армии после ее окончания, в том числе и офицерского корпуса. Анализ количественного и качественного состава генералитета, проведенный Главным управлением кадров Наркомата обороны, показал, что в системе присвоения генеральских

званий и распределении генералов между войсками и аппаратом управления имелись серьезные недостатки.

Необходимо было принять меры к сокращению штатно-должностного количества генералов в Красной Армии, а также определить, как использовать офицерские кадры в мирное время.

№ 1

СОВ. СЕКРЕТНО

Экз. № 1

**ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР**

Товарищу МОЛОТОВУ В. М.

Продолжая неуклонно выполнять задачи, пред'являемые войной, Главное Управление Кадров НКО вместе с тем считает необходимым уже сейчас приступить к разработке плана использования офицерских кадров по окончании войны.

Докладываю по данному вопросу нижеследующие соображения:

I.

Мы в настоящее время располагаем самыми ценными военными кадрами, какие когда либо до сих пор имели, также как и самыми лучшими — в сравнении с кадрами любой армии мира.

Хотя у нас имеется очень большое количество офицеров, тем не менее, при переходе на мирное положение, мы не можем допустить массовой, валовой демобилизации офицеров, а обязаны увольнять их только в персональном порядке, спланировав и растянув сроки демобилизации до полугода с тем, чтобы отобрать и удержать в Армии как можно больше ценного в политическом, деловом и физическом отношениях.

Для того, чтобы впитать в сокращенный организм армии максимальное количество офицерского состава, необходимо:

1. Сохранить путем перехода на дивизии сокращенного состава наибольшее количество соединений всех родов войск. К примеру, вместо сохранения 100 стрелковых дивизий 10–12-ти тысячного состава сохранить 200–250 дивизий 4–6-ти тысячного состава.

Генералами замещать не только должности командиров дивизий и корпусов, но их заместителей и начальников штабов, а также начарткоров, корпусных инженеров и нач. АБТ корпуса.

2. Вместо прежней громоздкой штатной организации военных училищ по 1000–1500 курсантов, перейти на училища по 300–400 курсантов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Военные училища старой армии имели в своем штате по 300–400 курсантов.

Это позволит из 100 имеющихся сейчас военных училищ пехоты сохранить не менее половины и на деле перейти на принцип индивидуального обучения и воспитания будущих офицеров.

Начальниками училищ назначать генерал-лейтенантов и генерал-майоров из лучших командиров корпусов и дивизий.

3. В интересах сохранения возможно большего количества фронтовых и армейских управлений перейти на более мелкую территориально организацию военных округов. В их штатах урезать все, что угодно, только не отделы оперативные, разведывательные, связи, артиллерии и танковые.

4. Разрешить назначение генералов на должности командиров гвардейских полков для всех родов войск.

5. Создать не менее чем на годичный срок широкую сеть полковых, дивизионных, корпусных, армейских и фронтовых комиссий с единственной задачей — изучить и описать боевую историю частей и соединений действующей армии, а также все наиболее значительные и поучительные бои и операции за все годы Отечественной войны.

Этим мероприятием государство будет обеспечено невиданным по объему и богатству содержания боевым и военно-историческим материалом, а армия сохранит на переходной период несколько тысяч хороших офицеров и генералов на весьма ценной для их роста работе.

6. Пересмотреть существующий состав начальников военных кафедр и преподавателей военных дисциплин гражданских высших и средних учебных заведений и назначить вместо них наиболее квалифицированных и работоспособных генералов и офицеров; тем самым укрепим очень слабый участок подготовки офицерских кадров запаса.

К настоящему времени мы имеем военные кафедры в 641 гражданском ВУЗ'е.

II.

При отборе офицеров особое внимание уделить тому, чтобы оставить в армии как можно больше молодого состава в возрастном отношении с тем, чтобы он был боеспособен по истечении последующих 15–20 лет.

На должности командиров частей и соединений, в основном, назначать тех, кто помоложе.

Более пожилых использовать, в основном, в штабах округов и фронтов, в центральном аппарате, в военных академиях и училищах, в высших гражданских учебных заведениях, в органах местного военного управления, в военных органах гражданских наркоматов и ведомств.

Должности заместителей командиров частей и соединений, на которых сейчас находятся люди не вполне подходящие к самостоятельной боевой работе, нужно будет заместить командирами другого типа — молодыми, энергичными, имеющими перспективы роста и данные для самостоятельной работы, а именно: в полках — из числа командиров батальонов, в дивизиях из числа командиров полков и т. д.

При изложении принципа отбора офицерских кадров на предстоящие десятилетия с учетом возрастных требований, речь вовсе не идет об упрощенном отборе по «метрикам». Отбор должен производиться строго в индивидуальном порядке с учетом всех основных принципов подбора, но при этом требования возраста должны занимать одно из решающих мест.

Возраст наших командиров стрелковых полков в данное время таков:

До 25 лет	26–30 лет	31 год	32 года	33 года	34 года	35 лет	36–40 лет	41–45 лет	46–50 лет	Старше 50 лет	ИТОГО
35	180	67	73	51	71	99	555	277	70	10	1488

Таким образом, основную массу командиров стрелковых полков мы, при строго индивидуальном их отборе, можем иметь в возрасте от 26 до 35 лет и, частично, от 36 до 40 лет.

Командиры стрелковых дивизий имеют возраст:

26–30 лет	31–35 лет	36–40 лет	41 год	42 года	43 года	44 года	45 л.	46–50 лет	Старше 50 лет	ИТОГО
2	30	109	40	43	58	52	34	119	16	503

Таким образом, и при их строго индивидуальном отборе, основной костяк наших командиров дивизий мы можем иметь в возрасте от 31 до 42 лет и, частично, до 45 лет.

Возраст командиров стрелковых корпусов:

31–35 лет	36–40 лет	41 год	42 года	43 года	44 года	45 лет	46–50 лет	Старше 50 лет	ИТОГО
1	19	6	11	28	20	16	54	12	167

Также и здесь мы можем основной состав командиров корпусов иметь в возрасте от 36 до 45 лет и частично — старше.

Возраст командармов:

36–40 лет	41–45 лет	46–50 лет	Старше 50 лет	ИТОГО
2	28	30	7	67

Таким образом, имеется возможность и командармов отобрать в основном 40–45 лет.

Что касается начальников штабов, то они по своему возрасту на всех ступенях (от полков до армий) относительно даже моложе соответствующих категорий своих командиров.

III.

Актуальное значение приобретает задача военной доподготовки высшего командного состава, так как довольно большой процент общевоинских генералов и командиров полков получил военно-теоретическую подготовку лишь на краткосрочных курсах Академий, «ВыСТРЕЛ»а, окружных (фронтовых) курсах.

Это подтверждается следующей таблицей:

Должности	Высшая военная академия		Военные академии		Курсы усовершенствован.	Военные училища.	Ускорен. курсы и др.	ИТОГО
	Норм. курс	Ускор. курс	Норм. курс	Ускор. курс				
Командарм	9	1	33	-	24			67
Наштарм	20	3	38	1	6	-	-	68
Комкор стр.	14	2	85	3	45	5	13	167
Наштакор стр.	15	2	106	4	16	11	9	163
Комдив стр.	17	51	202	19	113	67	34	503
Наштадив стр.	5	10	196	71	95	82	41	500
Комполка стр.		5	108	220	700	329	126	1488
В С Е Г О:	80	74	768	318	999	494	223	2956

Среди генералов службы тыла и политсостава, а также юридического состава имеется не мало лиц совершенно не имеющих военного образования.

Считаю, что военная доподготовка общевоинских командиров, получивших огромный боевой опыт, но не имеющих достаточного военно-теоретического образования, должна пойти двумя путями — часть командиров, но не основная, должна проходить полный курс соответствующих академий, а другая, основная по количеству, — пройти доподготовку на основе сокращенного годичного курса.

Для последней категории создать:

а) курсы усовершенствования при Высшей Военной Академии Красной Армии для командиров дивизий, корпусов, начальников училищ;

б) курсы усовершенствования при Академии им. Фрунзе для начальников штабов дивизий и заместителей командиров дивизий;

в) «ВыСТРЕЛ» для доподготовки командиров полков и батальонов;

г) курсы усовершенствования офицеров пехоты в округах для командиров рот.

Основные задачи доподготовки:

а) изучение, обобщение и анализ опыта Отечественной войны по вопросам тактического, оперативного и стратегического порядка;

б) боевое использование средств усиления общевоинских соединений и организация взаимодействия с артиллерией, танками, ВВС и инженерными частями;

в) управление войсками и штабная работа;

г) повышение общеобразовательного уровня.

IV.

Необходимо будет уделить серьезное внимание правильному использова-

нию, с точки зрения интересов армии, того, все же довольно большого количества офицеров, которых сокращенная армия не сможет вместить и которые должны быть демобилизованы.

Их использование целесообразно установить следующим порядком:

1. В центральном, краевом, областном и районном советском аппарате установить должности заместителей председателей советов, зам. наркомов и заместителей начальников главков по военной работе, обязанностью которых будет организация военной и мобилизационной подготовки наркомата; края, области, района.

2. На предприятиях промышленности ввести должности заместителей директоров заводов по военно-мобилизационной работе, возложив на них мобилизационную подготовку, бронирование, учет, ПВО, боевую подготовку рабочих.

3. В областных, краевых, районных партийных комитетах ввести должности секретаря или заместителя секретаря по военной работе, на обязанности которых будет лежать конкретное руководство оборонной работой области, края и района, с непосредственным подчинением им военных отделов парткомов.

4. С окончанием войны ввести во всех средних школах и техникумах изучение курса «История Отечественной войны», преподавателей которого назначать, главным образом, из числа офицеров Красной Армии. Этим преподавателям разрешить ношение военной формы, дать право состоять членами офицерских клубов и Домов Красной Армии, а также предоставить льготы по обучению детей в военных училищах.

5. Разработать и ввести по всем ведомствам, наркоматам, общественным и профсоюзным организациям номенклатуру должностей, которые должны замещаться генералами и офицерами, находящимися в запасе и отставке.

V.

Так как уже сейчас гражданские наркоматы и ведомства всеми путями добиваются увольнения из армии многих офицеров, которые были до войны гражданскими работниками, необходимо обеспечить за армией при общей демобилизации полное право оставления тех офицеров, которые, хотя и попали в армию в годы Отечественной войны, оказались более ценными для армии, нежели некоторые кадровые офицеры.

VI.

При переходе армии от военного на мирное положение необходимо освободить армию от всего, что ее обременяет и в известной степени мешает росту ее кадров.

Выпускники Военной академии им. М. В. Фрунзе в зале торжественного собрания. Москва, 1946 г.

Среди офицерского состава нашей армии до сих пор имеется некоторое количество лиц, которые мешают армии — одни в силу своей неработоспособности независимо от их добрых желаний (из-за болезни, старости, отсталости); другие — в силу моральной неустойчивости, например, систематические пьяницы и недисциплинированные элементы; третьи — в силу политической неустойчивости, сомнительности и враждебности.

Армия вполне может без них обойтись.

Доклад об этом мною представлен товарищу С Т А Л И Н У
2 августа 1944 года.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК

ГОЛИКОВ¹

2 августа 1944 года.

ГУК/ОМУ-1490538

АПРФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 813. Л. 34–39. Подлинник.

Примечание

1. Голиков Ф. И. (1900–1980) — с апреля 1943 г. заместитель наркома обороны по кадрам, начальник Главного управления

кадров НКО СССР, одновременно с 1944 г. уполномоченный СНК СССР по делам репатриации граждан СССР.

№ 2

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

экз. № 1

Товарищу Г О Л И К О В У

На № ГУК/ОМУ — 1490538

При разработке плана использования и создания кадров Красной Армии после войны, нужно прежде всего исходить из опыта, который мы получили в начальный период Отечественной войны.

Чему нас учит полученный опыт?

Во-первых, мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронтов встали лю-

Офицеры на Красной площади. 1940-е гг.

ди, которые проваливали одно дело за другим (ПАВЛОВ¹, КУЗНЕЦОВ², ПОПОВ³, БУДЕННЫЙ⁴, ЧЕРЕВИЧЕНКО⁵, ТЮЛЕНЕВ⁶, РЯБЫШЕВ⁷, ТИМОШЕНКО⁸ и др.).

На армии ставились также мало изученные и неподготовленные люди. Иначе и не могло быть, так как подготовленных еще в мирное время кандидатов на фронты, армии и соединения не было. Людей знали плохо. Наркомат Обороны в мирное время не только не готовил кандидатов, но даже не готовил командующих — командовать фронтами и армиями.

Еще хуже обстояло дело с командирами дивизий, бригад и полков. На дивизии, бригады и полки, особенно второочередные, ставились не соответствующие своему делу командиры.

Короче говоря, каждому из нас известны последствия командования этих людей, и что пережила наша Родина, вверив свою судьбу в руки таких командующих и командиров.

В ы в О д: Если мы не хотим повторить ошибок прошлого и хотим успешно вести войну в будущем, нужно, не жалея средств, в мирное время готовить командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями.

Затраченные средства окупятся успехами войны.

Видимо в мирное время нужно иметь два-три комплекта командиров дивизий и полков, которые бы обеспечили полное развертывание армии и трех-четырёхмесячное ведение войны.

Каждому командующему фронтом и армией иметь заранее отобранного и подготовленного заместителя.

Во-вторых, мы безусловно оказались неподготовленными с кадрами запаса.

Все командиры, призванные из запаса, как правило, не умели командовать полками, батальонами, ротами и взводами. Все эти командиры учились войне — на войне, расплачиваясь за это кровью наших людей.

В-третьих, мы не имели культурного штабного командира и как следствие не имели хорошо сколоченных штабов.

В-четвертых, в культурном отношении наши офицерские кадры недостаточно соответствовали требованиям современной войны. Современная война — на 8/10 война техники с техникой врага, а это значит нужно быть культурным человеком, чтобы уметь быстро разобраться со своей техникой и техникой врага, и разобравшись, грамотно применить свою технику.

Нужно правду сказать, что из-за неграмотности и безкультурия наших кадров, мы очень часто несли большие потери в технике и живой силе, не достигнув возможного успеха.

В-пятых — существовавшая в мирное время система обучения и воспитания наших кадров, не дала нам для войны образцового и авторитетного командира.

Наши академики, школы и курсы неправильно учили командные кадры, а именно:

1) Теоретическое обучение шло явно в ущерб практическому обучению. Опыт войны показал, что только те командиры оказались хорошими командирами, которые выросли на полевой работе, а не в кабинетах.

Следовательно, главный упор в будущем должен быть в обучении командира — это работа в поле, в обстановке близкой к боевой.

2) Наши командиры очень плохо знали и знают технику (авиацию, артиллерию, танки и пр.). Нужно каждого командира, от командира батальона и выше, в будущем обязательно прикомандировывать в спец. части на 6–10 месяцев для капитального изучения сердца техники.

3) Волевые качества нашего командира — инициатива, умение взять на себя ответственность, развиты явно недостаточно, а это очень пагубно сказалось на ход войны в первый период. Следовательно, этот важнейший вопрос нужно решить так же капитально.

Что касается Ваших соображений об оставлении возможно большего состава командного состава в рядах армии в мирное время, я считаю в основном их правильными, но при этом я только за оставление нужных и способных кадров, а не таких, как у нас были, вроде провалившихся.

22 августа 1944 г.

№ 002/л

АПРФ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 30. Л. 95–96. Заверенная копия.

Г. ЖУКОВ⁹

1. Павлов Д. Г. (1897–1941) — с 1940 г. командующий войсками Белорусского Особого военного округа, с первых дней войны командующий Западным фронтом.
2. Кузнецов Ф. И. (1898–1961) — в 1940–1941 гг. командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа, в ходе войны командующий Северо-Западным фронтом, 21-й армией, Центральным фронтом, 51-й армией, начальник штаба 28-й армии, заместитель командующего войсками Западного фронта, командующий 61-й армией. С апреля 1942 г. начальник Военной академии Генштаба, затем командующий войсками Волховского и Карельского фронтов.
3. Попов М. М. (1902–1969) — в 1941 г. командующий войсками Ленинградского военного округа, в ходе войны командующий Северным и Ленинградским фронтами, 61-й и 40-й армиями, заместитель командующего войсками Сталинградского и Юго-Западного фронтов, командующий 5-й Ударной и 5-й танковой армиями, Резервным, Брянским, Прибалтийским и 2-м Прибалтийским фронтами, начальник штаба Ленинградского, 2-го Прибалтийского фронтов.
4. Буденный С. М. (1883–1973) — с 1940 г. первый заместитель наркома обороны СССР, в ходе войны главнокомандующий войсками Юго-Западного направления, командующий войсками Резервного фронта, главнокомандующий Северо-Кавказским направлением, командующий войсками Северо-Кавказского фронта. С 1943 г. командующий кавалерией Советской Армии.
5. Черевиченко Я. Т. (1894–1976) — с 1940 г. командующий войсками Одесского военного округа, в ходе войны командующий 9-й армией, Южным, Брянским фронтами, заместитель командующего войсками

Крымского и Северо-Кавказского фронтов, командующий Черноморской группой войск Закавказского фронта и 5-й армией, заместитель командующего Северо-Западным фронтом, командующий войсками Харьковского военного округа, с 1944 г. в распоряжении Ставки ВГК.
6. Тюленев И. В. (1892–1978) — с 1940 г. командующий войсками Московского военного округа, в ходе войны командующий Южным фронтом, 28-й армией, войсками Закавказского военного округа, Закавказского фронта.
7. Рябышев Д. И. (1894–?) — с 1941 г. командир 8-го механизированного корпуса, в ходе войны командующий 38-й армией, войсками Южного фронта, 57-й, 28-й армиями, заместитель командующего 3-й гвардейской армией, командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса, командующий 3-й гвардейской армией, командир 3-го гвардейского и 114-го стрелкового корпусов.
8. Тимошенко С. К. (1895–1970) — с 1940 г. нарком обороны СССР, в ходе войны заместитель наркома обороны СССР, главнокомандующий войсками Западного, Юго-Западного направлений, одновременно командующий войсками Западного и Юго-Западного фронтов, затем командующий Сталинградским, Северо-Западными фронтами, с 1943 г. представитель Ставки ВГК на ряде фронтов.
9. Жуков Г. К. (1896–1974) — с 1941 г. начальник Генштаба — заместитель наркома обороны СССР, с 1942 г. первый заместитель наркома обороны СССР и заместитель Верховного Главнокомандующего. Копия записки Г. Жукова была направлена Ф. Голиковым 28 августа 1944 г. секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову.

№ 3

18 мая 1944 г.
№ 461422

СЕКРЕТНО
Экз. № 1
Ц К В К П (б)*

Народному комиссару обороны
Маршалу Советского Союза
товарищу Сталину И. В.

О генералитете Красной Армии

Представляю при этом в приложении статистическую разработку на генеральский состав Красной Армии.

На 15 мая Красная Армия имеет 2952 генерала.

В целом эти данные свидетельствуют:

1. Об огромном росте военных кадров Советского Государства за время Отечественной войны.
2. О создании в годы Отечественной войны большого генералитета Красной Армии (до войны было всего 994 генерала).
3. О том, что основным источником выращивания и формирования Советского генералитета явилась лучшая, наиболее боевая и способная часть офицеров,

* На бланке «Начальник Главного управления кадров Народного комиссариата обороны СССР».

выдвинувшаяся снизу из числа полковников — 1152 чел., подполковников — 182 чел., майоров — 186 чел., капитанов — 15 чел. и старших лейтенантов — 1 чел.

4. О том, что генералитет Красной Армии в своей основной и подавляющей массе состоит из коренного кадрового состава Красной Армии, прослужившего в ее рядах 20–26 лет — (2763 чел. или 93,69%), и что в его составе также имеется значительная группа (189 чел.) со стажем службы от 5 до 15 лет, выдвинувшаяся в генералитет за свою выдающуюся работу.

Анализируя отдельные стороны разработки, я считаю необходимым выдвинуть нижеследующие соображения.

1. Определить и ограничить общую численность генералов *

Уже сейчас мы имеем почти 3 тысячи генералов (2952 чел.).

Это очень серьезная цифра. В сравнении с другими армиями она будет выглядеть так: США — 1065 генералов, сухопутная армия Англии — 517 генералов, Германия — 2198 генералов (без санитарной и ветеринарной службы), Япония — 1209 генералов (данные разведывательного Управления от 25 января 1944 года).

Требования на присвоение новых и новых генеральских званий не прекращаются и не ослабевают.

Особенно они велики по линии службы тыла Красной Армии (в тоже время они наиболее сдержаны из действующей армии и по общевойсковой линии).

С точки зрения штатной нам могут предъявить требования еще на присвоение 6.000 генеральских званий. Это вытекает из того, что в действующих сейчас штатах военного ведомства установлено 9007 должностей, которые должны и могут замещаться лицами генеральского состава. Эта цифра в 3 раза больше количества уже имеющихся генералов.

Кроме того, нужно учесть, что в целом ряде случаев центральные управления стремятся добиться генеральского звания даже тем лицам, должностное положение которых определяется категорией «Подполковник-полковник».

Необходимо:

а) установить ориентировочную численность генералов для вооруженных сил Советского Союза, чтобы ее придерживаться;

б) основательно сократить штатно-должностное количество генералов, установленное сейчас, тем более, что излишне большая численность генеральского состава отрицательно скажется на авторитете и весе генералов;

Такое сокращение штатных должностей генералов является безусловно возможным и реальным делом, это видно хотя-бы из того, что из 9007 штатных генеральских должностей — 3287 идут под рубрикой «Полковник-Генерал», т. е. вполне могут заполняться полковниками.

Этот процент особенно велик в ВВС КА, где количество должностей, могущих заполняться «Полковник-Генерал» почти в два раза больше цифры, установленной для заполнения генералами (по штату установлено генеральских должностей 380, а должностей «Полковник-Генерал» — 666).

в) исходя из общей цифры, которая будет установлена для генеральского состава, установить численность генералов по родам войск и служб с тем, чтобы для них это явилось ограничительными рамками.

2. Централизовать представление к генеральским званиям через ГУК НКО

Основные центральные управления НКО представляют свои кандидатуры в СНК СССР на присвоение генеральских званий каждое самостоятельно, исходя из своего собственного критерия и своих ограниченных служебных интересов.

При этом стараются избежать представления через Главное Управление Кадров НКО и избавиться от его контроля.

Нагляднее всего это проявляется со стороны Управления Тыла, где ярко выражено стремление, как можно больше произвести генералов и возвести их в высший ранг.

Уже сейчас по службе тыла имеется 326 генералов, что составляет к общему числу 11,04%.

---

* Здесь и далее подчеркнута автором документа.

Это обстоятельство приводит к фактам незаслуженного присвоения генеральских званий.

Так, Постановлением Совнаркома СССР от 11.5.1944 года присвоены генеральские звания 24 офицерам и генералам службы Тыла, из которых по крайней мере 6 человекам, по моему мнению, звание присвоено незаслуженно, среди них:

1. Начальник административно-хозяйственного Управления ПОЛЯКОВ В. В.

Он только 20.12.1942 г. получил звание «Генерал-майора». В Красной Армии прослужил всего лишь 6 лет и 5 месяцев, из которых один год рядовым, 5 лет военкомом финуправления и 5 месяцев начальником административно-хозяйственного Управления НКО.

Военного образования никакого не имеет.

Он с успехом мог бы и сейчас быть в звании «Полковник интендантской службы». Столь стремительного движения в званиях нет даже в Действующей армии.

2. Начальник Управления Базы Центра НКО АЗИЗБЕКОВ А. М. в Красной Армии всего лишь 8 месяцев, ни опыта, ни военного образования, ни стажа службы в армии совершенно не имеет.

3. Начальник 1 отдела Интендантского Управления ЧИСТЯКОВ В. А.

Хотя в армии он и с 1918 г., но вся его служба с 1920 г. проходила только в военно-хозяйственном управлении НКО, на канцелярских должностях, начиная с младшего делопроизводителя по положению не выше майора-подполковника и сейчас он занимает должность не генерала, а только полковника.

С 1920 г. ни одного месяца службы в войсках.

4. Начальник автомобильного Управления Белорусского округа НАБЕРУХИН И. М.

Ему звание полковника было присвоено только в апреле 1943 года. Будучи в окружении в 1941 году, по сообщению Управления Контрразведки «Смерш», сдался в плен румынам, порвал и выбросил партбилет. В плену подвергался допросам, после чего был освобожден и направлен на работу. При выходе из окружения неоднократно задерживался немцами и полицейскими органами. Вышел из окружения одиночным порядком, что пытается скрыть.

В 1942 году во время осады Сталинграда немцами высказывал пораженческие настроения.

5. Зам. начальника вещевого управления ПАЛЕЕВ Борис Соломонович.

Вся его служба в Красной Армии с 1919 г. исчерпывается:

— четырьмя месяцами рядовым и начальником разведки батальона в 1919 г.;

— восемью годами учебы в хозяйственных ВУЗ'ах (с 1920–1928 г.г.);

— и 16 годами непрерывной службы в интендантском управлении НКО, начиная с должности мл.приемщика в г. Москве;

— ни одного дня службы в войсках.

6. Зам. начальника отдела кадров управления тыла БАВИН И. В.

Занимал и занимает должность, отнесенную к званию «Подполковник-полковник».

Имеет перерыв по службе в армии 7 лет.

Для более правильного подхода и в целях усиления контроля необходимо установить, чтобы представления к генеральским званиям шли только через Главное Управление Кадров НКО и им докладывались. Конечно, могут быть исключения, но и тогда начальник любого центрального Управления, лично докладывающий вопрос о присвоении генеральского звания, должен иметь на материале мнение Главного Управления Кадров НКО.

3. Выправить распределение генералов между войсками и управленческим аппаратом

Из 2952 генералов Красной Армии — 1569 чел. (или 57,5%) находятся в органах управления; из них 395 чел. — в Центральном аппарате НКО, 1174 — во фронтовом, окружном и армейском аппарате. В войсках же (в корпусах, дивизиях, бригадах, училищах, академиях и научно-исследовательских институтах) находится 1256 генералов (или 42,5%).

При всем значении органов управления, все же необходимо установить более правильное распределение генеральского состава между аппаратом управления и между войсками.

Сейчас у нас в звании «полковник» находится: 276 командиров дивизий, 74 командира бригады и 67 начальников училищ. По мере их роста они войдут в состав генералов.

Но даже при полной заполненности штатных должностей генералами в войсках, количество генералов в управленческом аппарате остается очень большим; еще больше оно по штату, о чем я уже говорил.

От уменьшения генеральских должностей авторитет управленческого аппарата, в том числе и центрального, отнюдь не проиграет, а только выиграет.

Между тем руководители учреждений центрального аппарата стремятся к тому, чтобы у них было больше генеральских должностей.

4. Повысить требования к военному образованию генералов

Очень велика цифра генералов, не имеющих никакого военного образования — 142 чел. (4,8% к всему составу генералов). Также очень велика цифра генералов, имеющих военное образование всего лишь в объеме военного училища (443 чел.) и курсов (769 чел.), что составляет 41,05% (по обеим цифрам).

К генеральскому составу необходимо пред'явить серьезные требования в отношении собственного военного образования.

В первую очередь нужно потребовать от лиц вовсе не имеющих военного образования — подготовиться и сдать за военное училище.

Для генералов, окончивших лишь военные училища и курсы, установить определенный план получения академического образования, хотя бы по сокращенной программе (в соответствии со специальностью) — для одних путем пропуска через академические курсы, для других путем самостоятельной работы над собой, для третьих — путем широкой организации в Красной Армии заочного и вечернего обучения.

5. О генералах, не имеющих наград

204 генерала не имеют вовсе наград.

Из них по должностям:

Командующих армией	—	3 чел.
Членов Военных Советов	—	4 «
Зам. Командующих фронтов, округов и армий	—	8
Нач. штабов армий и корпусов	—	5
Командующих и зам. командующих, начальников спецродов войск фронтов, округов и армий	—	7
Командиров корпусов	—	6
Командиров дивизий, бригад и комендантов Ур'ов	—	22
Зам. командиров корпусов, дивизий	—	8
Нач. училищ, школ, институтов, зам. и пом. нач. академий, училищ, нач. кафедр академий и преподавателей	—	86
Нач. управлений центр. и фронт. аппаратов, их заместит., нач. отделов, нач. служб, работников прокуратуры и Военных трибуналов	—	29
Прочих	—	26

По стажу службы в Красной Армии:

Свыше 20 лет	—	183
до 20 лет	—	6
до 15 лет	—	8
до 10 лет	—	2
до 5 лет	—	5

Эта цифра является дополнительным доказательством необходимости ввес-

ти законом награждение военнослужащих за выслугу лет (согласно моего представления от 14 апреля 1944 г. № 459643)¹.

Приложение: справка на 12 листах.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК

ГОЛИКОВ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ НКО СССР

СОВ. СЕКРЕТНО
Экз. №

СПРАВКА
О ГЕНЕРАЛАХ КРАСНОЙ АРМИИ
По состоянию на 15 мая 1944 г.
(без ВМФ, НКВД, НКГБ и др. наркоматов)

ОБЩИЕ ДАННЫЕ
О ГЕНЕРАЛАХ КРАСНОЙ АРМИИ ПО ГОДАМ ПРИСВОЕНИЯ ЗВАНИЙ

Воинское звание	Всего генералов	Со стажем с 1940 г.	С 1.1941 по 22.6.1941 г.	С 22.6.41 г. по 1.1.42 г.	1942 г.	1943 г.	С 1.1. по 1.5.44 г.
Генералы Армии	10	2	-	--	-	8	-
Генерал-полковники	60	1	2	2	3	34	18
Генерал-лейтенанты	428	47	-	9	49	263	60
Генерал-майоры	2454	357	1	83	584	1152	277
ИТОГО:	2952	407	3	94	636	1457	355

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
ГЕНЕРАЛОВ КРАСНОЙ АРМИИ ПО РОДАМ ВОЙСК И СЛУЖБАМ

Воинское звание	Всего генералов	Из них											
		Общевойсковые	Артиллерии и инж. арт. сл.	Авиации и инж. авиа-сл.	Танковых войск и инж. танк. службы	Войск связи	Инженерных войск	Техническ. войск	Инж. техн. службы	Интендантск. службы	Медицинск. службы	Ветеринарн. службы	Юстиции
Генералы Армии	10	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Генерал-полковники	60	33	6	13	5	-	1	-	-	-	1	-	1
Генерал-лейтенанты	428	227	50	57	37	12	10	6	-	15	10	2	2
Генерал-майоры	2454	1197	298	284	163	58	64	110	44	128	60	19	29
ИТОГО:	2952	1467	354	354	205	70	75	116	44	143	71	21	32

СОСТАВ ГЕНЕРАЛОВ ПО СТАЖУ СЛУЖБЫ В КРАСНОЙ АРМИИ

Воинское звание	Всего генералов	Из них				
		До 5 лет	До 10 лет	До 15 лет	До 20 лет	От 21 года до 26 лет
Генералы Армии	10	-	-	-	-	10
Генерал-полковники	60	1	-	-	5	54
Генерал-лейтенанты	428	9	8	9	26	376
Генерал-майоры	2454	23	17	122	213	2079
ИТОГО:	2952	33	25	131	244	2519

ПРИМЕЧАНИЕ: Генералы, состоящие на службе в армии до 5 лет относятся: к политсоставу — 20 чел., партизанам — 13 чел.

СОСТАВ ГЕНЕРАЛОВ КРАСНОЙ АРМИИ ПО ВОЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Воинское звание	Всего генералов	Из них														Не имеющих военного образования			
		Оконч. две акад.: АГШ и одну из др. академий	АГШ	ВАФ	Арт. Академию	Акад. ВВС	ВАММ	ВЭТАС	ВИА	ВТА	ВПАЛ	АХЗ	ВХА	ВМА	Вет. Академию		Училища и шк.	Курсы	
Генералы Армии	10	3	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	
Генерал-полковники	60	4	4	24	1	4	3	-	-	1	-	-	-	-	-	-	14	3	2
Генерал-лейтенанты	428	29	24	134	14	10	9	4	5	3	13	-	-	10	-	-	105	47	21
Генерал-майоры	2454	141	72	621	64	69	59	21	52	47	88	17	8	34	1	393	648	119	
ИТОГО:	2952	177	100	784	79	83	71	25	57	51	101	17	8	44	1	443	769	142	

ПРИМЕЧАНИЕ: из 142 генералов, не имеющих военного образования относятся: к политу составу — 51 чел., работникам тыла — 21 чел., инженерно-техническому составу — 14 чел., медицинскому и ветеринарному составу — 16 чел., юстиции — 29 чел. и партизанам — 11 чел.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛОВ ПО УЧЕТУ
В УПРАВЛЕНИЯХ НКО И КРАСНОЙ АРМИИ

Воинское звание	Всего генералов	Из них												
		ГК НКО	УК Артп.КА	ВВС, АДЛ, ГВФ, ИА ПВО	БТИМВ	Кавалерия	ГУСКА	ИНЖвойска КА	ГВХУКА	Тыл Кр.Арм.	ГлавПУРКА			
Генералы Армии	10	9								1				
Генерал-полковники	60	28	7	13	5	1			1					4
Генерал-лейтенанты	428	178	52	57	39	8	13		10		2		38	31
Генерал-майоры	2454	930	321	266	174	57	68		82		33		286	237
ИТОГО:	2952	1145	380	336	218	66	81		93		35		326	272

ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ ГЕНЕРАЛОВ КРАСНОЙ АРМИИ

Воинское звание	Всего генералов	Из них								
		До 30 лет (1914-1915)	До 35 лет (1909-1913)	До 40 лет (1904-1908)	До 45 лет (1899-1903)	До 50 лет (1894-1898)	До 55 лет (1889-1893)	До 60 лет (1884-1888)	До 65 лет (1879-1883)	Свыше 65 лет
Генералы Армии	10	-	-	-	-	7	3	-	-	-
Генерал-полковники	60	-	-	4	26	22	5	2	1	-
Генерал-лейтенанты	428	-	4	36	143	176	38	13	7	11
Генерал-майоры	2454	1	33	276	987	794	253	69	22	19
ИТОГО:	2952	1	37	316	1156	999	299	84	30	30

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГЕНЕРАЛОВ КРАСНОЙ АРМИИ

Воинское звание	Всего генералов	Из них																									
		Русских	Украинцев	Белоруссов	Евреев	Азербайджанц.	Грузин	Армян	Татар	Узбеков	Коми	Казахов	Марийцев	Литовцев	Калмыков	Латышей	Черкесов	Эстонцев	Чувашей	Финнов	Карамов	Поляков	Осетин	Мордвин	Немцев	Испанцев	
Генералы армии	10	6	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Генерал-полковники	60	46	7	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Генерал-лейтенанты	428	346	47	15	9	1	3	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1	2	1	1	1	1	1
Генерал-майоры	2454	1874	230	141	92	5	10	21	11	1	1	1	8	1	18	1	3	3	3	3	1	14	8	3	1	3	3
ИТОГО:	2952	2272	286	157	102	5	12	25	12	1	1	1	8	2	19	1	5	4	4	3	1	17	9	4	1	3	3

СОСТАВ ГЕНЕРАЛОВ КРАСНОЙ АРМИИ ПО ПАРТИЙНОСТИ И ПАРТСТАЖУ

Воинское звание	Всего генералов	Из них														
		Членов ВКП(б)	В том числе по стажу													
			До 1918 г.	1918-1923 г.	1924-1928 г.	1929-1932 г.	1933-1936 г.	1937-1938 г.	1939-1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	Кандидатов в члены ВКП(б)	Беспартийных		
Генералы Армии	10	1	4	2	-	-	1	-	1	-	1	-	-	-	-	-
Генерал-полковники	60	3	28	14	8	-	-	3	-	2	-	-	-	-	-	2
Генерал-лейтенанты	428	28	174	79	43	2	20	32	7	3	2	2	2	2	2	36
Генерал-майоры	2454	72	816	602	271	4	89	132	74	83	19	44	44	44	248	248
И Т О Г О:	2952	104	1022	697	322	6	110	167	82	89	21	46	46	286	286	286

С В Е Д Е Н И Я

О генералах Красной Армии, имеющих правительственные награды
и звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда.

Воинское звание	Всего генералов	Из них имеют награды						В том числе			не имеющих наград	
		Одну	Две	Три	Четыре	Пять	Шесть и более	Дважды Героев Со-ветск. Союза	Героев Со-ветск. Союза	Героев Со-циал. Труда		
Генералы Армии	10	-	-	1	2	4	3	-	1	-	-	-
Генерал-полковники	60	-	5	14	12	20	9	-	7	-	-	-
Генерал-лейтенанты	428	33	108	118	106	38	21	1	38	7	-	4
Генерал-майоры	2454	656	785	537	208	60	8	3	93	6	-	200
ИТОГО:	2952	689	898	670	328	122	41	4	132	13	-	204

СВЕДЕНИЯ

О количестве генералов, работающих и состоящих на учете в Военно-Морском Флоте, НКВД, НКГБ, «Смерш» и в гражданских Наркоматах
По состоянию на 15.5.1944 г.

Звания	Комсостав кора- бельной службы	Комсостав берего- вой службы	Инж.состав кора- бельной службы	Инж.состав бере- говой службы	Общевойсковые	Артиллерия и инж.артил.сл.	Авиации и инж.авиаци.службы	Инженерных войск	Войск связи	Технических войск	Инж.танковой службы	Инж.техни- чesk.службы	Интенд.службы	Медицинск.сл.	Ветеринарн.сл.	Юстиции	ВСЕГО
Адмиралов	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7
Генерал- полковников	-	1	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3
Вице-адмиралов	14	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	18
Генерал- лейтенантов	-	7	-	1	12	4	5	1	-	4	-	1	3	2	-	1	41
Контр-адмиралов	80	-	31	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	111
Генерал-майоров	-	42	-	2	116	24	49	1	5	10	6	20	13	14	2	11	315
ИТОГО:	101	50	35	3	129	28	55	2	5	14	6	21	16	16	2	12	495

С П Р А В К А

О званиях генералов Красной Армии до начала Отечественной войны, звания которым присвоены после 21.6.1941 года (без ВМФ, НКВД, НКГБ, ГлавПУРККА и др.наркоматов)

Всего присвоено генеральских званий	— 1753 чел.
Из них были в званиях:	
Комдивов и им соответствующих	— 24
Комбригов и им соответствующих	— 178
Полковников и им соответствующих	— 1152
Подполковников и им соответствующих	— 182
Майоров и им соответствующих	— 186
Капитанов и им соответствующих	— 15
Старших лейтенантов и им соответствующих	— 1
Не имеющих воинских званий	— 15

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Ст. лейтенант КОВАЛЕВ, к-р партизанского отряда.

2. Из 15 капитанов в настоящее время занимают должности: командиров дивизий, бригад и партизанских соединений — 10 чел., нач.штабов корпусов и армий — 2 чел., командующих БТ и МВ фронтов и армий — 2 чел., зам.командиров дивизий — 1 чел.

3. Из числа не имеющих вовсе званий — звания генералов присвоены командирам партизанских соединений.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ПО
НАГРАЖДЕНИЮ И ПРИСВОЕНИЮ ВОИНСКИХ ЗВАНИЙ
ПО Л К О В Н И К

ЛОБОДА

18 мая 1944 г.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 205. Л. 161–180. Подлинник.

Примечание

1. По записке Ф. Голикова был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 г. «О награждении орденами и

медалями генералов, офицеров и сержантского состава сверхсрочной службы за выслугу лет в Красной Армии».

«Куприна впустить МОЖНО»

Трагедия российской эмигрантской интеллигенции послеоктябрьской волны, как в зеркале, отразилась в творчестве и судьбе русского писателя А. И. Куприна, прожившего более полутора десятилетий на чужбине и вернувшегося умирать на родину. Попытавшись сразу после Октябрьской революции сотрудничать с новыми властями, он вскоре разочаровался в них и, покинув Россию, обосновался в Париже. Оторванный, как и все

эмигранты, от российской действительности, питавшей его творчество, он тосковал по родине, а с середины 30-х годов стал искать возможность вернуться в Россию. Но возвращение зависело не только от его желания. Политическая целесообразность такого шага определялась на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Публикуемые ниже документы высвечивают новые детали этого события и атмосферу последнего года жизни признанного мастера.

№ 1

ЗАПИСКА В. П. ПОТЕМКИНА¹ Н. И. ЕЖОВУ²

12 октября 1936 г.
Сов. секретно.
№1210.
Париж.

Дорогой Николай Иванович,

7-го августа, будучи у т. Сталина³, я, между прочим, сообщил ему, что писатель А. И. Куприн, находящийся в Париже, в эмиграции, просится обратно в СССР. Я добавил, что Куприн едва ли способен написать что-нибудь, так как, насколько мне известно, болен и неработоспособен. Тем не менее, с точки зрения политической, возвращение его могло бы представить для нас кое-какой интерес. Тов. Сталин ответил мне, что, по его мнению, Куприна впустить обратно на родину можно. Предполагая быть у Вас, я просил у тов. Сталина разрешения сослаться на его заключение по вопросу о возвращении Куприна. Такое разрешение мне было дано, причем тов. Сталин сказал, что и сам сообщит Вам свое мнение.

Быть у Вас мне не удалось, хотя я неоднократно осведомлялся в Вашем Секретариате, не сможете ли Вы меня принять. Вернувшись в Париж, я предвижу, что Куприн вновь поставит передо мной свой вопрос. Если найдете возможным, дайте мне знать, стоит ли его обнадеживать. Между прочим, для меня небезразлично было выяснить, чем будет жить Куприн, если к нам вернется. Прежде всего, думается, можно было бы переиздать кое-какие его сочинения, среди которых имеются и хорошие вещи. Это дало бы ему некоторое обеспечение. Во-вторых, можно было бы использовать по линии совкино дочь Куприна, довольно известную молодую киноактрису, о которой я доставил т. Шумяцкому⁴ некоторые сведения. Во всяком случае, однако, сам я не буду пока двигать вперед купринское дело, — в ожидании окончательного разрешения этого вопроса в Москве.

Я очень сожалею, что пришлось уехать из Москвы, не поговорив с Вами, — в частности о некоторых других здешних наших делах. Воспользуюсь для этого бли-

Встреча А. И. Куприна на вокзале. Москва. 1937 г.

жайшей диппочтой. А пока, — искренне желаю Вам здоровья и полнейшего успеха при выполнении возложенных на Вас ответственнейших задач. Мария Исаевна⁵, которой я передал Ваш привет, сердечно кланяется Вам и Вашей жене.

Всего Вам наилучшего.

С товарищеским приветом

Вл. Потемкин*.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 257. Л. 31. Машинописная копия. Подчеркивания карандашом сделаны, возможно, рукой В. М. Молотова.

Примечания

1. Потемкин В. П. (1874–1946) — дипломат, полпред СССР во Франции.
2. Ежов Н. И. (1895–1940) — нарком внутренних дел СССР.
3. В журнале приема посетителей И. В. Сталина

- визит В. П. Потемкина не зафиксирован.
4. Шумяцкий Б. З. (1886–1942) — заведующий Главным управлением кинофотопромышленности при Совнаркоме СССР.
5. Мария Исаевна — личность не установлена.

№ 2

ЗАПИСКА В. П. СТАВСКОГО¹ В ЦК ВКП(б)

В ЦК ВКП(б) товарищу СТАЛИНУ.
В СОВНАРКОМ СССР товарищу МОЛОТОВУ

Сообщаю, что на другой день после приезда писателя А. КУПРИНА в Москву², состоялась с ним беседа у меня и Всеволода ИВАНОВА³.

Крайне тягостное впечатление осталось от самого А. КУПРИНА. Полуслепой и полуглухой, он к тому же и говорит с трудом, сильно шепелявит; при этом обращается к своей жене, которая выступает переводчиком.

Не без труда удалось выяснить у них обоих, что:

— «Никаких планов и намерений у нас нет. Мы ждем, что здесь нам скажут».

---

* Записка В. П. Потемкина была переадресована Н. И. Ежовым в ЦК ВКП(б) на имя Л. М. Кагановича и В. М. Молотова со следующей сопроводительной справкой: «Посылаю записку т. Потемкина о разрешении въезда в СССР писателю А. И. Куприну. Ежов». Вопрос был вынесен на усмотрение членов Политбюро ЦК ВКП(б). Опросом 27 октября 1936 года было принято решение: «Разрешить въезд в СССР писателю А. И. Куприну», при этом за разрешение на въезд высказались В. М. Молотов, И. В. Сталин, В. Я. Чубарь и А. А. Андреев, а К. Е. Ворошилов воздержался (Там же. Л. 30).

Встреча А. И. Куприна на вокзале. Москва. 1937 г.

— «Денег у нас хватило только на дорогу. Сейчас сидим без денег».

— «Хорошо бы нам получить под Москвой или Ленинградом домик небольшой, в котором мы и жили бы; а Александр Иванович — отдохнувши и поправившись, — писал бы!»

Прошу разрешения организовать А. КУПРИНУ санаторное лечение (месяц-полтора) и устройство ему жилища под Москвой или Ленинградом — силами и средствами Литфонда СССР.

Сообщаю, что Гослитиздат подготовил, к изданию 2 тома произведений А. КУПРИНА, что даст ему около сорока пяти тысяч рублей гонорара.

С комприветом

Вл. Ставский⁴

3.VI.1937 г.

Там же. Л. 33. Машинопись, подпись и дата — автограф. Подлинник.

Подчеркивания автора документа; имеется помета: «От т. Ставского».

Примечания

1. Ставский (Кирпичников) В. П. (1900–1943) — писатель, генеральный секретарь Союза писателей СССР.
2. А. И. Куприн приехал в Москву 31 мая 1937 г.
3. Иванов В. В. (1895–1963) — писатель.
4. Записка В. П. Ставского рассмотрена на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 7 июня 1937 г. Принято решение: «Разрешить Союзу Советских Писателей организовать А. Куприну санаторное лечение (месяц-полтора)

и устройство ему жилища под Москвой или Ленинградом — силами и средствами Литфонда СССР» (Там же. Л. 32). Летом 1937 г. писатель отдыхал и лечился в доме отдыха Литфонда в Голицыне. В столице А. И. Куприн прожил до конца 1937 г., затем переехал в Ленинград, лето 1938 г. провел в Гатчине. Умер в ночь на 25 августа 1938 г., похоронен в Ленинграде на Литераторских мостках Волкова кладбища.

«Против присвоения фамилии Сталин возражений не имею»

№ 1

1924 г. 29 Июля.

Добрый день Иосиф Виссарионович!

Вы конечно меня не знаете и даже не слышали, т. к. таких как я в СССР миллионы, а я Вас знаю по газетам и журналам*.

Прочитав в журнале «СМЕНА», который я выписываю, о Вас как о любимом ученике Ильича, я был воодушевлен этим, я думал что у Ильича не было любимых учеников.

Я от имени комсомола, прошу высказаться об Ильиче, как об учителе, на страницах журнала «СМЕНА», т. к. этот журнал является для рабочей молодежи руководителем. Надеюсь просьба будет удовлетворена.

Теперь я к Вам с личной просьбой: а прежде чем об'яснить сущность просьбы я опишу свою биографию.

Родился в 1907 г. 3/Х в Череповецкой губернии, Череповецкого уезда, Усищевской волости, деревни Лаврово, в семье бедного крестьянина. Отец с 12 лет занимается портяжным ремеслом. Прожив несколько лет в деревне, меня отправили в гор. Петроград, где я прожил около 5 лет. Потом опять меня увозят в деревню, отсюда на ст. Бабаево. Конечно ездил я не один, а с родителями. На ст. Бабаево нам рассказали про Няндому**, что мол там хорошо, и отец конечно поехал туда взяв и меня с матерью с собой. Приехав в Няндому, мы расположились, и по сие время живем тут, отец начал работать, немножко подзаработав купил небольшой домик в котором и сейчас живем.

Я кончил 7 классов Ед. Тр. Школу и перешел в 8, но мне надоело учиться во II ст., т. к. она многого не дает, я перешел в фабзавуч, который имеется на ст. Няндомы.

Теперь я опишу свою политическую деятельность: Комсомол в Няндоме организован в 1919 г., но я даже и не знал об этом, но в 1921 г. узнав от своего товарища, что в Няндоме есть Организация молодежи. Меня заинтересовала эта организация и я решил узнать каковы цели и задачи этого об'единения, я решил вступить в комсомол, придя домой говорю «Можно мне записаться в Комсомол». Не успев договорить, как мать меня заругала, вот ее подлинные слова: «Хулиган по ночам шляться да в церковь не ходить, вот чему учит комсомол, у меня только посмей, я тогда всего изобью». Вот что я получил за то, что хотел вступить в комсомол. Отец я незнаю почему-то молчал, вообще-то он мало говорит. И я решил изучить комсомол по книгам и с нетерпением ждал того момента, когда я выйду из под ига родителей.

Прошло 2 года, но я все не мог вступить в комсомол. Но вот пришел наконец

---

* Сохранены орфография и синтаксис подлинников. — *Ред.*

** Няндомы — город (с 1939 г.) в Архангельской обл. — *Ред.*

Индона 12 сентября 1922 г.
Многоуважаемый Носов Виссарион!

Позавчера получил ваше письмо за
которое очень и очень благодарю
и надеюсь что в ближайшем будущем
от времени будете писать, думаюсь
поинтересны вопросы с браунинским
Лининико.

Сегодня вместе с вашим письмом
пришло письмо в Вологду, в Судисно-
ком (письмо написано в Москве, о даль-
нейшей деятельности сообщу в ближайшее
время письмом).

Я окончил 1-ую группу земской школы
во второй группе земской школы. Сдан
на 3 категорию. Вместо 13 р. денег
получил 13 р.

этот день, это было 30/III-23 г. дело было перед пасхой, член Райкома РКСМ, устроил общее собрание II-й ступени и сделал доклад о комсомольской религии и проведенный ими пасхи. Я и один мой товарищ написали записку об организации при школе II-й ступени, ячейки РКСМ. Он ответил, что можно и объявил что желающие вступить в комсомол должны остаться после собрания.

Собрание кончилось человек 13 ребят осталось, но никто не подходил к столу, для того чтобы записаться, я решил итти, не робея я подошел и сказал свою фамилию имя и отчество, за мной повались и остальные 12 человек.

Тут произвели выборы Секретаря ячейки, которым оказался я.

Придя домой я демонстративно заявил «Я записался в комсомол, что хотите то и делайте, но я не выплусь».

Меня начали ругать и решили так, не давать ни сапог, ни хлеба, мол тогда об-

разумишься, а босиком в марте месяце далеко не уйдешь, но я духом не падал, на утро надо идти в школу, но я не встаю, а жду когда разбудят, наконец мать подходит со словами «Дрыхня вставай, али целый день спать будешь, в школу то пойдешь». А я в ответ «Сапоги дадите, так пойду». Дали но с условием чтобы я выписался из комсомола, а закусить ничего не дали, придя в школу хлеба я у ребят достал и наелся, некоторые ребята мне рассказали такие же истории, что и у меня, а трое даже выписались но через три дня вновь вступили тайно и в Союзе и сейчас работают. Придя в школу мы думали, что пока нас никто не заденет на комсомольской почве, но нет, большинство молодежи нас начало ругать песни петь про комсомол и т. д.

Придя домой меня спрашивают, выписался, я твердо отвечаю «Нет и не выпишусь». Конечно мне тут нахлобучка, да плюс 3 дня ни хлеба ни воды, но в школу гоняли, где я и кормился. Но в конце концов родители смирились и я начал без помехи вести союзную работу. 7 месяцев секретарь ячейки, 5 месяцев редактор стенгазеты, и другое. Иногда приходилось бросать учебу, и исполнять союзную работу, но несмотря на это я перешел в III кл. II ст., в котором я почти-что не учился. В настоящее время учусь в ФЗУ при ст[анции].

Здесь тоже работы хватает по горло. Веду работу следующую:

1. Член бюро ячейки РКСМ при ФЗУ.
2. Секретарь Полит-кружка.
3. Председатель Комиссии по связи с деревней.
4. Секретарь кружка по изучению Ленинизма.
5. Секретарь по связи с флотом.
6. Член ОДВФ.
7. Член МОПР.
8. Корресподент в стен-газету «Молодой строитель».

Но довольно я думаю расписывать, а ближе к делу: Я молодой Ленинец, на днях была политпроверка, и я сдал в 3 группу, самая сильная и лучшая. И как Ленинец изучаю заветы Ленина, посещаю кружок Ленинизма 3 группы.

И как Ленинец, я тоже желаю почтить память Ильича, а посему на дому имею уголок Ленина, в котором имеются немножко литературы и плакаты. Но нет статейки.

Я хотел по смерти Ильича, хотел свою фамилию Блохин переменить на Ленин, но подумавши я решил, что я не достоин такой участи.

И вот я решил переменить свою фамилию на Вашу, т. е. Сталин, если меня спросят «почему вы переменяли фамилию на Сталина».

Я отвечу «в честь любимого ученика Ильича тов. Сталина».

А посему я обращаюсь к Вам тов. Сталин не имеете ли чего против этого. Если нет, то прошу дать мне раз'яснение, куда мне обратиться и можно ли мне переменить фамилию.

Так как я говорил с одним из партийных, он говорит, что нужно 18 лет или старше, а моложе нельзя, а мне только 17 лет.

Прошу дать поскорее ответ, так как скоро занятия кончатся и я уеду куда либо.

С ком. приветом Блохин.

Адрес таков: Ст. Няндомы Сев. ж. д.
поселок дом № 38
Фабзайченку Мих. Ник.
БЛОХИНУ.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 711. Л. 185—189. Подлинник. Рукопись.

№ 2

Копия
3 сентября 1924 г.

тов. М. Н. Б л о х и н у.

(ст. Няндомы, Сев. ж. д.,
поселок, д. № 38).

Дорогой товарищ!

Против присвоения фамилии Сталин никаких возражений не имею, наоборот, буду очень рад, так как это обстоятельство даст мне возможность иметь младшего брата (у меня братьев нет и не бывало).

193-05

7 сентября съезд с одним из тов.
лицем в подмосковную усадьбу; за
этим предостережением с лозунгом.

Комсомол выполняет задание
Ильича.

Да здравствует стачка города
с деревней!

У усадьбы РАКСМ при РАКСМ
усадьбы

А также съезд и доклад
и международные и внутренние дела
матери СССР, а говорящий "О Несто-
ском деле".

В день 7 сентября комсомол с. Н. у
матери предает партию 11 коммунист
своим товарищам.

Ты же как будишь. Я.

В комсомольском комитете Н. у.

Алексей С. [?]

Статью постараюсь написать, как только получу возможность. Что касается процедуры перемены фамилии, то за справками надо обратиться в Административный Отдел Губисполкома.

С коммунистическим приветом

И. Сталин

Там же. Л. 190. Копия. Машинопись.

Няндомы 12 сентября 1924 г.

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Позавчера получил ваше письмо за которое очень и очень благодарю и надеюсь что в дальнейшем время от времени будете писать, делиться жизненными вопросами с братишкой Мишанко.

Сегодня вместе с вашим письмом отправляю письмо в Вологду, в Губисполком (насчет перемены фамилии), о дальнейших результатах сообщу в следующем письме*.

Я окончил I группу, теперь работаю во второй группе фабзавуча. Сдал на 3 категорию, т. е. вместо 13 р. получаю 13 р.**

7 сентября ездил с одним из товарищей в подшефную ячейку, где я преподнес знамя с лозунгом.

КОМСОМОЛ ВЫПОЛНИТ ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СМЫЧКА ГОРОДА С ДЕРЕВНЕЙ.

От ячейки РЛКСМ при ФЗУ ст. Няндомы

Также сделал и доклад «Международное и внутреннее положение СССР», а товарищ «О Юношеском дне».

В день 7 сентября комсомол ст. Няндомы передал партии 11 наилучших своих товарищей.

Пиши как будет время.

С комсомольским приветом М. Блохин.

Адрес: ст. Няндомы Фабзавуч М. Блохину.

Там же. Л. 193—193 об. Подлинник. Рукопись.

*Выпуск «Вестника» подготовили:
Александр КОРОТКОВ,
Сергей МЕЛЬЧИН,
Александр СТЕПАНОВ,
Анатолий ЧЕРНЕВ.*

*В номере использованы фотографии
из фондов АПРФ и РГАКФД.*

---

* Других писем М. Блохина в деле нет. — *Ред.*

** Так в тексте. — *Ред.*

Библиотека журнала «Источник»

Вышла из печати книга

«229 кремлевских вождей»

Краткие биографические справки о членах и кандидатах в члены Политбюро (Президиума), о членах и кандидатах в члены Оргбюро, членах и кандидатах в члены Секретариата, секретарях ЦК Коммунистической партии, уточненные по архивам и другим источникам. Справочник привлечет внимание всех интересующихся советским периодом истории нашей страны.

Библиотека журнала «Родина»

Вышла из печати книга

«Страсти у трона»

В книге известного российского историка Н. Павленко рассказывается о заговорах, интригах и тайнах вокруг императорского трона середины и второй половины XVIII века. (В сокращенном варианте она печаталась в журнале «Родина».)

Редакция продает вышедшие ранее книги из серии «Библиотека журнала «Источник»

1. «Иосиф Сталин в объятиях семьи». — Отпускная цена 4000 р.
2. «Кремлевский самосуд». Секретные материалы Политбюро ЦК КПСС о писателе А. И. Солженицыне. 1963–1979. — Отпускная цена 10000 руб.
3. В. Лебедев. «Державный орел России». — Отпускная цена 15000 руб.

Цены указаны без стоимости доставки.

Можно приобрести также отдельные номера «Источника».

Справки по тел.: 202-34-39; 202-62-65

В следующем номере:

Народные мемуары

«Назвать только дешево стала цениться жизнь».
Дневник бежецкого священника И. Н. Постникова
1917–1919 гг.

В глубине веков

Вотчина в Заволжье — царский дар
патриарху Никону.
«Роспись землям» и сегодня интересует
историков и... биологов.

Журнал в журнале

«Наше положение хуже каторжного» — сказано
о первых советских выборах в Академию наук.
Это одна из публикаций
«Вестника Архива Президента Российской
Федерации».